

Вадим Толубев

*Изломы
судеб*

Роман

Вадим Голубев

Изломы судеб. Роман

«Издательские решения»

Голубев В.

Изломы судеб. Роман / В. Голубев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939157-5

«От тюрьмы и от сумы не зарекайся», — гласит народная мудрость. Героев этой книги судьба то высоко возносила, то швыряла на самое дно жизни. То же за столетие случилось и со всем нашим народом. В течение 100-летия ломались судьбы всего народа и судьбы отдельных людей. В романе нет вымысла. Он создан на основе событий реальных и фактов. В нем есть и любовь, и измена, и шутки, и жесть. Такова жизнь!

ISBN 978-5-44-939157-5

© Голубев В.

© Издательские решения

Содержание

ОХРАННИК СТАЛИНА	6
Между революциями	6
В огне революций	16
В вихрях Гражданской войны	28
Государственная граница	38
Контрразведка	47
Охранник Сталина	50
Новая жена	65
В тисках репрессий	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Изломы судеб Роман

Вадим Голубев

© Вадим Голубев, 2018

ISBN 978-5-4493-9157-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОХРАННИК СТАЛИНА

Между революциями

– Боже царя храни! – начинали выводить государственный гимн напольные часы в гостиной.

– Сильный державный царствуй, наш царь, на славу нам! – вторили им серебряные каминные часы – приз папаши – Александра Федоровича – подарок администрации Нижегородской ярмарки по случаю награждения продукции его мастерских серебряной медалью.

– Царствуй на страх врагам, царь православный, – подпевал швейцарский «брегет», с боем, переделанным для россиян, – приз папаше – серебряному призеру по штыковому бою, когда он служил в лейб-гвардии.

По нему уже отчитавший утренние молитвы Александр Федорович проверял точность всех часов в доме. Затем просто, но вкусно завтракал. В праздничные дни, особенно на Пасху, стол купца второй гильдии Лебедева ломился от закусок. На нем присутствовали все двенадцать видов черной икры, продававшейся в магазине Елисеева, белуга, стерлядь, осетрина горячего и холодного копчения, окорока, колбасы, сыры, купленные у того же Елисеева. В центре стола красовались блюда с целиком запеченным поросенком, гусем с яблоками, большие тарелки с пирогами и расстегаями. Для бутылок с выпивкой попросту не оставалось места. Они размещались на приставном столике и еще одном столике на колесах. Здесь теснились шустовский коньяк, смирновская водка, не меньше шести видов наливок и столько же настоек, портвейны и мадера, созданные в массандровских винных погребах. В будние дни Александр Федорович довольствовался немногим кашей, картошкой, квашеной капустой, овощами, творогом с молоком (если не было поста), рыбкой. Предпочитал осетринку. О красной рыбе говорил:

– Я этими лососями, когда служил, наелся! Нам в лейб-гвардии через день то кету с горбушей, то селедку давали.

Попив чайку, (кофе Лебедев считал напитком от лукавого), шел к заутренней. После нее, будучи церковным старостой, коротко справлялся у батюшки о проблемах храма. На какие работы надо собрать средства, кому из бедных прихожан помочь деньгами и вещами, к какому празднику и какие цветы приобрести. Затем окраины Москвы взрывались фабричными гудками. Звали к станкам рабочих предприятий Морозовых, Коноваловых, Ряпушинских, Шелупутиных, Канатчиковых, Кузнецовых, других богатых и очень богатых людей. Потоки черных и темно-коричневых пальто, бушлатов, поддевок, а в летнюю пору – синих косовороток с черными жилетами втекали в ворота предприятий. У Александра Федоровича своего гудка не было. Да и зачем? Все его работники жили рядом с заведением – тремя прилепившимися друг к другу домами. Один достался от отца. Двое других прикупил, когда развернулся, используя наследство и скопленные за время службы деньги. Второй этаж отцовского дома занимала семья Лебедева. Первый использовался как контора и своего рода демонстрационный зал, где была выставлена продукция мастерских: модельная и повседневная обувь, седла и конская упряжь. Сюда съезжались представители магазинов, собирались отправленные на Варшавский вокзал приказчики. Они высматривали обувь на господах, вернувшихся из Парижа, Берлина, Вены. «Крик моды» предлагали продать за немалые деньги. Поначалу их гнали в шею. Потом кто-то стал продавать. Затем появилась немалая группа людей, часто бывавших за границей, покупавших там две пары ботинок, полусапожек, дамских туфель. Одну для себя, другую для мастерской Александра Федоровича, с которого драли втридорога. Лебедев лишь усмехался. На втором этаже соседнего дома покупки распарывали, выясняли: как они сшиты, что к чему

пришито, что и как крепится. Затем по «рассекреченным» выкройкам шили точно такую же обувь. Однако, учитывая ошибки западных модельеров, делали ее еще более удобной. После чего приказчики с образцами разъезжались по магазинам и пассажирам, небольшим обувным лавкам. Все торговцы охотно покупали то, что еще несколько дней назад только появилось на витринах мировых столиц. Шили сапоги и ботинки для покупателей попроще: мелких служащих, торговцев, студентов, работяг. Ее качество было высоким, а цена доступной. Поэтому у заведения был постоянный доход. В третьем доме Лебедев держал мастерскую по производству седел и конской сбруи. Эта продукция «на ура» расходилась не только по Москве – по всей России, занимая призовые места на Нижегородской и прочих ярмарках. В купцы первой гильдии Александр Федорович не рвался. Говорил:

– Чем выше гильдия – тем выше требования к качеству товара. Не усмотришь – опозоришься, сраму не оберешься. Лучше делать меньше – да лучше!

Обрастал Лебедев не только домами, деньгами, машинами. Обрастал он и семьей. В разные годы родились дети: Николай, Александр, Кирилл, Геннадий, Екатерина, Константин. Скрипела зубами мамаша, не любившая бесприданницу – невестку Анфию Павловну: то начало века, то война, то революция, то еще какое событие, а молодая дура рожать собралась! Александр Федорович не обращал на этот скрежет зубовой внимания. У него была его Анфиюшка, которую он, увидев как-то на Красную Горку, полюбил на всю жизнь. Жена знала свое место – не лезла куда не надо. Была выше всяческих дрызг, не обращала внимания на попреки свекрови. Любила, в отличие от мужа, баловала деток, однако в меру. Те росли, радовали родителей, вместе переносили бури и невзгоды бурных времён, обрушившихся на страну, а вметсе с ней на семью каждого россиянина.

Николенька навсегда запомнил звуки часов, вызванивавших гимн Российской империи «Боже, царя храни». Потом маменьку Анфию Павловну, поднимавшую его со словами: «Вставай с постели! Оладушки спели!» Помнил он и неповторимый вкус оладушек, испеченных из белейшей муки. Позже в его воспоминания ворвалось другое. Люди в зеленых мундирах с золотыми погонами в гостиной. Пресмыкавшиеся перед ними первые богачи в округе, при встрече с которыми папаша Александр Федорович снимал шапки с себя с сына. Они же пренебрежительно подавали папаше, отвечая на его приветствия всего два пальчика. Теперь эти господа сами стояли, сняв соболиные шапки перед осанистым, дюжим военным.

– Распустили ваших мастеровых, господа купцы! Полезли они на баррикады! Свобода им понадобилась! Теперь вы просите, чтобы подчиненные мне артиллеристы не стреляли по фабричным зданиям, где укрылись бунтовщики! Сами виноваты! Раньше надо было думать и гнать всех неблагонадежных из ваших заведений. Каленым железом надлежало выжигать крамолу! Сейчас – не обессудьте! Баррикады из орудий разнесем! Будет стрельбы из производственных помещений – их сравняем снарядами с землей! – сказал воротилам военный и обернулся к Александру Федоровичу. – Ну а ты, братец, что скажешь, если и твои строения разрушим?

– Ежели для царя и отечества надобно, стреляйте, разрушайте, ваше превосходительство! – ответил Лебедев-старший, облаченный в свой праздничный сюртук, темно-синего английского сукна с медалью «За усердие» на анненской красной ленте. – Только мои работники по домам сидят. Я их перед самым началом заварухи предупредил: кого на баррикадах увижу – уволю...

– Вот, ответ настоящего верно-поданного, истинного патриота! Ну а вы, господа купцы, уповайте на милость Божью! Не смею задерживать, – с издевательской улыбкой отправил фабрикантов восвояси военный и обернулся к подчиненным. – Штаб полка разместим в этом доме! Ночевать тоже здесь будем!

– Ваше превосходительство, Георгий Александрович! Уж больно здание непрезентабельное! Не для вашего ночлега! – заметил кто-то из офицеров.

– Именно в роскошных хоробах нас будут искать бунтовщики. Сюда вряд ли сунутся, – ответил полковник. – Артиллеристам занять позиции! После того, как баррикады будут разрушены огнем орудий, вперед казаков! Следом мы – Его Императорского Величества лейб-гвардии Семеновский полк! Снарядов и патронов не жалеть! Захваченных с оружием в руках расстреливать на месте! За малейшее неповиновение расстреливать на месте! Распространителей крамольной литературы и призывающих устно к ниспровержению существующего строя расстреливать на месте! Что там за шум?

Солдаты ввели связанного брата папаши – дядюшку Арсения Федоровича.

– Так, что ваше превосходительство, этот избил казаков! – шелкнул каблуками фельдфебель.

– Ну и пристрелили бы!

– Наш он, господин полковник! Проходил службу у нас в полку, служил в моем отделении. Могучий кулачный боец. Мы с его помощью всегда побеждали, когда дрались с преображенцами, флотскими и прочими...

Дядюшка Арсений был на год младше Александра Федоровича. В отличие от старшего брата он быстро спустил свою долю наследства и теперь работал в мастерских Лебедевых. Мастером был прекрасным. Любил выпить, но в меру. Однако любил подраться по поводу и без повода. Шел в первых рядах, когда сопредельные околотки (районы – авт.) сходились «стенка на стенку». Дрался на Святки, и на Масленицу, и на Пасху, и на Троицу, и в другие праздники. По будням, впрочем, тоже не упускал случая, чтобы врезать кому-нибудь по роже. Вот и в тот день собрался дядюшка на баррикады. Слова свобода и равенство были для него пустыми звуками. Шел, чтобы потешить себя: «навалить» городским с казаками, как он делал это с евреями, да армянами еще пару месяцев назад, помогая погромщикам из «Союза Русского Народа». Только собрался на выход – в домик, где жил вломилась тройца казаков.

– Мужик! Водку давай! Жрать хотим! Скажи своей бабе, пусть приготовит чего-нибудь! – велели Арсению Федоровичу, заметившему в окно гарцевавших по улице казаков, а за ними шедших строем солдат Семеновского полка.

– Не успел! – пронеслось в мозгу Арсения. – А жаль!

Он достал бутылку «Смирновской» водки, которую казаки «усидели» в три стакана. Не дожидаясь, пока жена хозяина Аглая подаст на стол, полезли по шкафчикам на кухне и кастрюлям, руками выуживая из них съестное, и отправляя найденное в рот.

– А ты – сладкая! – облапил один из казаков Аглаю. – Где у вас спальня? Пошли!

– Ты, что творишь?! – вскинулся Арсений.

– Да, ладно, сиволапый! – небрежно бросил другой казак и двинул Арсения кулаком в ухо.

Казак не знал, с кем имеет дело. Увернувшись от удара, Лебедев сам долбанул противника в челюсть. Тот опрокинулся и, стукнувшись головой об пол, затих. Второго Арсений Федорович тоже свалил, «заехав» кулаком по виску. Облапивший Аглаю схватился за шашку, но было поздно. Арсений бил кулаками, вышибая из насильника зубы и кровавые сопли, пока лицо того не превратилось в месиво. В это время в дом вошли солдаты Семеновского полка. Хотели застрелить Лебедева, но не дал узнавший его фельдфебель. Лейб-гвардейцы, считавшие казаков полным отстоем, разумеется, вступились за своего. Однако доставили к командиру полка, в-первую очередь опасаясь, как бы сослуживцы избитых не расправились с кулачным бойцом.

– Что же ты, братец, бунтуешь? Слуг государя-императора бьешь? – спросил Лебедева командир полка Георгий Александрович Мин.

– Так что, ваше превосходительство, казаки хотели мою жену изнасиловать, – вытянулся Арсений.

– Некогда мне с тобой возиться! Фельдфебель! Возьми кого-нибудь из московских, кто город знает, и отведи этого субъекта в дежурную часть при генерале-губернаторе. Там разберутся!

– Разрешите, ваше превосходительство, мои казачки его сопровождают! – подал голос низкорослый от всех прочих, кривоногий офицер.

– Ваши казачки, господин подьесаул, его в ближайшей подворотне зарубят. Фельдфебель! Выполнять приказ! Господин полковой адъютант, подготовьте сопроводительную записку!

Как выяснилось позже, дядюшку продержали неделю в подвале дома генерал-губернатора, пока «умиротворяли» московских пролетариев, студентов и примкнувших к ним маргиналов. Потом быстро осудили, не вдаваясь в подробности дела. Приговорили к пожизненной каторге на Сахалине.

– Тебе жизнь сохранили. Не записка полковника Мина – повесили бы, как собаку! А на Сахалине люди тоже живут, – «напутствовал» Арсения старичок-председатель суда.

Это было позже. А тогда Лебедевы ютились в домике, где проживал брат Арсений с женой и матерью Акулиной Никаноровной. Гремели взрывы, трещали винтовочные и револьверные выстрелы. Сквозь них доносилось: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног!» и могучее русское ура, с которым шли в атаки гвардейцы-семеновцы. Три дня служивые громили Пресню – оплот революционеров. Потом «зачищали» другие районы Первопрестольной. Затем лейб-гвардии Семеновский полк пошел воевать дальше. Александр Федорович с семьей вернулся в свой дом. Прибежала соседка. В ужасе сообщила Анфии Павловне, что только в одном дворе Трехгорной мануфактуры расстреляли более тысячи человек. Потекли к Ваганьковскому кладбищу телеги с некрашеными, наспех сколоченными гробами. Там же тихо похоронили убитых революционерами солдатиков, казаков, полицейских. Еще через два дня городские прошли по домам владельцев предприятий, лавочников, сообщая, что разрешено возобновить работу. Открылись магазинчики и лавки, хозяева коих сразу же вздули цены.

– Грех на крови наживаться, Бог накажет! – вздохнул Александр Федорович, когда супруга пожаловалась ему на дороговизну. – Пойду работников собирать. Делом заниматься надо, а не бунтовать! Тогда и дороговизны не будет.

Николенька быстро забыл о днях, проведенных в дядюшкином домишке. У него снова была своя комнатка, игрушки из которых он больше всего любил коня, сабельку, да гусарский кивер. Лишь около года спустя напомнил о революции отец, читавший за вечерним чаем газету.

– Убили знакомца нашего Георгия Александровича Мина. Девушка Коноплянникова, учительница, выстрелила ему четыре раза в спину. Смерть наступила мгновенно...

– Это – тот самый полковник, что у нас в декабре прошлого года квартировал? – спросила Анфия Павловна.

– Он, самый...

– А девушку-то поймали или убежала?

– Поймали. Наверняка, повесят! Мина-то за наведение порядка в Москве генерал-майорским званием пожаловали. Да и будь он полковником тоже по головке бы не погладили. Тем более, эта Коноплянникова сама призналась, что убийство политическое и мстила она Георгию Александровичу за смерть ее друзей-революционеров. Да еще совершила преступление с особыми дерзостью и цинизмом: публично, на глазах жены и дочерей убитого. А ведь – культурный, вроде бы, человек. Учительница – не босячка какая-то! Будет теперь в петле корчиться. А могла выйти замуж, детей нарожать, дать им образование, воспитать верно-поданными государю, полезными отечеству людьми. Все эти революции от безделья, незанятости мозгов и рук происходят!

Спустя пару недель Коноплянникову повесили. Коля это услышал, опять же, за вечерним чаем.

– Жила бы девка, да жила! Двадцать семь годиков всего-то! – охнула мать. – Да и Мин покойный тоже хорош был! Сколько его солдаты народу только на одной Пресне убили! Говорят, расстреливали даже за то, что рожа не понравилась!

– С террористами можно справиться только ответными мерами. Тем же террором! А здесь, сама понимаешь: лес рубят – щепки летят!

Позже Николенька понял смысл того, о чем говорили родители. Тогда же у него были свои, детские дела, желания, мечты. Мечтал дожить до нового Рождества, чтобы попасть в дом друга детства папаша – купца первой гильдии Василия Князева. Там ждала его дочь Леночка. Детские игры со временем переросли в увлеченность. После Рождества Коля ждал Пасхи, когда Князевы приедут к ним разговляться. Снова игры, разговоры, а когда подросли – даже танцы с Леночкой. Потом ждал Троицы, после нее Яблочного Спаса, чтобы снова увидеться с Леночкой. Дни же его протекали, как и дни всей Москвы: тихо и богобоязненно. Утренняя молитва, помощь матери по уходу за младшим братиком Шурой, родившимся в 1905 году. Ох, и поскрипела тогда бабушка Акулина Никаноровна, не любившая маму Анфию:

– Революция идет, а она – дура рожать собралась!

Когда подрос, стал ездить с матерью за покупками, где освоил счет. Она же исподволь учила сына молитвам, позже – грамоте. А вот гимну Российской империи научил отец. Коля как-то спросил его, что за музыку играют все часы в доме.

– Это – главная песня каждого русского человека, – ответил Александр Федорович. – Слова же у нее такие: «Боже, царя храни...»

Обладавший прекрасной памятью и музыкальным слухом ребенок быстро выучил гимн и во время ближайшего праздника спел его гостям. Мальчик был удивлен, когда взрослые люди встали, услышав пение, и со слезами умиления на глазах подхватили слова. Тогда у Николеньки появилась еще одна обязанность: петь вместе с родителями в церковном хоре. Обязанность была приятной. Во-первых, семилетний мальчуган чувствовал себя равным взрослым. Во-вторых, отец всегда награждал за труды то крендельком, то шоколадной конфетой, то коробочкой леденцов фабрики Ландрина. Не нравилось Коле другое в предшествующее Великому посту Прощенное воскресенье надлежало идти к родителям и просить прощения. Мальчик недоумевал: «За что? Ведь целый год я не сотворил ничего плохого. Был покорен, делал все, что велели папенька с маменькой, никого не обижал. Разве что бывало поддавал Шурке, когда тот не слушался. Так за это у него надо просить прощения!»

Девяти лет от роду Колю отдали в ремесленное училище.

– Думаю со временем закупить машины. Нужно, чтобы свой человек умел ими управлять и чинить их, – принял решение папаша Александр Федорович.

Коля не запомнил, что говорил на торжественной линейке директор училища высокий сидящий господин в мундире. Внимание мальчика привлекли красный в золоте крест на шее директора, блеск муара, эмали и золота на груди, маленькая шпага на боку у директора. В мундирах с орденами и при шпагах стояли другие учителя. Еще больше внимание ребенка привлек висевший за спиной директора огромный портрет государя-императора Александра Второго, одетого в гусарский мундир.

На первом же уроке Николенька отличился. Его приняли в класс для детей уже умеющих читать и писать. Учебник начинался с гимна Российской империи.

– Это главное произведение, которое обязан знать каждый россиянин, – сказал учитель. – Может быть, его уже кто-то знает?

– Я знаю, – сообщил Коля.

– Прочитай наизусть!

– Я и спеть могу!

– Что ж, спой!

Мальчик запел. С особым вдохновением он пел его любимый куплет: «Перводержавную Русь православную, Боже храни, Боже храни! Царство ей стройное, в силе спокойное, все ж недостойное прочь отжени!»

– Похвально, весьма похвально! – улыбнулся учитель. – А знаешь, кто написал слова.

– Слова написал поэт Василий Андреевич Жуковский, а музыку его превосходительство генерал-майор Алексей Федорович Львов.

– Пятерка с плюсом! Неплохо для первого дня! Надеюсь, дальше также будешь учиться и не только по моему предмету!

Потом пошли уроки, домашние задания, помощь матери в уходе Шуркой, родившимися после него Кириллом, Геннадием, сестренкой Катей, пение в церковном хоре училища. Учеба давалась легко. Из класса в класс Николай переходил с похвальными листами. Так, и подошел к Великому юбилею – 300-летию династии Романовых. Колю, как одного из лучших учеников, взяли на торжественную встречу прибывавшей в Москву царской семьи. Учеников нарядили в кремового цвета картузы, рубашки, брюки. Построили в начале Тверской, неподалеку от Александровского (ныне Белорусский – авт.) вокзала. Далее поставили учеников коммерческих и реальных училищ, гимназистов, студентов. За учащимися плотной шеренгой стояли городовые и лишь за ними народ, жаждущий взглянуть на государя, возликовать при его виде в искреннем восторге. Где-то вдалеке слышались звуки маршей. На пороге церквей выстроилось духовенство, прихожане с иконами и хоругвями. Послышалось далекое все нарастающее ура. Ударили колокола.

– Едут! Едут! – разнеслось по толпе.

– Я тебе покажу, как револьвером размахивать! – раздалось за спиной у Николеньки.

Строй на мгновение разрушился. В прореху между людьми Коля, оглянувшись, увидел мужчин в одежде мастеровых, скрутивших парня в студенческой тужурке.

– Повернись! – слегка подтолкнул Лебедева полицейский. – Государь едет!

Церковные певчие запели «Боже, царя храни!» Народ взорвался криками ура. Полетели вверх шляпы, картузы, чиновничьи фуражки. Со слезами радости на глазах замахали платочками и букетиками цветов женщины. Рысью шла сотня конвоя Его Императорского Величества – красавцы-казаки в алых черкесках с медалями во всю грудь, а кое-кто с георгиевскими крестами. Следом верхом ехал царь – небольшой, худенький человек с рыжей бородкой и в зеленом мундире. Он даже несколько разочаровал Николеньку, представлявшим государя-императора богатырем огромного роста.

– Матушка-государыня! – разнеслось по толпе.

Императрица Александра Федоровна в белом платье и черной широкополой шляпе милостиво улыбалась подданным. Следом ехали в открытых колясках царские дети – девицы в белых платьях и престолонаследник Алексей Николаевич – пацаненок в матросской куртке. После них потянулась вереница, которой, казалось, не будет конца, конных экипажей с министрами, сановниками, московским начальством. Уже в училище ребятам вручили кульки с леденцами, пряниками, кружкой с портретом государя-императора и его предка – первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича. В качестве подарка к юбилею оставили кремовую форму. Все эти дни Александр Федорович появлялся дома только ночью, когда дети спали. Когда же торжества завершились он вернулся с медалью на обшитой белым, оранжевым и черным муаром колодке.

– Наши купцы все такие медали получили. Только они деньги за них заплатили, а мне, ох как, пришлось покрутиться по организации торжеств! – с гордостью сказал Лебедев старший супруги и детям, поздравившим его с наградой.

Пролетел еще год. Началась Первая мировая война.

– Колька! Немцев бьют! – влетел в дом Лебедевых двоюродный брат Лёня – сын отправленного на каторгу Арсения Федоровича. – Пойдем немчуру с австрияками громить!

Николенька, было, ринулся за двоюродным братом, однако, зашедший домой отец, ухватил пацана за ухо. Второй рукой попытался поймать Лёньку, но тот увернулся и был таков. Брат возвратился вечером. Он был в соломенной шляпе канотье, не по размеру пиджаке с карманами, набитыми шоколадом.

– Угощайся! – протянул он брату шоколадку, с обертки которой смотрели царь и царица. – Сколько же у немчуры всякого добра! Когда магазины их разорвали, каждому что-то досталось! Зря тебя дядюшка не пустил! Вдвоем бы столько нахапали!

– Отдай шоколад, Коля! – раздался за спиной голос отца.

– Так, дядюшка, я ж от чистого сердца! Я и другим двоюродным принес... Проявил патриотизм, гонял басурманов...

– Это – не патриотизм, а разбой. Будь ты моим сыном, Леонид, выдрал бы тебя как сидорову козу! Скройся с глаз моих с этими шоколадками! А за прогул из жалованья вычту! Не посмотри, что ты – единственный племянник.

С десяти лет Лёнька начал работать в мастерских Александра Федоровича. Пока его отец был на свободе, обучил мальчишку всем премудростям профессии. С годами Лёнька стал лучшим работником дядюшкиного заведения. Однако был в отца, научившему его приемам рукопашного боя. С детства Лёнька на пару с Арсением Федоровичем дрался «стенка на стенку». Сначала на «пограничный» между районами луг или замерзший пруд выскакивали мальчишки. Задирались, дразнили друг друга. После начиналась потасовка. Следом за пацанами в драку вступали подростки, за ними – парни, за ними – взрослые мужики. Дрались, пока одна сторона не обращала в бегство другую. Потом расходились по питейным заведениям и домам отметить победу. Оказывали помощь сильно пострадавшим. Кое-кого приходилось отправлять в больницу. Ну а проигравшие бой тоже разбредались по кабакам и трактирам залить водкой горечь поражения. Купцы и прочие богатеи не дрались. Они наблюдали за боем с какого-нибудь высокого, безопасного места. Александр Федорович категорически запретил детям участвовать в «битвах». Он знал, что накануне драки воротилы заключали в Купеческом собрании пари, делая подчас большие ставки на победу своего околотка.

– Богачам-миллионщикам – потеха, а людям синяки, да шишки! – говаривал Лебедев-старший. – Не по-христиански бить морды друг другу, ради удовольствия фабрикантов.

Лёнька же преуспел в боях. Сначала отцовскими ударами валил с ног мальчишек, потом подростков, затем – парней и, наконец, дюжих мужиков. Учил он драться и Колю с Шурой. Правда, зная, что тем крепко влетит от отца с собой не брал.

С войной драк становилось все меньше и меньше. Гребли работяг на фронт. Зато Александра Федоровича завалили военными заказами. Своих работников он сумел выкупить, бегая по военному начальству, суя за кого-то «зелененькую», за кого-то – «синенькую», за кого-то – «красненькую» (три, пять и десять рублей – авт.) Семья стала жить лучше, чем до войны. Количество заказов росло с каждым днем. Александр Федорович нанял еще работников, за деньги освободив их от призыва. Приобрел через военное ведомство машины, существенно увеличившие производство продукции.

В 1915 году Лёньке стукнуло двадцать лет. Он явился к Александру Федоровичу и объявил:

– Так, что, дядюшка, я добровольно записался в армию. Послезавтра отбываю на войну.

– Я за тебя аж десятку заплатил! – крякнул Лебедев-старший.

– Попросите, дядюшка, чтобы начальство в следующий призыв вам скидку сделало! А мне в тылу неинтересно. Ребят всех в армию призвали, фулюганов. Даже в морду дать некому. Скучно!

Через день у полицейского участка собрались призывники – мрачные, подавленные мужчины в окружении жен и многочисленных детей, подвыпившие задорные парни.

– Ты уж этим германцам наваляй как следует! – напутствовала Лёньку бабушка Акулина Никаноровна.

– Служи честно! Пулям не кланяйся, но и лоб под них не подставляй! – сказал свое слово Александр Федорович.

– Эх, Лёнька! Забубенная твоя головушка! – всхлинула Аглая.

– Жаль, что я еще молод для армии, – обнял брата Николай.

– Я еще год назад охотником (добровольцем- авт.) хотел пойти, но из-за возраста не взяли, – ответил Лёнька.

– Становись! – раздалась команда.

– Надо же! Словно каторжников ведут! – вырвалось у Лёньки, увидевшего солдат с винтовками по краям строя.

– Направо! Шагом марш! – скомандовал одноглазый офицер с георгиевским крестом на мундире.

Забились в вое, заголосили бабы. Им стали подвывать детишки. Грустно, словно в последний раз, бросали на них взгляды мужики.

– Да, что же мы, братцы, словно на похороны идем?! Давай нашу любимую! – крикнул Лёнька завел, поддержанный хором с присвистом, типичным московским аканьем и типичным московским вкраплением слов, совершенно не влезавших размеры музыки и стиха:

– Пращай, Масква мая радная! Пращай, атец, пращай семья! Еще пращай, падруга, мая дарагая! Надолго вас пакину я.

– Пращай ты, новая дяревня, пращай радимыя края... – угасла за углом песня.

Бабы теперь не выли, а тихо плакали, расходясь в разные стороны.

– Храни вас Господь! – перекрестил скрывшихся за поворотом последних новобранцев Лебедев-старший.

Немногим удалось вернуться домой с той страшной войны, ставшей началом конца великой империи.

Коля с братом Шуркой следил за событиями на фронтах. Пацаны радовались победам русского оружия, грустили, когда нас теснил противник. А теснил он российские армии крепко. Вечером к карте, на которой мальчишки то на запад-восток, то на север-юг двигали бумажные российские, немецкие, австрийские, турецкие флажки, подходил Александр Федорович, вздыхал, глядя на них:

– Когда же это кровопролитие кончится? Не дело – христианам христиан убивать!

– Зато, папенька, заказов у нас полно, – наперебой говорили сыновья. – Половину армии сапогами, да седлами снабжаем!

– Заведение, конечно, процветает как никогда. Однако на все воля Божья. Будем терпеть, трудиться, благодарить Господа за дарованное!

Трудился Лебедев-старший не за страх, а за совесть, обрастая золотыми и серебряными медалями «За усердие» на груди и шее. На Рождество возглавлял обоз с подарками фронту. Сам дарил три воза: с обувью, седлами и конской сбруей, бочонками меда для лазаретов со своих подмосковных пасек. Семья позволяла себе больше, чем до войны. Случалось, правда, бабушка Акулина Никаноровна жаловалась, что мясо снова подорожало, а маменька Анфия Павловна сетовала:

– До войны у Елисеева продавалось шестнадцать видов черной икры, а сейчас всего лишь девять. Да и чай, хоть цейлонский, хоть индийский, хоть китайский уже не тот! Верно, примешивают к нему что-то!

В конце шестнадцатого года вернулся с фронта Лёнька. Он был в щеголеватой шинели с юнкерскими погонами, перепоясывавшими их ефрейторскими нашивками.

– Ты, что, Лёня, в юнкера поступил? – спросили Коля с Шуркой.

– Нет, я зачислен в школу прапорщиков. У нас такие же погоны, как у юнкеров. Я перед тем, как домой прибыть, в школу явился. Там в баньке от вшей пропарили, все новое выдали. Только этот «иконостас» оставили, кивнул на грудь двойродный, снимая шинель.

Коля с Шуркой ахнули, увидев мерцавшие серебром георгиевский крест и две георгиевских медали на Лёнькиной гимнастерке.

– Теперь, Лёня, через четыре месяца станешь «вашим благородием», дворянином, – с завистью сказал Николай, мечтавший поступить в это учебное заведение, если война затянется, а он достигнет к тому времени призывного возраста.

– Вашим благородием буду, а вот с дворянством придется покурить. Обманул нас царь-батюшка. Многие шли в школу, надеясь получить титул. Ан, нет! дворянского звания нам не положено. Самое большее на, что можно рассчитывать – чин капитана. А после завершения военных действий немедленное увольнение в запас. Не об этом люди мечтали!

– Что ты, брат, говоришь?! Как царь может обмануть?! – изумился Николенька.

– А как он народ в девятьсот пятом году обманул? Вроде бы, даровал Государственную думу, свободу слова, собраний, шествий. Потом все это отобрал! Дума – обманка, за собрания сажают, шествия разгоняют. Как в гимне про царя поется? «Гордых смирителю, слабых хранителю, всех утешителю все ниспошли!» Смирил император распутинскую клику? Пьянствуют, кутят, развратничают, Россию вразнос продают! Хранит он слабых? Сколько крестьянских хозяйств разорилось! Сколько солдатских вдов с детьми малыми по миру пошли! Чем он этих вдов, да детишек утешил. Чем утешил служивых, руки-ноги в этой мировой войне потерявших? Ничем!

– Ну, калекам пенсию дают, – встрял Шурка.

– С пенсии этой жить, может быть, будешь, а бабу поиметь не сможешь! Такая «большая» пенсия!

– Ты лучше, Лёня, расскажи, как в действующей армии? Как воевал?

– Что тут рассказывать? Сидим в окопах, кормим вшей. Когда кому-то из высокого начальства надо отличиться – получить очередной орден – идем в наступление. А патронов нет, гранат нет, снарядов нет. Хотя в тылу, на складах этого добра полно. Прём со штыками на пулеметы. Бьют нас германцы почем зря! Отобьем, умывшись кровью, линию окопов или деревеньку, получают господа-генералы кресты со звездами – получаем приказ отойти на прежние позиции. Своих потом тысячами в братские могилы кладем. Германцев – тоже. А ведь и у них жены, дети, старики-родители...

– Ну, ты-то, брат георгиевские отличия имеешь...

– Отличился по началу, по глупости. Потом тоже убивать пришлось. Не потому, что германец – враг, а потому что, если я его не убью, он меня убьет. А какой немец враг? Такой же рабочий или крестьянин. Так-то, Коля! На фронте народ быстро умнеет.

– Зачем же ты с такими настроениями в школу прапорщиков подался?

– Мелко еще плаваешь, Коля, жопа видна. Да хотя бы четыре месяца от передовой, от смерти, крови отдохнуть! А в тылу тоже кому война – кому мать родна. Пешком из школы домой шел. Заглянул в Елисеевский. Прилавки от икры с осетриной, да омаров ломаются. Правда, от Елисеева меня быстро выставили. Кстати, не посмотрели, что герой войны и георгиевский кавалер. «Не положено нижним чинам в заведении находиться», – сказали. Прошел по Тверскому бульвару до Никитских ворот. Там в магазине колониальных товаров ананасы на полках лежат. Дальше от центра в лавках очереди за дешевой колбаской. А у нас, на Пресне очереди за черным хлебом!

– Наши рабочие себя и белым хлебом, и пряником с крендельком побаловать себя могут. Папаша хорошо платит, да еще время от времени повышает жалование, – попытался возразить Николай.

– Это – ваш папаша, а мой дядюшка такой добрый. Остальные три шкуры дерут. Но недолго терпеть осталось. У рабочих и солдат сейчас совсем иное настроение, нежели в начале войны. Вы только, ребята, Александру Федоровичу, о чем мы говорили, не рассказывайте! Не то он расстроится.

Потом пришли бабушка и мать Лёни Аглая. Бросив дела, явился Александр Федорович. С ним Анфия Павловна. Долго сидели, вспоминая былое. Леонид больше молчал, а когда его попросили рассказать о войне, ответил:

– Рассказывать особо не о чем!

Потом у себя в доме Анфия Павловна сказала:

– Повзрослел Леонид...

– На войне быстро взрослеют, – ответил ей муж.

Убийство Распутина потрясло Россию. Уж больно крепко врос старец Григорий со своими многочисленными прихлебателями во все сферы жизни страны. Казалось, его всевластию не будет конца. Правда, находились те, кто искренне считал царского любимца святым человеком. Большинство же видело в нем жулика, шарлатана, пьяницу и развратника. Ходили слухи, что оттого столь крепко сидит Распутин, потому как в его любовницах оказалась даже сама императрица. Сам Коля как-то с Шуркой пошел в кинематограф. Папенька поощрил деньгами за хорошую учебу и примерное поведение, хотя сам кино не жаловал, полагая что оно – «от лукавого». Перед «фильмой» с господином Глупышкиным (французский комик Андре Дид – авт.) показывали кинохронику. Государя награждали орденом святого Георгия. Вдруг с балкона заблеял омерзительный голосок:

– Царь-батюшка с «егорием» (простонародное название награды – авт.), а царица-матушка с Григорием!

Дома пацаны рассказали отцу о происшествии.

– Не болтайте! – ответил тот. – Не то в компанию к дяде Арсению на Сахалин угодите! И вообще молоды вы еще такие вещи обсуждать! К тому же не вашего ума это дело... Марш чай пить!

Теперь труп старца глядел мертвыми глазами с газетных фотографий. А для людей все же был шок! Все хотели скинуть «Гришку» с кликой, судить их за взятки и казнокрадство, но никто не думал, что такое когда-либо случится.

– Ну и слава Богу! – вырвалось у Лёньки, зашедшего в увольнение домой.

– Какой там «слава Богу»! – сокрушенно покачал головой Александр Федорович. – Раньше виновным во всех бедах народ считал Распутина. Теперь его недовольство перекинется на царскую семью, самого государя-императора.

– Этого народу как раз и надо! – недобро ухмыльнулся племянник.

В огне революций

Прошел месяц с небольшим. Лёнька появился на Пресне с винтовкой за плечом, офицерской шашкой и наганом на портупее.

– В Питере революция, – сообщил он двоюродным братьям. – Дни самодержавия сочтены! В Москве тоже городских бьют, полицейские участки громят. Пойдем, брат, народную власть устанавливать, рабочих поднимать!

– Пойдем, только оружия у меня нет... – ответил Николай.

– Оружие будет! Стрелять-то умеешь?

– Нас в училище учили.

Увязался и младший брат Шурка, выудивший откуда-то припрятанный револьвер-«бульдог».

Коля хотел дать ему тумака, но двоюродный разрешил. Во дворе Прохоровской мануфактуры рабочим раздавали винтовки и патроны.

– Патронов-то сколько дают! – удивился Лёнька. – На фронте перед генеральными наступлениями нам столько не давали!

– А мы их специально припрятывали. Чтобы вы там своих братьев – немецких рабочих не убивали, – ответил пожилой работяга.

– наших – никого! – не увидел Лёнька работников мастерских Александра Федоровича среди пресненских. – Не люди – курвы! Сидят по углам, ждут, пока им свободу добудут и на блюдечке поднесут!

Коле выдали карабин, сказав, винтовки дают крепким мужикам, пару обойм и россыпь патронов в карманы.

Народ, вооружился, построился, двинулся к центру. С каждой улицей, каждым переулком к строю примыкал народ. Шли кто с револьвером, припрятанном еще в 1905 году, кто с охотничьим ружьем, кто с топором. Тетки с дедами громили продовольственные лавки, тащили по домам снедь. Полыхал полицейский участок. Городовые разбежались, парни захватили оружие и пустили «красного петуха». За Садовым кольцом к рабочим присоединились студенты, мелкие служащие, гимназисты-старшеклассники. Затем целый полк, солдаты которого перебили офицеров и теперь нуждались в командире, знавшим Москву. Лёнька полк возглавил. Братишек взял в качестве разведчиков, поскольку служивые плохо знали этот район Первопрестольной. Пацаны бежали впереди вооруженного народа, заскакивали в подворотни, высматривая нет ли там засад. В одной из таких наткнулись на нескольких городских, затащивших в подъезд пулемет. Коля быстро принял решение. По-военному крикнул:

– Пли! – и выстрелил в полицейских.

Шурка, выдернувший «бульдог» из шинельки, принялся палить «в белый свет, словно в копеечку». Николай целился, выпускал одну за другой пули. Городовые прыснули в стороны. Один, оставляя кровавый след, заковылял в соседнюю подворотню.

– Я попал! Я попал! – завопил Шурка.

– Не ты, а я! – подзатыльником сбил с него шапку Коля.

– Что за шум, а драки нет! – ввалились во дворик разухабистые солдаты.

– Городовые пулемет в дом пытались затащить. Верно, хотели стрелять в народ. Одного мы подстрелили, – доложили пацаны. – В подворотню похромал.

Полицейского солдаты докололи штыками, пулемет забрали, похвалили ребят, спросили: где найти старшего, и пошли со двора. Коля поменял обойму в карабине, на ходу зарядил пустую патронами. Шурка достал из кармана патроны, забил их в барабан «бульдога».

– Мне их рабочие много дали, – сообщил он брату. – А все-таки я в городского попал!

– Еще раз такое услышу – отправлю домой! – пригрозил Николай.

Потом мотались по Лёнькиным поручениям с записками к командирам революционных частей и отрядов рабочих. Стрелять больше не пришлось. Правда, в одном месте нарвались на казаков. Однако те сразу спросили где найти кого-то из начальства.

– Своих офицеров мы зарубили, командовать некому, – посетовали они. – А очень хочется за народное дело порадеть!

Через сутки все было кончено. Лёнька, теперь уже Леонид Арсеньевич, отпустил братьев. Александр Федорович отнял у Шурки револьвер и утопил оружие в нужнике. Коля слышал, как за стеной свистел ремень, вопил младший брат и приговаривал отец:

– Я тебе покажу, как соваться, куда не надо! Как во взрослые дела лезть – лоб под пули подставлять.

Выдрав Шурку, папаша сказал Николаю:

– Хулиганство у вас, а не революция, если вы таких несмышлёнышей на свои поганые баррикады тащите! Еще раз в безобразиях замечу – не посмотрю, Коля, что ты почти взрослый. Выдеру и тебя!

А потом праздновали победу. Москва окрасилась в красное. Гремели «Марсельеза» и «Варшавянка». Под улюлюканье народа вели и везли в тюрьмы генералов, жандармов, полицейских. Сбивали вывески с двуглавыми орлами. Дожигали полицейские участки, до коих не добрались вчера. Гимназистки раздавали алые банты – символ победившей революции. В одной из них Коля узнал Леночку. Его Леночку! Похвастался, что тоже сражался за свободу.

– А я от тебя другого не ожидала! – прильнула к нему девушку и поцеловала в щеку.

Потом банты кончились, и парочка долго бродила по Москве, глядя на алые транспаранты, контрастировавшие с белым снегом и прозрачными голубыми сосульками, любуясь совсем другим – свободным народом. У Никитских ворот лакомились ананасами из магазина «Колониальные товары». Хозяин предпочел выставить угощение, не дожидаясь, пока народ разнесет заведение.

– Отведайте, мамзель! – поднес Леночке на острие шашки кусок ананаса казак, один из тех, кого Николай вчера привел к Лёньке. – Коля, налетай!

– Благодарю! – улыбнулась девушка, аккуратно сняв сочный, ароматный кусок с шашки. – А как вам этот фрукт?

– По мне – гадость! – сплюнул казак. – Рот вяжет, кислятина! С нашими, донскими кавунами не сравнить! И как только их благородия это едят?

Потом еще долго гуляли по бульварам – Тверскому и Пречистенскому (ныне Гоголевский – авт.), среди ликовавшего по случаю победы народа. Затем Коля проводил девушку домой. У Князевых тоже праздновали победу. Пили шампанское, сохранившееся еще с довоенных времен.

– Власть отныне будет наша – купеческая! – раздавался из столовой голос Лениного отца Василия Петровича. – Хватит нам перед господами-дворянчиками тянуться в струнку и взятки им давать за получение военных заказов!

– Царь власть нам не даст, – услышал Коля голос отца.

– Сегодня создано Временное правительство, в него вошли и купцы, – ответил Князев. – А царя уже завтра не будет – отречется от престола!

Назавтра государь-император Николай Александрович отрекся от престола, передав его брату Михаилу – прославленному генералу, герою войны. Тот тоже отказался от престола, передав власть в стране Временному правительству. Потом все постепенно успокоилось. Выпустили из тюрем посаженных туда царских генералов, жандармов, полицейских. Возобновили работу государственные учреждения, предприятия, банки, магазины. Леонид Арсеньевич передал полк кадровым офицерам и вернулся к учебе в школе подпрапорщиков. Правда, не забыл выдать мандаты братьям, что они являются участниками Февральской революции. Вернулись к учебе и Николай с Шуркой. Возобновила занятия гимназия, где училась Леночка.

При всем при этом народ находил время на митинги и демонстрации. А они проводились по поводу и без повода. То отменяют чины и сословия. То запретят рукоприкладство в армии, а господ-офицеров обяжут обращаться к солдатам «на вы». То введут в обращение новые деньги, прозванные по фамилии премьер-министра Керенского «керенками». То произойдет плохо подготовленное наступление, закончившееся новыми жертвами. Словом, народ успевал не только трудиться, но и митинговать.

В мае вернулся с каторги дядя Арсений, превратившийся из поджарого, заводного красавчика в мрачного, одутловатого мужика, правда неожиданно хорошо одетого.

– Я теперича – герой революции одна тысяча пятого года, политический каторжанин и член партии большевиков. Мне за мои страдания положено! – ответил он Александру Федоровичу, удивившегося, что уж больно приличная для каторжника одежда на брате. – Сейчас понемногу грабим награбленное. Но это пока. Потом скинем «временных», заводы у буржуев отберем – рабочим отдадим. Землю у помещиков отберем – между крестьянами по справедливости разделим. Свою, народную власть установим, и не будет ни бедных, ни богатых! Зато каждый человек, пусть последняя кухарка, страной будет управлять. И деньги, к чертовой матери, отменим! Так, что готовься, брат, к великим свершениям!

– Ну, насчет кухарки ты, брат, загнул! – почесал бороду Александр Федорович. – Чтобы государством управлять, большие знания нужны! Я, чтобы моими мастерскими управлять, специальное образование детям даю. Коле – техническое, Шурке – коммерческое. А как дело вести без денег? Как с поставщиками рассчитываться? Что с покупателей за товар получать?

– По всей стране будут большие склады. Пошил твой рабочий две пары сапог, а ему пальто нужно. Идет на склад, сапоги сдает, пальто получает. А чиновник составил десяток прошений, ему это в специальную карту вписали. Идет на тот же склад, показывает карту, и ему пару сапог выдают. Если какой-нибудь нужный закон сочинит, даже автомобиль могут дать! Так нас учит вождь мировой революции товарищ Фридрих Энгельс.

– Авто за бумажку? Далеко, брат, твой Энгельс от реальной жизни пребывает, если такое придумал, – вздохнул Александр Федорович, не знавший, что Фридрих Энгельс давно умер, и полез в шкафчик с «шустовским» коньяком, чтобы отметить возвращение родича.

В мае из казарм вернулся Лёнька. В полевой форме, с погонами прапорщика на плечах.

– Вот ты и офицером стал! – обрадовался за него Коля. – Когда на фронт?

– Я похож на дурака? – ответил двоюродный. – За богатеев кровь проливать?

– За революцию, чтобы германцы ее не удушили...

– Война, Коля, как была империалистической, грабительской, так ею и осталась! Все это «оборончество» – брехня! За то, чтобы капиталисты и помещики карманы набивали, да осетрину с рябчиками коньяком запивали гонят нашего брата на бойню! Вроде бы, дали нам всякие свободы, но как простые люди жили в нищете, так и живут! Другое нужно: войну империалистическую превратить в войну гражданскую! Свергнуть гнет капитала, заключить с нашими братьями – немецкими рабочими мир.

– Учителя наши – какие богатеи? Лишь на одно жалование живут. А все за оборону революционного отечества от внешнего врага...

– Учителя твои – либо дураки, либо буржуями подкуплены, чтобы вас – молодняк обманывать. Мне верь, а не им! Думаю, по лету мы Временное правительство скинем, и начнется у нас распрекрасная жизнь!

Скинуть по лету Временное правительство не удалось. Попытка большевиков захватить государственную власть в Петрограде провалилась. Три сотни питерских работяг да сотня солдат с матросами сложили головы ради незадавшейся авантюры. В Москве ограничилась мирной демонстрацией под лозунгом: «Вся власть Советам!» Колонну пресненских рабочих возглавлял Арсений Федорович. Лёнька с кулачными бойцами шел впереди нее. И не даром. За Садовым кольцом стояли толпы лавочников, их подручных, маргиналов, коим посулили

за разгон демонстрантов деньги и налили по стакану. За ними поблескивали штыками шеренги юнкеров.

– По Кольцу на Тверскую пойдем! – принял решение Арсений Федорович. – Поварскую и Никитские улицы эта контра перекрыла. На Тверской с другими районами соединимся.

– Шпионы! Германские шпионы! – бесновались толпы, не пустившие революционеров в свои кварталы.

– Погоны снимите, наймит немецкий! – потянулся к плечам Лёньки выскочивший из толпы дюжий детина и свалился сбитый мощным ударом прапорщика.

Пресненцы накустыляли другим мужикам, попытавшимся завязать с ними драку. «Уложил» на мостовую хорошей плюхой жирного парня в розовой шелковой рубаше и васильковой жилетке английского сукна Николай.

– Марш в строй! – приказал ему Леонид. – Жидковат пока для драки!

Колонна между тем обрастала новыми людьми, выплескивавшимися с Брестских и других улиц, примыкавших к Садовому кольцу с севера. По Тверской шел рабочий люд – не так много, как ожидалось. Еще меньше оказалось среди демонстрантов солдат. С верхних этажей на голову демонстрантов опрокидывали горшки с нечистотами, кидали всякую гадость. Правда, все это падало на тротуары, не достигая пролетариев, шедших по проезжей части. В переулках, примыкавших к Тверской вновь бесновались толпы, в которых уже стало куда больше прилично одетых господ, снова блестя штыками юнкера.

– Что же вы не стреляете, господин поручик? – донесся до Коли вопрос, заданный командиру юнкеров.

– Нельзя! Демонстрация объявлена мирной. Пусть они начнут. Тогда мы ответим! А пока никак нельзя поддаваться на провокации, – объяснил офицер вопрошавшему.

На Скобелевской (ныне Тверская – авт.) площади собралось пять-шесть тысяч человек. В десять раз меньше, чем рассчитывали организаторы митинга. Там прозвучали слова о разгоне демонстрации рабочих и солдат в Петрограде, о солидарности москвичей с питерцами, о необходимости передачи всей полноты власти Советам рабочих и солдатских депутатов. Затем, словно гром среди ясного неба, последовало предложение разойтись по домам. Не только Коля – Арсений Федорович с Лёнькой такого не ожидали!

– Ради пустой болтовни время потратили! – в сердцах махнул рукой дядя Арсений. – Будем возвращаться домой – обязательно поддадимся на провокацию! Леонид с бойцами – вперед. Я тоже с вами буду. Ужо морды буржуйам разворотим!

Коля был разочарован не меньше других. Он полагал, дело кончится, как в феврале, – боями. Одолжил даже у Шурки «бульдог», который тот где-то раздобыл взамен утопленного отцом в сортире. Пришлось аж перекреститься перед иконами и дать «честное-благородное слово», что обязательно вернет. К июлю Николай уже перечитал массу газет «Правда», «Солдатская правда», «Окопная правда», которыми его снабжал двоюродный брат. Из них следовало, что не только Россией – всем миром правит кучка капиталистов и помещиков. Из-за них ведутся братоубийственные войны, рабочие живут впроголодь, прозябают в беспросветной нужде крестьяне. Однако не долго осталось ждать светлого часа. Под ударом мощной руки мирового пролетариата рухнет многовековой гнет. Все станут равными не на бумаге, а на деле, не будет голодных и обездоленных. Ради этого Коля был готов на бой и на подвиг.

Около квартала доходных домов, принадлежавших великому русскому певцу Федору Ивановичу Шаляпину, (ныне на этом месте находится посольство США – авт.) демонстрантов ждала огромная толпа озлобленных людей, вооруженных кольями, кистенями, кастетами, обрезками металлических труб.

– Дайте-ка сюда тряпку! Сгодится сапоги чистить! – потянулся необъятный амбал к знамени, вышитому пресненскими работницами.

Не смотря на одутловатость, Арсений Федорович в миг оказался рядом с ним и долбанул кулаком в ухо. Перескочив через упавшего противника, дядюшка врезался в толпу замолотил руками, валя вокруг себя врагов. Следом за ним вклинились Лёнька, другие кулачные бойцы. Они опрокинули неприятеля, моментально рассеяли толпу. На колонну попытались напасть с фланга. Однако Коля выхватив револьвер, выстрелил в воздух. Рабочие, находившиеся с краю колонны, оказались вооружены «бульдогами», наганами, браунингами.

– Раздайся, грязь, – говно плывет! – рывкнул на громил молодой рабочий размахивая пистолетом. – Кто не спрятался – я не виноват!

Оглядываясь и костеря демонстрантов, «верноподданные» разбежались по переулкам. Пару раз вытянули брошенным колом начавшего очухиваться амбала.

– Это – зря! Не по правилам! – покосился на вновь бесчувственного громилу Арсений Федорович.

– Революция, товарищ Арсений, в белых перчатках не делается! Так учит нас товарищ Ленин, – поправил отца Лёнька. – А ну, братцы, запевай нашу любимую. Смело, товарищи, в ногу!

– Духом окрепнем в борьбе. В царство свободы дорогу грудью проложим себе! – подхватили рабочие.

Через несколько дней, когда все успокоилось, Николай встретился с Леночкой и рассказал о событиях.

– Как бы я хотела быть с вами! – вздохнула девушка. – Не пустили! Заперли на замок!

– Это – правильно! Дело было серьезное, не женское, – заметил Лебедев.

– Ты, Николенька, зря думаешь, что революция – дело только мужское. Женщины должны в ней участвовать на равных правах с мужчинами!

– Неужели и стрелять должны? – удивился парень.

– Если потребуется – должны стрелять. Однако перевязывать и ухаживать за ранеными – это тоже участие в революции. Учить читать и писать неграмотных солдат – это тоже участие в революции. Строить баррикады – это тоже участие в революции. А когда власть взята народом, строить новую жизнь – это тоже участие в революции! Так, что мы – женщины, еще свое слово скажем!

– Эх, ты – революционерка моя, ненаглядная! – притянул Коля к себе Леночку и поцеловал ее.

Девушка ответила поцелуем. Потом шептала, когда Николай целовал ее:

– Как хорошо, что отменили сословия! Теперь мы можем стать мужем и женой! И то отец, когда о тебе речь заходит, хмурится. Чувствует, что люблю тебя, но говорит: «Лебедевы – люди хорошие, но не ровня нам! Капиталы – мелковаты! Я тебе, Леночка, хорошего жениха найду! Вдового владельца мануфактуры или сынка хозяина завода. Стерпится-слубится!» А я в революцию шла, чтобы покончить с неравенством, чтобы быть с тобой!

На каком же небе от счастья был Коля, услышав сказанное! Ведь Леночка сделала то, чего сам он стеснялся – призналась в любви, да еще сказала, что хочет быть его женой!

Потом Леночку перестали выпускать из дома. Говорили, что ей надо повторить пройденное в гимназии, дабы успешно приступить к занятиям в Коммерческом институте. Ни Князевы – на свою подмосковную дачу, ни Лебедевы – на свои пасеки не поехали. Было не спокойно. Окрестные крестьяне жгли помещичьи усадьбы, кое-где делили между собой землю дворян, купцов и даже монастырей. На Пресне власти не появлялись. Зато патрульные юнкера душу вытряхивали из рабочих, прежде чем пропустить на центральные улицы. Коле с Шуркой проникать в центр помогали мундиры учебных заведений. А им все чаще поручали дядя и двоюродный брат отнести записку по тому или иному адресу. Сам Арсений Федорович сменил английский костюм на рабочую поддевку, а Лёнька переоделся в солдатскую шинель. В лавках

с каждым днем становилось все меньше продуктов, а цены на них становились все выше. И все чаще папаша Александр Федорович говаривал:

– Зря, все-таки, царя скинули! При нем безобразий хватало, зато порядок был. А теперь порядка нет – одни безобразия!

Октябрьской ночью семнадцатого года Лёнька заглянул в дом Лебедева-старшего.

– Доставай карабин, Коля! – сказал он. – Революция в Питере! Временное правительство низложено! Теперь в Москве будем устанавливать Советскую власть! Из наших – лебедевских только мой батя, да мы с тобой. Остальные, еще раз говорю, не люди – курвы! Всех обежал, все ответили: «Мы даже в пятом году не бунтовали и нынче не будем!»

– Я тоже с вами! – выскочил из своей комнатки Шурка, засовывая за ремень «бульдог».

– Куда?! – ухватил его за ухо папаша. – У нас с вами, Александр Александрович, особый разговор будет. Вам же, парни, снова скажу: не революция у вас, а хулиганство!

– Некогда сейчас за братишку заступаться! Пресненские уже во дворе Трехгорной мануфактуры собираются. Там же солдаты из Ходынских лагерей. Нам поставлена задача очистить от юнкеров Арбат, – не оглядываясь на извивавшегося по отцовским ремнем двоюродного брата, – сказал Леонид.

Быстро собрались. Раздали патроны. Дали винтовки тем, кто не участвовал в революционных боях в феврале. Остальные сохранили оружие. Надели на рукава красные повязки.

– Отныне мы – Красная гвардия! Вооруженные силы революции, – пояснил Лёнька.

Перемахнули через Садовое кольцо. У Смоленского рынка (сейчас на его месте магазин «Гастроном» – авт.) уже шел бой. Электростанция продолжала работать. Фонари освещали убитых, лежавших на рыночной площади. Прятались за лотками и киосками рабочие. В них из переулков постреливали юнкера. Внезапно где-то вдаль поднялись две фигуры: девушка и опиравшийся одной рукой на нее, а второй на винтовку солдат. Из переулка выскочили несколько юнкеров. Девушка выстрелила из револьвера в сторону юнкеров. Те скрылись за углом. Уже оттуда попытались достать огнем из винтовок. Пули высекали искры из брусчатки вокруг раненого и девушки.

– Солдаты, по юнкерам пли! – приказал Лёнька. – Рабочим не стрелять! Еще эту парочку по неумелости уложите!

Несколько солдат короткими перебежками устремились на площадь. Прикрыли раненого, добежали до переулка бросили вглубь его гранату. Девушка тем временем дотащила раненого до позиций красногвардейцев. Коля узнал в ней Леночку.

Поцеловались. Затем Леночка отстранила любимого с клонилась над служивым. Вытащила из санитарной сумки с красным крестом ножницы, распоролла ими солдатские галифе и, обработав рану йодом, принялась перевязывать ногу.

– Это ж надо! – закурил служивый. – Всю германскую прошел без единой царапины, а тут от своих – русских пулю получил.

– Кость не задета, пуля прошла навывлет, – сообщила Леночка. – Думаю, даже операции не потребуется! Через месяц, солдатик, плясать сможете. Потерпите еще! Я вас через Садовое кольцо переведу. Там у нас лазарет.

– Юнкера по Арбату ушли, – доложили Лёньке.

– Солдаты вперед! Рабочие за ними! – распорядился он.

– Мы, товарищ командир, как один, готовы пролить кровь за революцию. А вы нас в тылу держите! – попробовал возмутиться парнишка-рабочий.

– Кровь пролить любой дурак сможет! – ответил Лёнька. – Наша задача не бездумно головы сложить, а победить! Ты в февральской участвовал?

– Довелось пострелять...

– Вот именно, что пострелять! Пока поучись воевать у солдат, прошедших фронт. Значит, рабочие идут следом за солдатами! Кого из контриков ранеными увидите – пристрелите!

Еще лучше – штыками добейте! Незачем на них патроны переводить! В случае необходимости – поддержать солдат огнем из винтовок и револьверов! Задача ясна? Вперед, шагом марш!

Шли по Арбату, тесня юнкеров. На Арбатской площади уперлись в здание Александровского военного училища. Оно ошетинилось пулеметами, сразу же скосившими нескольких рабочих, выскочивших на открытую местность. Приняли решение ждать артиллерию, а пока очищать Пречистенский бульвар, Остоженку, Пречистенку, Зачатьевские и прочие переулки. Ночь перешла в день, день – снова в ночь. Коля вместе с другими куда-то бежал, куда-то стрелял. Во дворе одного из домов на Остоженке наткнулись на десятилетнего исколотого штыками пацана. Чуть поодаль лежала мертвая девушка восточной внешности.

– Это – Люсик Лисинова, – опустила на колени рядом с убитой Леночка. – Она у нас в Коммерческом институте создала большевистскую молодежную ячейку. «Интернационал» называется... Я – тоже член этой ячейки. Люсик организовала обучение молодых большевичек санитарному делу, владению оружием...

– Девушку эту юнкера хотели изнасиловать, но, когда узнали, что вы подходите – застрелили, – сообщил вылезший их своей сторожки дворник. – Мальчонка, верно, вашим лазутчиком был. Подняли его на штыки. Ох, визжал...

Прикатил с несколькими грузовиками Арсений Федорович. Сказал, что надо ехать в Лефортово. Там в здании кадетского корпуса засели офицеры-преподаватели и ученики. Добавил, дескать – непорядок – вся Москва, кроме центра наша, а там эта мелочь «тьма на плетень» наводит. Взяли солдат, оставили рабочих. Лёнке и Коле дядя велел ехать с ним в Лефортово. Быстро пролетели по центру, зиявшему разбитыми окнами и испещренными пулями стенами домов, убитыми в кожаных куртках и дешевеньких пальто, солдатских, юнкерских, студенческих шинелях на тротуарах. Рванули по пустынной Маросейке, Елоховской, Немецкой улицам. Перескочили мост через Яузу. Остановились неподалеку от кадетского корпуса – дворца, некогда построенного для Екатерины Второй. Рабочие и революционные солдаты ранее окружили здание, но на штурм идти не решались. Всякого появлявшегося в поле зрения кадетов настигали их пули.

– Много вас тут эти шкеты с их учительшками держат. А вы, ох-как, в центре нужны! Там сейчас бои разгораются! – сказал Арсений Федорович командиру лефортовских красногвардейцев.

– Попытались разоружить. Какой там! Заперлись. Стены толстые их пулями не прошибешь, – ответил тот.

– Телефон в училище есть? – спросил Арсений.

– Есть, но мы провода перерезали.

– Это хорошо! Здесь не силой, а хитростью брать надо. Рупор имеется?

– Вот, на случай переговоров прихватили, – протянули Лебедеву металлическую воронку.

– Господа хорошие! Кремль пал! Вся Москва в руках революционеров! За нами идет артиллерия! – принялся беспардонно врать Арсений Федорович. – Разнесем снарядами ваши хоромы! Тогда пощады никому не будет! Не посмотрим, что малолетки! А так мальчишек отпустим. С господами-офицерами разбираться будем. Кто даст честное слово не воевать против Советской власти, тоже домой отпустим! Даю пять минут на размышление!

– Кадетов отпустите? – уточнили из дворца.

– Отпустим, отпустим! Какие из них вояки? – заюлил Арсений Федорович.

В бойницы между мешками с песком, прикрывавшими окна, стали просовываться винтовки с белыми наволочками и полотенцами на штыках. Открылись двери. В них стали выходить офицеры и кадеты с поднятыми руками.

– Винтовки, пашки, наганы складывать справа от входа! Самим строиться вдоль стены в одну шеренгу! – скомандовал Лёнка.

Кадеты – семнадцати-шестнадцатилетние пацаны становились у стены. Рядом с ними вставали офицеры-преподаватели.

– Все? – спросил Арсений Федорович.

– Все! – ответил кто-то из офицеров.

Арсений Федорович шепнул пулеметчику, поставившему «Максим» на крышу грузовика, кивнул с кузова Лёнке.

– Заряжай! Готовься! – скомандовал тот.

Солдаты и рабочие щелкнули затворами, подняли оружие.

– Как низость! – поняли обман офицеры. – А ну братцы, в артели и смерть красна! Запевай нашу, строевую!

– Как ныне собирается вещей Олег отомстить неразумным хазарам, – взмыл над шеренгой неокрепший испуганный голос.

– Их села и нивы за буйный набег обрек он мечу и пожарам, – подхватили кадеты и их наставники.

– Так громче, музыка, играй победу! Мы победили, и враг бежит, ура, ура! Так за Царя, за Родину и Веру мы грянем громкое ура, ура, ура! – взмыло над окрестностями Екатерининского дворца.

– Вот, собачата! Плачут, а поют! – сплюнул Арсений Федорович и приказал пулеметчику. – Кончай их!

Служивый повел пулеметом, валя кадетов, словно снопы.

– Пли! – скомандовал Лёнка.

Солдаты и рабочие обрушили на обманутых врагов шквал огня. Перед Колей стоял его ровесник. По бледному лицу кадета стекала слеза, однако губы продолжали выкрикивать слова: «За Родину, за Веру...» Николаю предстояло оборвать жизнь сверстника. Карабин дрогнул. Пуля выбила фонтанчик кирпича из стены над головой парня.

– Не мажь, сволочь! – больно ткнул Колю в спину Лёнка, а другой рукой дострелил кадета из нагана.

Когда все было кончено, красногвардейцы разбрелись по зданию в поисках поживы и спрятавшихся юнкеров.

– А-а-а! – раздался крик и следом глухой удар тела о брусчатку.

– Под койкой в казарме прятался, гадёныш! – сообщил высунувшийся из окна солдат.

Телефонисты, между тем, наладили связь, и дядя доложил о ликвидации очага контрреволюции. Затем велел поторопиться с зачисткой – в центре готовились к штурму Кремля и Александровского училища.

– Не следовало пленных убивать, не по правилам это... -вздохнул Николай, залезая в кузов.

– А пацана-разведчика с Остоженки юнкера по правилам на штыки подняли?! А девчонку-армянку на той же Остоженке по правилам застрелили?! Нет, брат, одержи эти шкеты верх – они бы нас с тобой, не моргнув глазом, в расход вывели! – ответил Лёнка и, вслушавшись в донесшиеся издали раскаты, добавил. – Верно, наша артиллерия по Кремлю бьет!

Пока добирались, в центре все было кончено. Юнкера сдали Кремль и Александровское училище – последние оплоты Временного правительства в Москве. Заехали в Кремль. У стены Арсенала лежали тела юнкеров. Солдатики выуживали из карманов покойников мелочь, папиросы, у некоторых – часы.

– Они наших – из пятьдесят шестого полка немеряно у этой стенки положили, – рассказал один из служивых. – Мы думали, что их немного. Хотели заманить, разоружить, дать по шеям и отправить домой кушать манную кашу. Ошибочка вышла. Оказалось, у них есть девки-пулеметчицы, фронт прошедшие. Пока мы клювами щелкали, эти девки на стены проникли, пулеметы установили и как пошли нас очередами полосовать! Много нашего брата

полегло... Эти же девки, говорят, у Александровского училища оборону держали. Их сейчас по всему Кремлю ищут. Поймаем, е... будем. Потом сиськиотрежем, глаза выколем и на фонарях повесим. Еще партию ведут!

Привели шестерку избитых юнкеров. Толкнули к стене. Вскинули винтовки и повалили пулями на окровавленную брусчатку молодых красавцев.

– Не пачкайтесь! – сказал один из доставивших юнкеров рабочих. – Мы у них уже все выгребли. Им на том свете без надобности.

– Девочек-пулеметчиц нашли? – поинтересовался солдат.

– Нет! Как сквозь землю провалились, сучки! Пулеметы нашли, офицерскую форму нашли. Наверняка, они какие-то подземные коммуникации знают. Переоделись в штатское и были таковы. Ищи теперь ветра в поле!

На следующий день вся Москва стала красной. Не от опавших осенних листьев, как это случалось в прошлые годы, а от знамен и лозунгов, главным из которых был: «Вся власть Советам!» Открылись магазины. Большевики не пропускавшие составы с продовольствием в город, в надежде вызвать голодный бунт, как это было в феврале, теперь открыли зеленый сигнал светофоров. Еще через пару дней возобновили работу банки. Пошли поезда с продукцией для заводов и фабрик. Рабочие потихоньку начали возвращаться к станкам.

Александр Федорович заглянул к другу Василию Князеву.

– Вот, Вася, должок принес за поставку продукции. Извини, банки закрыты были... Нам бы обсудить, когда следующая партия гвоздей будет?

– С Егором Кузьмичом обсуждай! Я, Саша, ему все свои заведения продал. Он на них еще до войны зубы точил. С убытком отдал. Все по цене одной фабрики ушло! А за деньги – спасибо! В дороге пригодятся. Уезжаем сегодня. Поезда ходят. Поедем в Гельсингфорс. Затем из Финляндии – в Швецию. Оттуда пароходом во Францию. Месяца через три дома будем...

– Что же это за дом такой на чужбине? – удивился Лебедев.

– А я разве не говорил? Опять же накануне войны купил дом в Ницце. Деньги положил в там банк «Лионский кредит». Еще есть капитал в паре английских банков. Просуществуем! А здесь никакого резона дела продолжать. Во всяком случае, пока большевики у власти.

– Большевики, вроде бы, народ накормили, заводы пустили, банки открыли...

– На дураков все это рассчитано, чтобы они рты разинули, да уши развесили. Чего хорошего ждать от германских шпионов? А если немцы верх в войне одержат – конец русскому купцу настанет. Все наше германским заменят. Ну а до этого большевики все разорят, страну по миру пустят! Так то, друг! Об одном прошу – за Леночкой присмотри! Она ехать с нами отказалась. В большевички записалась. Неделю где-то шлялась, говорит, Временное правительство свергала. Грязная пришла, кровью перепачканная. Три часа в ванной мылась-отмывалась...

Внезапно со второго этажа грянула гармошка и взревели хмельные голоса:

– По улицам ходила большая крокодила. Она, она зеленая была! Увидела китайца и хватя его за яйца. Она, она голодная была!

– Революционные матросики, – ответил на недоуменный взгляд Александра Федоровича Василий Петрович. – Я, как ты помнишь, сына Мишеньку в Морской кадетский корпус определил. Думал: выучиться Мишенька, получит офицерское звание. А там я стану именитым гражданином, дадут мне разрешение иметь свои пароходы. Вот и будет сынок у меня капитаном. Офицерское звание он получил, но тоже в большевики подался! Приехал с матросней революцию в Москве делать. Пьют со вчерашнего дня. Все спиртное в доме вылакали, до моего одеколona и дамских духов добрались.

– Матрёна! – донесся до слуха купцов голос Мишеньки. – «Елисейевский» окрыли?

– Открыли, Михаил Васильевич...

– Пошли, братва, выпивку у мировой буржуазии реквизировать! – призвал наследничек, затопавших по лестнице сапогами матросов.

– Еще раз прошу, Саша, если надумаешь остаться – присмотри за Леночкой! Хоть сам, хоть Коля. Она к нему неравнодушна, – обнял на прощание друга Василий Петрович.

Когда Александр Федорович добрался домой, его мастерские пылали. Разнесли и первый этаж дома, где была контора. Растащили демонстрационные экземпляры обуви, тянули кое-что со второго этажа – из вещей Лебедевых.

– С германцами у нас нынче замирение. Сам товарищ Ленин велел! А твое заведение, Александр Федорович, – милитаристское! Наследие старого режима! Символ угнетения пролетариата капиталом! Вот мы посоветовались и решили сжечь его! – пьяненько икая, объявили Лебедеву рабочие.

– Дураки! – взвился Лебедев-старший. – Чем семьи кормить будете?!

– Советская власть накормит, в обиду не даст! – ответили ему. – Да ты не расстраивайся – все равно сгорело твое имущество! Теперь такой же, как мы будешь!

– Слепцы! Не ведаете, что творите! – схватился за голову Александр Федорович, увидевший, как пламя уничтожило то, что он создавал долгие годы, как рухнули крыши его мастерских, взбив в небо пару огненных грибов.

– Постой-ка, господин Лебедев! Помнишь, как меня, за то, что пьяным на работу пришел, уволил?! – возник перед Александром Федоровичем человек в солдатской шинели и всадил ему в живот нож.

– Что делаешь, сволота?! – дали ему в морду рабочие. – Сколько людей вокруг него кормилось?! Скольких он от фронта спас?!

На счастье Лебедева-старшего на пролетке подъехали брат Арсений и племянник Лёнька. Они парой выстрелов поверх голов разогнали толпу, перевязали, отвезли раненого в больницу. Там сделали операцию. Врач сказал, что есть надежды, поскольку пострадавший ничего не ел перед ранением. В противном случае начался бы перитонит – воспаление брюшины. А так, хоть рана серьезная, – пробит желудок – однако, есть надежда. Жена Анфия Павловна и мать Акулина Никаноровна дневали и ночевали в больнице. Вернувшиеся с «революционных дел» Коля с Шуркой заколотили разбитые окна в жилом доме досками, снова отправились строить новую жизнь. Они бывали у отца, но редко – было полно работы по созданию коммунистических молодежных организаций. Навещали родича и Арсений Федорович с Лёнькой. Первый стал заместителем председателя городского революционного трибунала, второй – сотрудником Московской ЧК. Их пайками кормились две семьи Лебедевых.

В Москве, куда переехало из Питера советское правительство, между тем, закрылись банки, следом – заводы и фабрики. Настало время массовой безработицы, а там – и голод. Съели собак с кошками. Отобрали у извозчиков и пустили на мясо коней. Дошло до того, что стали выкапывать из могил и поедать «свежих» покойников. Анфии Павловне с ее большой семьей – шестой ребенок Костя родился в июле семнадцатого – помощи родственников не хватало. Украшения, подаренные мужем, все часы, включая наградные Александра Федоровича, его медали, носильные вещи – все было променяно на продукты.

Бабушке Акулине Никаноровне и невестке Аглае надоели консервы, получаемые на пайки Арсением Федоровичем и Лёнькой. Они «по случаю» купили мяса. Отведали приготовленного. Их начавшие окоченевать тела в пене обнаружил Коля, зашедший к бабушке «подхарчиться». Пришедший врач лишь развел руками:

– Отравление трупным ядом. Медицина перед ним на сегодняшний день бессильна! Сейчас выкапывание из могил и продажа мяса покойников поставлены на поток. У нас масса подобных случаев!

– Найди! – велел Арсений Федорович Лёньке.

Лёнька с чекистами искал торговцев мертвечиной неделю. Потом доложил отцу, что собственноручно всех «шлёпнул».

– Перед смертью хоть погонял? – мрачно уточнил дядя.

– Еще как погонял! Кровью умылись! Сапоги мне целовали, чтобы пристрелил поскорее!

Потом выписали из больницы Александра Федоровича. Коля и Анфия Павловна привели его под руки домой. Только прилег с дороги – подкатил мотоцикл с коляской и двумя чекистами в кожаных куртках.

– Собирайтесь, гражданин Лебедев! С вами хочет поговорить председатель ВЧК товарищ Дзержинский. Вещи можно не брать!

На улице перед домом уже собрался народ.

– Алексашку Лебедева – милитариста в ЧК везут, – слышалось в небольшой толпе.

Александра Федоровича усадили в коляску.

– Не растрясите! После ранения он, – попросила водителя Анфия Павловна.

– Так, товарищи-граждане! – обратился к народу чекист. – В доме ничего не трогать, семью не обижать!

В бывшем здании страхового общества «Якорь» Александру Федоровичу доводилось бывать. Правда, выше второго этажа его не пускали. Сейчас он попал на третий этаж в кабинет, некогда принадлежавший управляющему заведением.

– Садитесь! – указал на стул худощавый человек с большими залысинами, длинной бородкой «клинышком», щегольскими усами, одетый в солдатскую гимнастерку. – Ваш брат – Арсений Федорович участник революции тысяча девятьсот пятого года, политкаторжанин, герой Октябрьской социалистической революции, член коллегии Московской ЧК, заместитель председателя Московского революционного трибунала. Ваш племянник – Леонид Арсеньевич – активный участник Октябрьской и Февральской революции, сотрудник Московской ЧК. Ваши сыновья Николай и Александр тоже участвовали в революционных событиях, сейчас создают революционные ячейки коммунистической молодежи. А с кем вы?

– Да я как-то...

– Не определились? Определяйтесь! Есть для вас дело. Рабочие по осени ваши мастерские сожгли. Их надо восстановить. Идет Гражданская война. Фронту нужны обувь, седла, конская сбруя.

– Я, пока в лазарете пребывал, слышал, что промышленность национализирована...

– Вот и будете директором государственного предприятия! Это – гарантированное жалование вам и вашим работникам, гарантированные заказы. Людям тоже хватит без дела сломяться! Сейчас они разгребают мусор на улицах за более, чем скромные пайки. Начнут своей, квалифицированной работой заниматься – пайки станут совсем другими. Да и ваша семья заживет по-другому. Штукатуров, плотников, кровельщиков пришлем завтра. Если согласны – собирайте своих мастеровых. Пусть помогут. Когда помещения отремонтируют – починим машины. А там пойдет работа! Ну как, согласны?

– Согласен...

– Вот и отменно! – Дзержинский нажал на кнопку электрического звонка и приказал вошедшему на вызов помощнику. – Проводите товарища в спецраспределитель! Проследите, чтобы по моей записке ему выдали лучшие продукты! Организуйте доставку товарища домой! Разыщите его сыновей – Николая и Александра, распорядитесь, чтобы их на несколько дней освободили от комсомольской работы! Надо помочь отцу в восстановлении производства!

Когда временно отозванный с комсомольской работы Николай возвращался домой, в доску на месте бывшей витрины ударил камень.

– Троцкий Ленину сказал: «Пойдем, сходим на базар! Купим лошадь карюю, накормим пролетарию!» – завывли с соседнего забора гнусавыми от голода голосами уличные мальчишки,

которые совсем недавно закидывали Колю с братом Шуркой ледышками за то, что те из купцов. – У, сволота краснопузая! Довели страну!

Николай выдернул из кармана наган – подарок Лёньки. Пацанов с забора словно ветром сдуло. Потом он с Шуркой бегали по рабочим, звали ремонтировать мастерские. Истосковавшиеся по работе и уставшие от голода люди потянулись к дому Лебедевых. Кое-кто просил аванс, остальные верили хозяину на слово. Всем Александр Федорович выдал по вырванному из книжечки, наподобие старорежимной банковской книжки по талону. Сказал, куда идти за новым, усиленным пайком. Вернулись повеселевшие, хвалившие Лебедева-старшего: «Накормил, так накормил! Давно столько не ели!»

Утром принялись расчищать помещения. Помогать прибывшим по приказу ЧК ремонтникам. Выволокли во двор машины. Кое-что Николаю со слесарями удалось вернуть к жизни. Много уже никуда не годилось. За ним быстро приехали и увезли на переплавку.

– Штыков из этих машин наделаем! – с радостью заявил молодой рабочий.

– На штыки английскую машину! – сокрушался Александр Федорович. – Я за нее по кредитам с военным ведомством не рассчитался!

– Нет уже больше военного ведомства, дядя! У нас теперь Реввоенсовет Республики! – поправил его все тот же рабочий.

За неделю управились – привели в порядок помещения. Добыли новые машины взамен погибших. Приехал Дзержинский остался доволен. Еще через день пошли подводы с кожей, нитями, металлом. Закрутился народ, знавший, что теперь у него будет не только черный хлеб, да вобла, но и картошка, капуста, еще кое-что из овощей, горох с брюквой, из коих получался отменный суп, растительное масло и даже соль с сахаром! Коля вновь вернулся к комсомольским делам. Шурку мобилизовал отец, посадил его работать бухгалтером.

В вихрях Гражданской войны

Тем временем, все с большей силой разгоралась страшная, братоубийственная война. Для всех, кто в ней участвовал, Россия была Родиной. Для всех не было иного выбора, как победить или погибнуть. Оттого-то гражданская война велась со страшной жесткостью с обеих сторон, с использованием любых средств и методов, включая самые омерзительные.

Дядя Арсений Федорович ежедневно выносил десятки смертных приговоров. Временами ему приходилось работать сутки напролет. Тогда счет расстрельным вердиктам шел на сотни. Кстати, одним из первых, кого отправил «к стенке» Арсений Федорович был старичок-судья, приговоривший его к каторге в 1905 году. По указанию Арсения чекисты нашли тряسهгося после инсульта, полупарализованного, ставшего совсем безопасным для новой власти дедка. Трибунал вынес ему приговор как «социально опасному элементу и кровавому палачу Революции 1905 года».

– Разберись он со мной по-человечески, по сей день башкой бы тряс – белый свет коптил. Хотя, пайка ему не положено – сам бы от голода «дуба дал». Так, что я ему благое дело сделал – от мучительной смерти избавил, – изрек Арсений Федорович, закрывая дело.

В самой ЧК работа не прекращалась круглые сутки. Хватали, допрашивали, отправляли в трибуналы, а то и просто расстреливали без приговоров суда. Виртуозом раскрытия контрреволюционных заговоров был Держинский. Он никого не бил, не истязал. Просто выуживал из арестованных наркоманов, а когда у тех начиналась «ломка», просто ставил перед ними ампулу с морфием либо флакончик с кокаином. Результат был стопроцентным. Ради зелья люди подписывали любые протоколы, выдавали, а нередко оговаривали друзей, родных, близких и даже случайных знакомых.

Правда, чекисты тоже несли потери. Погибали во время перестрелок. Иных выслеживали «контрики» и приводили в исполнение свои приговоры. Когда случались «проблемы с кадрами», Лёнька привлекал Колю к операциям ЧК. Офицеры-заговорщики были никакими конспираторами. Они, как правило, даже не трудились ставить кого-нибудь в наружное наблюдение на улице или во дворе. Чекисты тихонько открывали отмычками двери квартир, по голосам определяли: в какой комнате собрались противники новой власти. Бросали туда гранату. Легко раненых обезоруживали перевязывали, связывали и увозили в ЧК. Тяжелораненых пристреливали. Списки убитых передавали Арсению Федоровичу, а тот составлял приговор ревтрибунала уже мертвецам. Колю, хоть тот и просился, в сами квартиры не брали. Его задачей было, получив сигнал о завершении штурма, подогнать стоявшие за углом грузовики. Один – для чекистов и арестованных, второй – для групп. Для Николая участие в арестах являлось «общественным поручением». Правда, после операции давали мясные консервы, сыр, вкус которого уже успели забыть, сахар, муку. Потчевали водкой, кокаином и морфием.

– Работа у нас такая, – оправдывал коллег Лёнька. – Мы ведь не только «контру» арестовываем. Следствие ведем, а там всякое случается. И в морду давать приходится, и другие методы дознания применять. После решения ревтрибунала каждый следователь всем своим подследственным приводит приговор в исполнение. Не забудешься водкой или зельем – в миг в сумасшедший дом попадешь! Вон, мой папаша сам никого не расстреливает, а пока бутылку не усидит – заснуть не может! Так, что зря ты, Коля, от выпивки отказываешься!

Потом поступило сообщение о расстреле царской семьи в Екатеринбурге.

– Экое паскудство! – не сдержался Александр Федорович. – Помазанника Божьего, отрешенного от престола убить! Расстреляли его с государыней-императрицей, но детей-то зачем убивать?

– Романовы, папаша, были знаменем контрреволюции и мировой буржуазии в их происках по свержению советской власти, – ответил фразой, вычитанной в газете, Шурка. – А вам

не гоже по ним слезы лить! Вы, папаша, – советский служащий и обязаны поддерживать все решения нашего рабоче-крестьянского правительства!

– Марш в свою комнату! – прикрикнул отец. – Не тебе – мальчишке о высоких материях рассуждать!

Пронеслось известие о восстании солдат и офицеров Чехословацкого военного корпуса, сформированного еще Временным правительством из пленных. Бело-чехи быстро захватили Поволжье. Северо-восточнее они вместе армией Колчака и казаками овладели Уралом. В разгар этих событий на председателя Совета Народных Комиссаров Ленина совершила покушение бывшая политическая каторжанка Фанни Каплан. Не видевшая одним глазом и плохо видевшая другим она стреляла «в белый свет, как в копеечку». Однако пара пуль задела Ильича. В тот же день в Питере был убит возглавлявший местную ЧК Моисей Урицкий. Его убийца – Леонид Каннегисер заявил на суде:

– Я – еврей. Я убил вампира-еврея, каплю за каплей пившего кровь русского народа. Для нас Урицкий – не еврей. Он – отщепенец!

В результате по стране прокатилась волна Красного террора. Начались расстрелы заложников – бывших царских министров, вельмож, губернаторов, генералов, жандармов, полицейских, всех, кто казался новой власти политически не благонадежным. 5 сентября 1918 года был проведен первый публичный расстрел контрреволюционеров. В Петровском парке вырыли огромную яму. К ней грузовиками привезли восемьдесят приговоренных. Поодаль от будущей братской могилы расположились получившие приглашительные билеты на казнь. Дал такой билет и Лёнька Николаю. Коля был удивлен увидев на месте экзекуции его Леночку. Она сказала, что все члены коммунистической молодежной организации «Интернационал» приглашены на экзекуцию.

– Ох, не женское дело – на такие вещи смотреть! – вздохнул Лебедев.

Тем временем к распорядившемуся казнью Арсению Федоровичу доложили, что батюшка Иоанн Восторгов перед смертью хочет поговорить с начальством.

– О пощаде, вероятно, просить будет, – проворчал Арсений Федорович. – Вопрос решенный – пощады не будет! Но пусть поговорит: последнее желание приговоренного надлежит исполнять! Этому правила даже царские палачи придерживались.

Привели батюшку Иоанна – осанистого лысеющего человека в очках.

– Мы с епископом Ефремом Селенгинским просим разрешить осужденным помолиться перед смертью, проститься друг с другом. Попросить прощения, если кто-то кого-то обидел в этой жизни...

– Что ж, молитесь, если так легче будет идти на тот свет! – разрешил Арсений Федорович.

Двое священнослужителей встали рядом. Перед ними на колени опустились приговоренные. Прозвучали слова общей молитвы. Затем все поочередно подошли под благословение отцов Иоанна и Ефрема. После осужденные, расцеловавшись, простились друг с другом. От них отделили первую партию бывших председателя правительства Щегловитова, министров внутренних дел Маклакова и Хвостова, других наиболее видных царедворцев, батюшек Иоанна и Ефрема. Первым подошел к яме отец Иоанн, перекрестил палачей.

– Однако дедка хороший! – кивнул на него командир расстрельной команды китайцев. – Мы дедку стрелять не будем!

– Леонид, разберись! – недовольно велел Арсений Федорович.

Лёнька в момент оказался рядом с батюшкой Иоанном, вывернул его левую руку, нагнул к земле, выстрелил в затылок, столкнул тело в яму. В этот момент из стоявшей на краю могилы шеренги выскочил человек, пустился наутек.

– Сенатор Белецкий – дружок Гришки Распутина! – пронеслось среди зрителей.

Белецкого быстро тормознули китайцы. Ударами прикладов они толкнули несчастного в строй.

– Спаси, Господи, люди твоя! – затянул епископ Ефрем.

– И благослови достояние твое! – подтянули остальные.

– Победы православным христианам над сопротивляющимся даруя... – потонуло в залпе.

Потом вели новых и новых. Когда все было кончено, китайцы спустились в яму, из которой полетели наверх ботинки, пиджаки, снятое с убитых все, что можно было продать или обменять.

– Расходитесь, товарищи! Расходитесь! – стушевываясь, погнал приглашенных Арсений Федорович, не ожидавший, что китайцы займутся мародерством на глазах у людей.

– Может быть, зря батюшку Иоанна Восторгова расстреляли? – спросил Николай разогнавшего толпу Лёньку. – На всю страну известный был миссионер и проповедник. Перевоспитать бы его...

– Дурман – его миссионерство! Опиум для народа – как учит нас товарищ Карл Маркс. А ты, брат, готовься! Скоро и тебе приговоры в исполнение придется приводить. У нас, в ЧК, людей не хватает. Кого контрики убили, кто на фронт ушел, кого мы сами за шкурничество (заботу о своей выгоде в ущерб другим – авт.), да грабежи во время обысков расстреляли. Буду ходатайствовать о твоём переводе с комсомольской работы к нам – в Московскую Чрезвычайную Комиссию.

С песнями, развернутыми знаменами и транспарантами: «Ответим красным террором на белый террор!» колоннами расходились приглашенные на казнь. Коля под руку с Леночкой шли с группой «Интернационал». Потом Леночка рассталась с подругами:

– Надо с женихом проститься! Ведь послезавтра уходим на фронт. Да-да, Коленька! Мы все теперь сочувствующие (кандидаты в члены партии – авт.) Российской Коммунистической Партии большевиков. Через год станем полноправными большевичками. Хотим заслужить это почетное звание на войне, на первых рубежах в борьбе за светлое будущее. Мы направлены в политотдел дивизии на Восточный фронт. Будем бить бело-чехов и колчаковцев! Пойдем ко мне! У меня перловая каша с конопляным маслом есть. Покормлю!

Особняк Василия Петровича Князева был поделен на комнаты и комнатухи, в которые заселили семьи рабочих. Те блаженствовали. Ведь, раньше-то они ютились в углах, завешанных ситцевыми шторками. Теперь у каждой семьи было собственное помещение, за которое новая власть не требовала платы. Было, хоть и подававшееся с переборами, электричество. Было несколько сортиров (некогда для хозяев и прислуги отдельно), была пара ванных комнат, где, пусть холодной водой, можно помыться. В главной гостиной продолжал квартировать Мишенька с его матросиками, обзаведшимися «марухами» – девицами сомнительного поведения в реквизированных у буржуазии дорогих вещах и драгоценных «безделушках».

Ну а у Леночки и Николая была перловая каша с конопляным маслом и заваренная сушеная морковь вместо чая. Потом была страсть, кровь на простыне, слезинка счастья, выкатившаяся из глаза девушки.

– Надо было бы в Совет сходить, оформить супружеские отношения, – вырвалось у Коли.

– Любовь должна быть свободной! Что по сравнению с нею, с ее чувствами бумажки с печатями? Ничто! – ответила Леночка. – Когда любишь – записи в книгах и штампы на документах не нужны!

– Я сгоняю домой. Принесу тебе что-нибудь из провизии в дорогу.

– Лишнее, Коленька! С завтрашнего дня мы с девочками на казарменном положении. Следовательно – на всем готовом! Иди ко мне!

Следующим утром Николая проводил любимую в казармы, где шло формирование частей, отправляющихся на фронт. Недолгим, но жгучим было прощание, взмах леночкиной руки, ее быстрый шаг за ограду.

Коля пошел в райком комсомола. Увидел его секретаря, приколачивавшего к дверям объявление: «Райком закрыт. Все ушли на фронт».

– Лебедев, ты где гуляешь? Пока отсутствовал мы все подали заявления об отправке на Восточный фронт.

– Мне туда и надо! – ведь именно там Николай мог встретиться с любимой, мог хоть краем глаза взглянуть на нее.

– Иди, пиши заявление. Правда, утром пакет из ЧК привезли. Требуют откомандировать тебя в их распоряжение.

– Нет, я лучше с ребятами на фронт!

– Тогда оставляй заявление, а завтра приходи к десяти с вещами и оружием!

Узнав новость, заплакала мать, заскреб бороду отец:

– Я германскую войну осуждал за то, что христиане христиан убивают. А теперь свои: русские – русских! Зря все-таки царя скинули! Про глупого, шелапутного человека говорят: «Этот без царя в голове!» А нынче половина России такой оказалась!

– Меня, папаша, хотели в ЧК на службу забрать, приговоры в исполнение приводить. Это – еще хуже, нежели в бою убивать!

– Пожалуй, ты прав...

– Коля! Я тоже беляков бить хочу! – выскочил откуда-то Шурка.

– Сиди уж! – прикрикнул на него отец. – Ремнем по заднице захотелось?! Не посмотрю, что ты – комсомолист и строитель нового мира! Выдеру!

В тех же казармах, куда провожал Николай Леночку, парень узнал, что девушек из группы «Интернационал» отправили под Казань. Его же эшелон отбыл через пару дней в Саратов. Колю перетащил в свой вагон командир отряда революционных матросов Мишенька Князев.

– Что тебе в теплушке (товарный вагон, приспособленный для перевозки людей – авт.) трястись? Вон моя братва мягкий вагон откуда-то пригнала. Поедем как старорежимные господа!

Матросы ехали лихо: не переставая пили, грабили торговцев на станциях, отнимая у них еду и самогон, запираясь с «марухами» в паре купе, предназначенных для любовных утех. Коля лежал на верхней полке, уткнувшись в книжку, или смотрел на проплывавшие за окном пейзажи: леса, поля с перелесками, сменившиеся холмистой степью. Его не доставали: знали – друг командира. Когда отказывался от предложения выпить, хмыкали:

– Нам больше достанется!

После одной из остановок Мишенька пришел мрачным.

– Пока ехали, по телеграфу сообщили, что проказничаєте вы, братва! Грабите торговцев и прочий люд на станциях. Если повторится обещали отдать меня под трибунал. Расстрелом грозили...

– Да мы, командир, за тебя любой трибунал сами расстреляем! Пехотные не хуже нас мелких буржуёв обирают! Кстати, по расписанию скоро большая станция будет.

– Пройдем без остановок! – ответил Князев. – Теперь, после ваших художеств, все стоянки только в ночное время – когда на станциях торговцев нет.

– Ну, тогда: на кого Бог пошлет! – вздохнул матросик, устанавливая у открытого окна пулемет «максим».

Он полоснул очередь по людям на перроне. Следом ударили из винтовок его товарищи, круша человеческие тела, дощатые стены вокзала, нехитрую снедь на лотках.

Мишенька со вздохом отвернулся. Он понимал, сколь трудно будет восстановить дисциплину среди распущенных им подчиненных, превративших демократию в анархию и произвол человека с оружием над безоружным.

Под трибунал Князева не отдали. Его команду распределили на корабли Волжской военной флотилии, разметанной по великой русской реке. Подразделение Николая влили в один из полков Особой армии.

– Лебедев! Ты, что из буржуев будешь? – оглядел мундирчик училища старшина. – Что это за фуражка такая, с голубым околышем, как у казака?

– Какой он буржуй? – загалдели москвичи. – Он в двух революциях участвовал!

– Был студентом. Другой одежды нет, – ответил Коля, проваливаясь в небытие и слыша откуда-то издалека:

– Похоже, тиф! Ребята-красноармейцы – подальше от него!

Пожелтевший и исхудалый вышел Николай из лазарета. Вместо его вещей ему выдали, новенькую гимнастерку, новые офицерские галифе, хорошие, всего с одной заплатой сапоги.

– А где мои вещи? – спросил Коля старшину.

– Пока, парень, ты в тифе лежал, казаки три дня город в осаде держали. Несколько снарядов угодили в склад, где твое барахлишко было. Поди теперь – сыщи его! – почему-то отводя глаза, ответил старшина. – Да ты не жалкуй! Я тебе вместо фуражки буржуйской шлем-«шишак» с нашей красной звездой выдам. Кавалерийскую шинель дам. Офицерскую... Слабоват ты пока в атаки ходить. Подносчиком патронов будешь! Через три дня выступаем. Город Вольск от контры освободить.

Поначалу жители Вольска с энтузиазмом встретили революцию. Создали даже Вольскую военную флотилию, переоборудовав в боевые корабли несколько пароходов и барж. Потом в городе заработала ВЧК, закрылись предприятия, а введенная продовольственная разверстка полностью подкосила доходы горожан и окрестных крестьян, живших хлебной торговлей. С тем же энтузиазмом, что Советскую власть встретило население белоказаков, вступивших в город. Красная Армия дважды пыталась взять Вольск. Однако из-за восстаний крестьян в ее тылу эти попытки провалились. Казачки и крестьяне не теряли времени даром. Они не только воевали против Республики Советов, но сумели собрать богатый урожай. Именно он был как воздух нужен большевикам, чтобы накормить голодающие города.

Полк, где служил Лебедев, шел во втором эшелоне и вступил в уже взятый красными город. На главной площади на фонаре покачивались трупы девушки и парня. Николай удивился, увидев на казенном мундир, очень похожий на его собственный, сгинувший в пучине Гражданской войны. Заметил он, как нахмурились, зашептались начальник штаба полка и командир разведки. Нашлись очевидцы.

– Стало быть, проверяли белые у них документы, – рассказывал пожилой мужик. – Офицер – начальник патруля спрашивает парня: «Значит, в Оренбургском коммерческом училище курс наук проходили?» И хрясть его в ухо! «Я, – орет. – Сам оренбургский! Другие мундиры у нашего коммерческого училища! А на тебе – сукин ты сын, – мундир московского ремесленного училища! Я, когда в Москве после ранения на излечении пребывал, на них насмотрелся! В контрразведку их!» Незадолго до вашего прихода этих ребят повесили. Всех избитых из контрразведки привезли. Эвон, рожи в жопы превратили! Ну а кто был на площади казнь смотреть заставили...

Красноармейцы сняли тела, уложили в телегу. Ветерок откинул полу мундира. «Лебедев», – узнал Николай вышивку, сделанную рукой матери Анфий Павловны. Казненных повезли на кладбище. Там у ворот лежала гора трупов со вспоротыми животами, кровавыми дырами вместо половых органов или попросту зарубленных за неимением времени на глумление.

– Белые пленных, которые соглашались у них служить, отправляли в пехотные части. Кто воевать за них не хотел – сюда, на кладбище. Здесь их казаки рубили. Командиров и комиссаров «гоняли» перед смертью. Сестер милосердия насиловали. Остальных просто «брали в пашки». Кого-то публично вешали в городе, потом сюда везли, когда вонять начинали – пояснил дюжий могильщик.

– Вот, товарищи! – подъехал на коне комиссар полка. – Такое может случиться с каждым из нас! Враг беспощаден, и мы должны быть беспощадными! Или мы их, или они нас! Другого пути нет и не будет!

Потом долго и нудно полк стоял в Вольске. Временами красноармейцы сопровождали бойцов продовольственных отрядов, направлявшихся в окрестные села на реквизицию хлеба. Попробовал один из продотрядов управиться в одиночку. Всем крестьяне вспороли животы и засыпали их зерном. Тогда село сожгли, расстреляли попавшихся под руку мужиков. Кто-то из селян попытался прорваться в Уральскую степь, к казакам. Вернулись ограбленными теми же казаками. Народ присмирел, стал сдавать зерно. Что удалось сохранить от разверстки поедал сам или обменивал. Зато сеять практически перестали. Во всегда изобильно продуктами Вольске началась голодуха. Красноармейцев кормили скудно.

– Хорошо кормят на передовой тех, кто в бой идет. А мы в тылу сидим. Не сало с нас и драть, – приговаривал старшина, когда кто-то сетовал на скудость питания.

Лучше других жил Петруха Серебряников. У него всегда была краюха хлеба, водились сало и сахарок. Внезапно Петруха пропал на пару недель. Потом объявили построение полка. Привезли Серебряникова. Подвели к столу, за которым разместились члены трибунала.

– Красноармеец Серебряников с целью ограбления убил бывшую купчиху Брюханову, – объявил председатель суда. – Своими действиями Серебряников подорвал доверие населения к Советской Власти! Трибунал решил, что за свой проступок боец Серебряников подлежит наказанию в виде расстрела. Однако учитывая рабоче-крестьянское происхождение подсудимого и его заслуги в борьбе с мировой контрреволюцией, трибунал счел возможным заменить высшую меру социальной защиты общественным порицанием. Ступай в строй, Серебряников и больше так не делай! В следующий раз непременно расстреляем!

Следующего раза пришлось ждать недолго. Петруха ушел в самоволку и явился под утро. Он попытался подложить что-то под подушку Николая. Тот шуганул Петруху, однако спросонок не понял, что к чему. Не понял: почему Серебряников, не разувааясь, юркнул под одеяло. Очень скоро в казарму явились люди из особого отдела полка, а с ними чекисты в кожаных куртках.

– Подъем! – раздалась команда.

Все вскочили босиком и в исподнем выстроились вдоль нар. Лишь один Петруха был одет и обут. К нему и направились чекисты. Обыскали, затем приказали разуться. Здесь-то из одного голенища сапога Серебряникова выпали серебряные карманные часы, а из другого – серебряный портсигар.

– Ты хоть знаешь кого убил и ограбил?! – двинул его по скуле чекист.

– Социально чуждого – буржуя! – взвизгнул тот.

– Ты убил заместителя председателя Совета рабочих и солдатских депутатов. Часы и портсигар его! Именные! Это – ценные подарки за успехи в борьбе за торжество социальной революции! – стукнул его по другой скуле чекист.

– Почему он был в пальто и шляпе? – еще раз взвизгнул Петруха.

– А ты хотел, чтобы ответственный советский работник во рванье ходил – Советскую власть своим видом позорил?! – дал ему в нос чекист. – В ЧК поедем! Там разбираться будем!

– Ну, гад! – обернулся Петруха к Николаю. – Не дал подложить тебе цапки! Я, как из ЧК выйду, с тобой посчитаюсь!

Через день полк построили на пустыре за городом. Уже была вырыта могила. Серебряникова привезли босым, раздетым до нижнего белья. На сей раз не помогло ни рабоче-крестьянское происхождение, ни заслуги в борьбе с мировой контрреволюцией. Зачитали приговор. Упировавшегося Петруху поставили на краю могилы и выстрелили в затылок. Бойцы похоронной команды быстро засыпали яму. Потом полк прошел по ней, утрамбовав, не оставив даже намека на холмик. К следующему лету место где лежал грабитель полностью заросло травой.

Летом следующего года полк посадили на пароходы и отправили под Уфу. Там части первого эшелона лихо форсировали реку Белую, закрепились на берегу, захваченном колчаковцами и белоказаками. В окопах, отбитых у противника засел первый эшелон. За ними полк Лебедева быстро вырыл траншеи. Зашло солнце. Донеслось пение из окопов белогвардейцев:

– Вот, показались красные цепи. С ними мы будем биться до смерти. Смело мы в бой пойдем за Русь святую, и как один прольем кровь молодую!

– Готовятся! Завтра утром в атаку пойдут. Попробуют нас в реку скинуть, – оценил ситуацию прошедший пару войн старшина.

– Мотивчик знакомый. На романс «Белая акация» похож, – хмыкнул Коля.

– Да мы в германскую на всех фронтах пели: «Вот, показались немецкие цепи», – ответил немолодой солдат. – А на Кавказском фронте – «турецкие цепи» пели. Хотя, тебе лучше знать про романсы. Ты в тех сферах вращался!

Утром ударили белогвардейские пушки. Смешали с землей людей, разнесли окопы и блиндажи. В ужасе побежали красноармейцы. Кое-кто затаился, вжался в землю.

– Николай! Сбегай в первую линию! Узнай: что там? – приказал Лебедеву старшина.

Артиллерийский огонь прекратился. Коля пробежал в окопы первой линии. Пара пуль с противным свистом пронеслась над его ним. В переднем окопе было пусто. Лишь постанывал раненый в плечо пулеметчик. Его напарник лежал рядом с прострелянной головой.

– Идут! – выдохнул раненый, показывая уцелевшей рукой в направлении Уфы.

Цепь людей в черных мундирах шла в полный рост. Казалось, она заняла все обозримое пространство и конца-края ей нет.

– Ты, парень, на гашетки жми! А я уцелевшей рукой ствол водить буду. Иначе, не отобьемся. Вишь, друга моего убило. Меня ранило. Сам стрелять не могу.

Боец выровнял ствол «максима». Коля определил, что прицел четко встал напротив маленького окошечка, уперся в фигуры врагов.

– Жми! – выдохнул пулеметчик.

Лебедев надавил на гашетки. Пулемет дернулся, слегка подскочил, но под рукой бывшего солдата встал на место, с треском начал выплевывать смертоносные пули. Словно оловянные солдатики, сбитые ударом руки, черные фигурки повалились в разные стороны. Уцелевшие попытались сомкнуть строй, но падали скошенные пулями, пока все не остались лежать в изумрудной траве.

– Смени пулеметную ленту! – велел боец. – Сейчас их конница пойдет!

С его помощью Николай заменил старую, в которой осталось всего несколько патронов. Он увидел выросшую вдалеке, быстро приближавшуюся лаву казаков на рыжих конях. Переводные стреляли наскоку в сторону красных. Пулеметчик вновь навел «максим», а затем охнув, скатился в окоп. На левой стороне его груди расплзлось по гимнастерке кровавое пятно. Теперь Лебедев остался один. Однако он успел понять, как наводить пулемет. Правда, первая очередь прошла над головами конников. Зато вторая скосила лаву, перемешала людей с конями. Лебедев перенес огонь влево. Там казаки оказались ближе. Снова закувыркались люди и животные. Затем – очередь-другая вправо. Казаки повернули коней, побежали, а Коля настигал их пулями, пока в ленте не кончились патроны. За спиной он услышал: «Ура!» Размахивая шашками летели на врага красные кавалеристы. Перемахнули окоп с Николаем, пронеслись, преследуя противника. Подоспели служивые из полка Лебедева. Растянувшись в цепь, устремились за кавалеристами.

– Молодец! – подъехал на коне в окружении штаба командир полка. – Лихо покروшил контру! Пулемет отдай товарищам! Их «максим» осколком повредило. Сам поступишь в распоряжение старшины.

– Ну, пойдём! Посмотрим, что ты натворил! – пристукнул Колю по спине старшина.

На месте боя лежали совсем мальчишки в черных мундирах.

- Мундиры реального училища, – определил Николай.
- Это – студенты, получается? – удивился старшина.
- Вроде того, только возраст моложе, – вздохнул Лебедев.
- Вон этот дышит! – доложили старшине.
- Доколи штыком, чтобы не мучился! – приказал тот.

Треснул выстрел.

– Не австрияк али турецкий басурман. Русский – православный. Совсем мальчонка... Не хорошо его словно свинью припарывать, – объяснил свой поступок немолодой красноармеец.

Старшину и его команду заинтересовали сапоги убитых казаков, содержимое их карманов. В-первую очередь – кисеты с табаком-самосадам.

– А чем я буду бойцов снабжать? – ответил старшина на недоуменный взгляд Коли. – Самообеспечение называется! Беляки у наших тоже в карманах роются. Особенно у латышей и китайцев. Тем жалование николаевскими деньгами выплачивается! Так-то!

Потом было награждение особо отличившихся при взятии Уфы. В город прибыл командующий группой армий Михаил Васильевич Фрунзе.

– Видел атаку вашего полка, – улыбнулся он командиру соединения. – Геройски сражались! А пулеметчик, уложивший видимо-невидимо белых жив?

– Лебедева давай сюда! – кивнул тот начальнику штаба, а сам вытянулся перед командующим. – Этот пулеметчик сто пятьдесят беляков уничтожил. Мы не поленились, посчитали трупы после боя.

– Наградить орденом Красного Знамени! Вас, товарищ комполка, – тоже! Полку вручить Почетное Революционное знамя! Этот Лебедев большевик?

– Никак нет! Комсомолец...

– Что же вы такого героя в партию принимать не спешите?

– Социальное происхождение у него неправильное – из купцов.

– Социальное происхождение – вещь нужная. Однако не только по социальному происхождению о человеке судят, а и по его делам. Товарищ Ленин, например, из дворян...

– Ну, насчет товарища Ленина вы, товарищ командующий, не очень. Наш он – питерский, потомственный пролетарий, металлист, – начал пересказывать одну из многочисленных баек о социальном происхождении Ленина командир полка.

– Ладно, металлист! – расхохотался Фрунзе. – Строй полк! Награждение проводить будем!

Перед вручением знамени выступил Фрунзе. Он говорил кратко, ясно, доходчиво, избегая малопонятных бойцам и многим командирам слов. Он рассказывал какая прекрасная жизнь в новых светлых городах ждет рабочих. Какая прекрасная жизнь ждет крестьян на вольной, свободной от помещиков земли.

– А как насчет продразверстки?! – крикнул кто-то из задних рядов.

– Продразверстка, товарищи, – явление временное. Армию кормить надо, города кормить надо. Разгромим белогвардейщину – продразверстку отменим. Но для этого надо победить! Нам надо гнать врага за Урал! Очистить от него Сибирь, сбросить в Японское море! Вот тогда заживем! Тогда и продразверстку отменим, и разрушенное войной восстановим, и мировому пролетариату в его борьбе с международным капиталом поможем! А пока вперед, на врага, товарищи!

Под недовольным взглядом командира полка Лебедев получил орден Красного Знамени. Наградили маузерами командиров батальонов. Начальнику кавалеристов вручили пашку в серебряных ножнах кавказской работы. Дорогое оружие получили другие конники. Затем прозвучала команда:

– Разойдись!

Коле сзади закрыли лицо руками. Он провел по кисте и не поверил себе.

– Леночка! – выпалил он и обернулся.

Перед ним стояла его Леночка. После был долгий и страстный поцелуй, еще и еще. Наконец, молодые люди оторвались друг от друга.

– Поздравляю! – выдохнула Леночка, указав на орден, и крепко прижалась к любимому.

– Ты откуда?

– Я в политотделе фронта. Поднимаем боевой дух бойцов, учим их грамоте, выступаем с концертами перед красноармейцами и населением. Пойдем! Сейчас концерт для вашего полка начинается!

Коля смотрел не на сцену. Он любовался загорелой, подтянутой, повзрослевшей Леночкой в ладно сидевшей на ней гимнастерке. Лишь один раз Николай обернулся на артистов. Гармонист заиграл песню, которую совсем недавно пели белые перед неудавшейся атакой.

– Это же – белогвардейщина! – зашептал, было, Лебедев.

– Была белогвардейщиной! А теперь послушай, как мы с девочками из политотдела ее переделали.

– Рвутся снаряды, трещат пулеметы, но их не боятся красные роты, – пели девушки из политотдела и гармонист. – Смело мы в бой пойдем за власть Советов, и как один умрем в борьбе за это!

– Наша песня! – закричали красноармейцы, когда затихли последние аккорды. – А беляки ее на свой манер переделали!

– Берите листовки, товарищи! Здесь слова песни! – принялась раздавать листы с текстом Леночка.

А потом ее увез поезд в другие части, в другие края, на другие фронты той необъятной войны.

Затем было взятие городка Бирск. К тому времени Лебедев, используя свои технические знания, починил поврежденный «максим». Поскольку другие пулеметчики были при деле, ему поручили это грозное оружие. Николай снова валил белогвардейские цепи, вел огонь по колокольням и чердакам, откуда стреляли колчаковцы, настигал пулями выбитых из Бирска врагов. Ему вручили трофейный браунинг с серебряной табличкой с выгравированными на ней словами: «Николаю Лебедеву – стойкому бойцу Революции».

До конца войны полк простоял в Бирске. Прибыло пополнение. Ему Лебедев передал пулемет. Сам же по приказу командира полка отправился в оружейную мастерскую. Возвращал к жизни винтовки, пулеметы, револьверы. Что не удалось починить – разбирал на запасные части.

Заработала почта. Хоть редко и с большим опозданием Коля получал весточки из дома. Из них он узнал о гибели дяди Арсения Федоровича. Подробностей не знали, а они были таковы. Летом 1920 года Арсений отправился на Южный фронт. Его назначили заместителем начальника политотдела дивизии и по совместительству председателем дивизионного трибунала. Вскоре по приезде Лебедева вызвал начальник.

– Съезди, Арсений Федорович, в поселок Гохгейм. Там какая-то буза в полку намечается. Разберись, если потребует – расстреляй кого-надо! – приказал Михаил Петрович Янышев – в прошлом тоже начальник Лебедева – председатель Московского революционного трибунала.

В сопровождении пары бойцов из расстрельной команды и возницы тачанки Лебедев отправился в полк. С высотки поселок открылся как на ладони. Бурлил полк, среди красноармейцев разгуливали офицеры в золотых погонах. В сторонке лежали раздетые до белья убитые красные командиры.

– Понятно! – выдохнул Арсений Федорович, вынимая из кобуры маузер. – Разворачивай тачанку! Пулеметчики, готовься! По изменникам революции...

Краем глаза Арсений Федорович заметил, как судорожно потянулся к впившемуся кинжалу в горло пулеметчик. Второй, ахнув, скатился с тачанки, пораженный брошенной пикой. Другая пика угодила в спину вознице, завалила его набок. Лебедев прыгнул с тачанки. В место, где он только что был, вонзилась еще одна пика. Озиравшегося у тачанки Арсения Федоровича окружил десяток казаков, сидевших на конях.

– Молись своему Карлу Марксу, комиссарская душонка! – вытащил шашку парнишка со звездочками хорунжего на погонах.

Его Арсений Федорович свалил выстрелом из маузера. Пика вспорола плечо председателя трибунала нагнула до земли. Лебедев дал куда-то в сторону еще пару выстрелов. Рядом с ним пронесся казак, нагнувшись, снес клинком голову Александра Федоровича.

– Что за шум? – въехала на высотку пара офицеров с витыми гусарскими погонами на солдатских гимнастерках.

– Так что, господин ротмистр, комиссаров прищучили! – взял под козырек бородастый урядник. – Однако они нашего господина хорунжего убили...

– Господина хорунжего похоронить по-христиански! Перешедших к нам солдат отвести в наше расположение. Да смотрите, чтобы их там не обижали! Пусть накормят, выдадут погоны, назначат командиров. А нам соседний полк красных агитировать.

Прежде чем уехать, казаки вывернули карманы убитых.

– Этого мне оставьте! – приказал урядник. – Я его на пику насадил!

– Но голову-то ему снес я! – возразил казак, вытирая окровавленную шашку.

– Тебе и делов-то было – шашкой махнуть. Не я, может быть, и ты здесь лег, рядом с господином хорунжим. Так-то, брат!

– Дозволь хоть сапоги с комиссара снять! Мои совсем прохудились.

– Сапоги сними, а карманы – мои! Деньжищ-то! И все «катеньками»! (банкнота Российской империи, номиналом 100 рублей – авт.).

Эти подробности рассказали попавшие в плен сами казаки. Янышев приказал их расстрелять. Он погиб через несколько дней под тем же поселком Гохгейм. Его тело привезли в Москву, с помпой похоронили на Красной площади, у Кремлевской стены. Ну а, что не пригодилось казакам сняли с Арсения Федоровича и его подчиненных местные крестьяне-украинцы. Они же закопали тела.

Детали гибели дяди Николай узнал гораздо позже. Пока же он чинил оружие и подавал рапорты о переводе его на передовую, которые командир полка рвал в клочья.

В марте 1921 года командир полка вызвал начальника штаба и начальника политотдела.

– Согласно декрету Народных Комиссаров, начинается демобилизация Красной Армии. Подготовить списки бойцов, увольняемых в запас! Первым отпустим Лебедева – нашего оружейника. У нас их сейчас достаточно.

– Товарищ командир полка! – встрял начальник политотдела. – Лебедев по своему уровню может командовать отделением, взводом, да и роту потянет! Если его отпускать – то в военное училище. Лебедев в полку с восемнадцатого года, коммунист, кавалер ордена Красного Знамени. Их на весь полк всего два: вы и он...

– В том-то и дело, что два. А должен быть один – я – боевой командир полка! За Лебедева не беспокойся! Приедет домой, в Москву, сам решит в военное училище поступать или в университет какой-нибудь, или партийной работой заняться. Оформляйте бумаги!

Государственная граница

Муторно, с пересадками, штурмом вагонов, беготней за кипятком на больших станциях Николай добрался до Москвы. Радости родных не было предела: живой, целый с обеими руками и ногами вернулся. Достал бутылку «шустовского коньяка» отец.

– Предпоследняя из «николаевских запасов», – объявил он. – Последнюю на моих поминках разопьете!

Коля давно не видел такого изобилия: колбаса, сыр, пирожки с мясом, рыбой, творогом. Как давно не ел он всего этого!

– Новая Экономическая Политика или НЭП нынче, – объяснил отец. – Дали свободно производить товары и торговать. Времени-то всего ничего прошло, как ее объявили, а вон – словно при царизме живем! Накормили и одели народ деловые люди...

– Отступление перед мировым капиталом – ваша НЭП, папаша, – встрял Шурка. – Я в знак протеста против нее, пожалуй, выйду из комсомола. Не только из комсомола из партии многие выходят. Для чего проливали кровь в Гражданскую? Чтобы опять купчихи, да всякие спекулянты на трудовом человеке наживались?

– Кому лучше сделаешь? Советской власти или буржуйам-нэпманам? – спросил Коля, коему еще в армии четко разъяснили суть проводимой партией политики. – Сейчас вопрос стоит: «Кто кого?» Мы их – или они нас? Будем относиться к НЭП как к временному явлению, давать буржуйам восстановить производство, торговлю, но контролировать их, а потом послать куда-подальше – победим. Будем выходить из партии и комсомола, давать им бесконтрольно и беспардонно наживаться – подомнут они под себя экономику. После политическую власть захватят. Тогда по-настоящему прежние времена вернуться! И всех инакомыслящих к стенке, в шашки или с петлей на шее на фонарь! Я такого, брат, насмотрелся!

На следующий день отмытый после дальней дороги Николай встал на партийный и военный учет, узнал в какие высшие учебные заведения принимают. Вечером отличился – починил швейную машину, на которую слесари фабрики (так теперь назывались мастерские Александра Федоровича) давно махнули рукой.

– Что швейная машина, что пулемет – по сути дела одно и то же. А пулеметов я много починил.

– Вот, и будешь главным механиком! – сказал папаша. – Шурка многих комсомольцев на работу устроил. Да только нет у этих ребят серьезного подхода к делу. Думают о светлом будущем, а о сегодняшнем дне не очень заботятся.

– Я, папаша, высшее образование хочу получить, институт окончить. А там и в главные механики можно. Пока знаний не хватает. О Леночке Князевой, что-нибудь слышно?

– Видел ее на днях, – снова влез Шурка. – Прямо старорежимной барынькой стала! Вся в иностранном тряпье! Пальто с меховым воротничком! Тьфу! А ведь всю Гражданскую прошла! Вот, каким боком поворачивается «временное отступление»! О тебе спрашивала... Живет по-прежнему в бывшем доме родителей.

Дождавшись воскресенья, Николай поспешил в особняк, некогда принадлежавший Князевым. Парадный вход был наглухо заколочен. Подошел к черному входу для прислуги. Нашел табличку с надписью: «Князева», позвонил. Дверь открыла Леночка. Она была в шерстяном платье, таком же, что носили жены и содержанки нэпманов.

– Коленька! – бросилась на шею любимому Леночка. – Ну, что же ты не позвонил? Мог бы и не застать! Я хотела прогуляться, подышать воздухом перед началом рабочей недели.

Николай снова впился в любимую долгим поцелуем.

– Что же мы так? В прихожей? Пойдем в мою комнату! Вот и телефон. Номер прежний, какой был до революции, – кивнула Леночка на аппарат, висевший на исписанной телефонными номерами стене.

Потом была страсть, как тогда – перед уходом молодых людей на фронт. Потом были нежность и воспоминания, воспоминания...

– Где ты работаешь, Леночка? – спросил Коля.

– В Народном Комиссариате Просвещения. Меня туда после демобилизации из Красной Армии направили по партийному распределению.

– Так, ты член партии?

– Конечно! С девятнадцатого года – перед штурмом Уфы вступила.

– Надо же! А я только с двадцатого... Это – надо полагать – «временное отступление»? – кивнул Лебедев на брошенное на стул дорогое платье, стоявшие у кровати дорогие туфельки.

– Наш народный комиссар товарищ Луначарский посмотрел на пришедших с фронтов девушек в сапогах, гимнастерках, красных косынках, наганами на поясах. Дал нам всем записки в распределитель, чтобы получили новую, штатскую одежду. Сказал: «Гражданская война и политика „военного коммунизма“ закончились. Вы все являетесь лицом наркомата для учителей, других работников народного просвещения, приезжающих в столицу. У вас они должны научиться одеваться культурно. А отсюда уже и культура в организации работы, решении вопросов социалистического строительства». Пришлось перелезть в гражданское, хотя бывает противно ходить разодетой, словно нэпманше. Чем думаешь заниматься, Коля?

– Поступил вчера в Лесную академию, на механический факультет. Другие высшие учебные заведения либо еще закрыты, либо начинают прием новых студентов летом. Пока поучусь там, а после в какой-нибудь более серьезный институт переведусь, – потянулся Коля к губам любимой.

Потом вновь были любовь, страсть, нежность... Лишь ближе к ночи возлюбленные расстались. Леночке надлежало выспаться перед работой, Коле следующим утром приступить к занятиям.

Учебный процесс для поступивших, подобно Лебедеву, в апреле начался с практики. Под руководством преподавателей студенты чистили парк Академии, раскинувшийся на много гектаров, корчевали пни. Сажали на место деревьев, срубленных окрестным населением на дрова, новые, выведенные в питомнике. Подтягивали общеобразовательный уровень студентов – в большинстве своем бывших красноармейцев, растерявших зачатки знаний в годы войны. Вечерами кипели политические дискуссии между сторонниками Ленина и последователями Троцкого. По субботам, завершив занятия, шли в павильон на остановке трамвая. Там, в буфете пили лимонад, а в дни стипендий баловали себя кружкой пива. Потом Николай заезжал на ночь домой, а воскресенье шел к Леночке. Возлюбленные много гуляли по Москве, по их еще дореволюционным местам: бульварам, Арбату, Тверской. Наслаждались пьянящими запахами сирени и черемухи, яблоневого цвета, цвета липы. Обедали в одной из множества недорогих закусочных, открытых нэпманами. После, вернувшись в комнату Леночки любили и любили друг друга.

В одну из суббот заглянул Лёнька.

– Собирайся, Коля! Нужна помощь! Оружие имеется?

– Наган – твой подарок и браунинг – награда за Гражданскую. Что за помощь нужна? – уже на ходу спросил Николай.

– Анархиста Ахтырского братъ будем. Мы его задерживали еще в восемнадцатом году. Тогда он заныл: дескать я – социально близкий, политический союзник. Что буржуев грабил – так это на дело мировой революции. Взяли с него честное слово не воевать против Советской власти и отпустили. Из Москвы Ахтырский уехал. Всю Гражданскую войну провел в бандах Махно, Маруси-бандитки, батьки Максюты. Теперь вернулся. Мало того, что принялся за гра-

бежи – убивает всех, кто ему не понравился. Пытались его на днях взять, подранили. Он упал, прикинулся мертвым. Когда наши подошли, открыл огонь из двух маузеров. Видимо-невидимо людей положил. И наших, и случайных прохожих.

Леонида и Колю подхватила машина ВЧК. Домчала до одной из остановок трамвая. Туда же привезли еще пятерку чекистов.

– По агентурным данным Ахтырского неоднократно видели в районе этой остановки, – сообщил старший группы. – Здесь у него поблизости «берлога». В это время он ее покидает и куда-то уезжает на трамвае. Если верить нашим секретным сотрудникам, должен появиться минут через десять. Пока, товарищи, делаем вид, что ждем трамвая. Берем Ахтырского по моей команде: «Этот – наш».

Ахтырский появился несколько раньше. Старший вовремя среагировал:

– Этот наш! – отбросил он газету.

Чекисты бросились к Ахтырскому. Тот выдернул из-под плаща маузер. Однако Николай опередил его. Он выстрелил анархисту в сердце, всего шагов с пяти. Тот, хватая ртом воздух, начал заваливаться, выбросил вперед руку с оружием. Однако выстрелить не успел. Пули из наганов и браунингов разнесли его в клочья.

– Живым надо было брать! – цыкнул на Колю двоюродный брат.

– Ахтырский объявлен вне закона как политический террорист и подлежал немедленному уничтожению, – сплюнул старший. – Я специально приказал взять на операцию того, кто не очень разбирается в наших уставах. Чтобы действовал не по ним, а по обстановке. Молодец – красноармеец! Матерого хищника завалил!

– Я еще в восемнадцатом году дал ему рекомендацию в ЧК. Да он на фронт сбежал, – хмыкнул Леонид.

– Теперь и я дам, – сказал старший группы.

– Мне бы Академию закончить... – замялся Николай.

– Ладно уж, академик! Садись в машину – отвезем домой. А эту падаль товарищи в морг определяют...

Доучиться Лебедеву не дали. Получил направление в соответствии с партийно-комсомольской мобилизацией на учебу в Школу командного состава Пограничных войск. В школе стоял дым коромыслом.

– Кто такие пограничники? Это, что ли, как стражники при царизме? Нет моего желания здесь обучаться! Пиши меня в красную конницу товарища Буденного, а еще лучше – в Рабоче-Крестьянский Красный Флот! – бунтовала комсомольская молодежь.

– Тихо, товарищи! – прикрикнул командир-пограничник, как выяснилось позже заместитель начальника школы. – Кто не хочет учиться отпустим! Однако сообщим в партийные и комсомольские организации о вашем непонимании политики советского государства! Вас сразу из партии с комсомолом в шею выгонят! Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Еще есть желающие демагогию разводить?

– А ты, товарищ – кавалер ордена Красного Знамени тоже не желаешь учиться? – кивнул он на награду Лебедева.

– Откровенно говоря, не желаю! Но если партия велела – буду учиться на пограничника, – ответил Николай. – Как говорится, стерпится-слубится...

– За что орден?

– В девятнадцатом году за взятие Уфы получил. Лично из рук товарища Фрунзе.

– Что сознательность проявляешь – правильно! А вот насчет «стерпится-слубится» – зря! Поверь, товарищ, пройдет совсем немного времени, и отменят мобилизации! Молодежь станет считать честью служить в погранвойсках. В очереди стоять будет, чтобы к нам в школу попасть!

После получили обмундирование – новенькие гимнастерки с темно-зелеными нагрудными клапанами – «разговорами» и такими же петлицами, шлемы с темно-зелеными звездами, галифе и кожаные... лапти. Над ними долго смеялся Александр Федорович, назвавший эту обувь «штиблетами в клеточку».

– Ладно, – хмыкнул он. К концу учебы собственноручно сошью тебе сапоги – генеральские, как при царизме. А в этой обувке много не навоюешь!

Пришлось в таком виде идти на свидание с Леночкой – гражданскую одежду у курсантов забрали. Та отнеслась с пониманием:

– Преодолеем разруху, Коленька, будет все по-другому. И обувь у военных будет совсем иная!

На полгода «загребел» Николай на казарменное положение. Увольнение давалось лишь по воскресеньям. Остальное время было посвящено учебе, караульной службе, выполнению различных хозяйственных работ. Лебедев успевал лучше других, стал командиром отделения. Отличился он не только знаниям уставов, тактики. Лучше других Коля овладел японской борьбой джиу-джитсу. Этой борьбе курсантов стали учить с первых же дней пребывания в школе. Босой чернявый человек с раскосыми глазами, желтым лицом, в синем наряде и черном поясе церемонно поклонился ученикам.

– Чему может научить этот китаёза? – пренебрежительно кивнул на него двухметровый Ваня Гулидов – силач и признанный кулачный боец из Сокольников.

– Я не китаец, а японец! Японский коммунист, – обернулся в его сторону, услышавший реплику преподаватель. – Зовите меня: товарищ Акихиро. Ну а чему могу научить сейчас покажу. Курсант Гулидов, ко мне! Попробуйте одолеть меня! Не стесняйтесь – бейте!

Ваня с размаху нанес мощный удар. Кулак просвистел над головой присевшего учителя. Ваня ударил левой рукой, норовя угодить в грудь. Снова кулак просвистел рядом с отступившим на шаг товарищем Акихиро. Еще серия размашистых ударов не достигла цели. Затем японец поднырнул под Ваню и неуловимым взглядом броском швырнул через себя. В мгновение преподаватель оказался на спине распластавшегося на матах Гулидова, заломил ему руку за спину.

– Больно? – спросил японец.

– Ох, больно! – выдохнул Ваня.

– В строй! Кто следующий товарищи?

Курсанты били педагога, кто чисто уличными приемами, кто – боксерскими ударами, кто пытался завалить. Товарищ Акихиро ловко увертывался, а затем, когда противник начинал уставать, опрокидывал его то подсечкой, то подножкой, то броском через бедро или голову. Дольше всех продержался Николай. Он использовал приемы боя, коим его научил Леонид. Наконец, преподаватель опрокинул и его.

– Эти удары мне незнакомы, – сказал японец.

– Они наши, семейные, – встал Николай.

– Но меня тоже недаром родители Акихиро называли, что по-русски означает: умный. Вы, товарищ курсант, особенно способный. Если хотите, поучу вас дополнительно, в свободное от учебы время.

Коля овладевал не только приемами джиу-джитсу. Однажды он, было, одолел учителя, но тот нанес ногами серию ударов, незнакомых Лебедеву.

– Не по правилам! – поднялся с ковра Николай.

– Враг тоже не по правилам будет драться, – как всегда невозмутимо ответил японец. – Могу поучить вас этому виду борьбы. Карате называется. Я предложил учить курсантов и ему, однако начальство сочло лишним.

– Посильнее джиу-джитсу будет, – оценил единоборство Николай.

– Знающий карате может победить вооруженного саблей, ножом, пистолетом, винтовкой. Может даже увернуться от пули. Будем учиться?

– Обязательно будем, товарищ Акихиро!

Вскоре знания, полученные от японца, пригодились Николаю. В один из октябрьских вечеров он возвращался с Леночкой из театра. Та говорила, что красный командир должен быть человеком высокой культуры. Поэтому тащила Колю на все премьеры, все выставки. Уже неподалеку от ее дома молодых людей тормознула тройца щегольски одетых парней.

– Гоп-стоп, перевернуться, бабушка здорово! – спели они припев любимой бандитами песни, брезгливо скользнули взглядами по лаптям Николая. – Отвали, лаптёжник! А ты, барынька, выворачивай сумарёк! Кольца, серьги снимай! Не то из ушей выдернем!

На Колю смотрел наган, двое других бандитов поигрывали финскими ножами. Николай ударил ногой по руке с револьвером. Послышался хруст ломаемой кости и лязг о мостовую выбитого оружия. С разворота Лебедев ударил по шее ребром ладони оказавшегося рядом налетчика. Третьего застрелила Леночка из вытащенного из сумочки маленького, «дамского» пистолета. Коля приемом джиу-джитсу сломал руку бандита, выронившего нож. Бандиты попытались подняться, но ударами ног Лебедев вернул их на мостовую. Вдалеке слышались трели милицейских свистков.

– Я вас, суки, из-под земли достану! На куски порежу! – сипел тот, что был с наганом.

– Жаль, гнида, ты в двадцатом году мне под Иркутском не попался! – выдохнула Леночка и прострелила ему колено.

Прибежала пара запыхавшихся милиционеров.

– Яшка Молдован! – оттянул за волосы голову бандита под свет уличного фонаря постовой. – За ним десятки грабежей и шесть убийств. Этот – Петя Костромской – подручный Молдована. Кто третий?

– Сёма Кныш, – ответил напарник, осветив голову убитого.

– Читайте, граждане, что отделались легким испугом. Эта тройца в последнее время не только грабила, но и убивать начала! Зарезали бы вас!

Остаток ночи прошел в милицейском участке, даче показаний, оформлении протоколов. Лишь под утро влюбленные вернулись домой.

– Что было в двадцатом году под Иркутском? – спросил Николая любимую.

– Тогда много колчаковцев взяли в плен. Расстрельные команды не справлялись. Пришлось и нам – сотрудникам политотдела приводить в исполнение приговоры ревтрибунала... – ответила Леночка. – В бою тоже убивать приходилось. Мы все были политбойцами. Когда складывалось тяжелое положение, первыми в атаку шли. Тогда командиры кричали красноармейцам: «Девки в бой идут, не боятся! А вы – мужики носами в землю уткнулись!» Так, и поднимали в бой. Немало наших девушек полегло. Но я – маленькая, в меня попасть трудно. Да и осколки мимо пролетали. Без единой царапины Гражданскую прошла!

– А если бы беляки в плен взяли?

– Долго бы насильовали, а потом живот вспороли или сожгли. Я такого тоже повидала...

После руководства школы пришла благодарность в адрес Николая за помощь в задержании особо опасных преступников. Выплатили даже небольшую премию, которую Лебедев пожертвовал в помощь голодающим Поволжья, за что получил благодарность в приказе от руководства школы.

Николай предложил Леночке выйти за него замуж и поехать на заставу, к месту распределения.

– Замуж согласна, но из Москвы меня Надежда Константиновна не отпустит. Много сейчас работы по выявлению и уничтожению классово-чуждой литературы. Она возглавляет комиссию. Я у нее первый помощник. Собираем всяких Ницше, Шопенгауэров, пере-

рабатываем их книжонки на бумагу. Ветхое, не подлежащее переработке, публично сжигаем на кострах. Да и у наших чуши хватает. Один Бердяев чего стоит!

– Кто такая Надежда Константиновна?

– Надежда Константиновна Крупская – жена Владимира Ильича Ленина. Да и сам он в восторге не будет. Говорит, что, когда я у них бываю, его Надежда Константиновна не сильно «пилит». Ничего, Коленька! Наша любовь проверена долгой разлукой, Гражданской войной!

Учеба пролетела быстро. К выпуску Александр Федорович собственноручно сшил Николаю сапоги. Такие, какие он шил господам-генералам при царизме.

На заставе, затерянной в девяти километрах от железнодорожной станции и в двенадцати километрах от уездного центра Сестрорецка, ее командир, латыш Берзинь внимательно осмотрел обновку.

– Эта обувь хороша для парадов. Мы носим другую, встал он из-за стола.

На начальнике были высокие ботинки на рифленой подошве из красной резины.

– В твоих сапогах денек попрыгаешь по нашим скалам и выбросишь. Получишь такие у старшины!

– Где вы их берете? – удивился Коля.

– У контрабандистов отбираем. Сейчас граждане-нэпманы начали в Крым ездить. По тамошним горам ходить. Вот, и тащат чухонцы шведские или норвежские башмаки. Ну а мы при задержаниях обувку изымаем. Задержанных передаем финской стороне. Так сказать, выдворяем на родину. Наглых сдаем в ОГПУ. Сегодня отдыхай! Завтра утром тебя на занятиях жду!

– Что за занятия? Меня, вроде, всему в школе научили...

– Не всему! Как сорока кричит, когда на ее территории волк или медведь появляется знаешь? А когда человек идет по ее владениям, знаешь? Голос всякой птицы или зверюшки знать надо! Очень полезно в нашем деле.

– Вы то все откуда знаете, товарищ командир?

– Сам я из Рижского уезда. У нас там не только заводы. Непроходимые леса есть. Я из таких лесов родом буду. Все это в меня с молоком матери вошло. Ну а на границе у нас, как и везде, беспокойно. Не только контрабандисты – шпионы и диверсанты лезут.

Началась служба Коли на границе, среди упиравшихся в болота скал. Болота то отступали, обнажая трупы утонувших в них контрабандистов. То наступали, готовя ловушки для новых жертв. Пограничникам было легче. Берзинь научил их определять предательские трясины. Однако в них попадали окрестные финны, которые должны были бы знать капризы природы.

– Чухонцы! Что с них взять? – вздыхал Берзинь, когда к нему приводили очередного вытасченного из болота контрабандиста.

Выудил одного такого и Николай. На девять километров государственной границы приходилось девять бойцов, старшина, командир, да политрук заставы. Освобождался от патрулирования лишь старшина, готовивший на всю заставу завтрак, обед и ужин. Бойцы ходили в дозоры парами. Командиры, как боле подготовленные, осуществляли патрулирование в одиночку. В один из таких обходов границы Лебедев наткнулся на увязшего по грудь в трясине мужика. На твердой почве лежал большой заплечный короб.

– Ты что здесь делаешь? – вырвалось у Коли.

– Сижу, в болоте тону, – ответил мужик.

Николай нагнул молодую березку. Этого оказалось достаточно, чтобы вытащить ухватившегося за ее ветки дюжего финна.

– Разреши воду из сапог вылить, начальник! – попросил контрабандист.

– Валяй! – направил на него наган Лебедев. – Попытаешься напасть – пристрелю!

Финн стянул сапог, из которого выпал кривой нож с каменной рукоятью.

Николай отгреб ногой оружие к себе и, не сводя револьвера с задержанного, опустил себе за голенище.

– Не возражаешь? А теперь обувайся! Короб за плечи! На заставу шагом марш! Предупреждаю: шаг влево, шаг вправо – попытка к побегу. Открываю огонь без предупреждения!

На заставе составили опись содержимого короба. В нем оказались французские духи, испанская пудра, итальянские шелковые чулки.

– Ничего для нас интересного, – подытожил Берзинь. – Барахло сдадим в наш экономический отдел. Оттуда пойдет в советскую торговлю для нэпманш или в спецраспределители для жен высокого начальства. За что боролись?

– А с этим что делать? – спросил Лебедев про контрабандиста.

– Сопrotивления при задержании не оказывал?

– Никак нет.

– Утром предупредим, чтобы больше так не делал и передадим финским властям. Те тоже предупредят... Чтобы больше не попадался и отпустят. К нам еще до тебя комиссар из Сестрорецка приезжал, политинформацию проводил. Сказал, что финское правительство хорошо зарабатывает на перевалке контрабанды.

Через некоторое время произошло чрезвычайное происшествие. Пограничники, сидевшие в засаде, выпустили красную ракету, означавшую крайний уровень опасности.

– Застава, в ружье! – скомандовал Берзинь. – Коля, бери бойца и направляйся на перехват! Я иду с заставой по пятам нарушителей.

Николай с пограничником шли короткими тропами. Они сумели километра за три обойти пост. Раздались треск ломаемых веток и выстрелы. Пограничники вели огонь из винтовок. Им отвечали сразу из двух маузеров. Еще невидимый человек бежал по тропе, проложенной кабанами и косулями. Затем на Лебедева и бойца выскочил высокий мужчина в плаще-пыльнике. Он кого выцеливал за кустами.

– Руки вверх! Бросай оружие! – приказал Николай.

Мужчина резко развернулся, вскинул маузер. Коля лишь успел присесть. С противным свистом пуля сбила фуражку с его головы. Лебедев ответил из нагана. Его пуля вошла точно в сердце нарушителя. Было видно по глазам, что враг уже мертв. Однако тот дрожащими руками пытался поймать пограничников стволами маузеров. Боец, словно сумасшедший, принялся палить. Одна, вторая, третья пуля вспарывали пыльник, оставляя на нем кровавые пятна.

– Патроны кончились! – растерянно выдохнул боец.

Враг нетвердыми шагами все шел к служивым. Коля прицелился и всадил ему пулю в лоб. Нарушитель рухнул навзничь, выронив оружие. Следом из кустов выскочил Берзинь.

– Вот, гад! Четырех наших убил! – вскрикнул он, выстрелив в труп.

Убитого отвезли на заставу. Раздели. Он был во всем советском. Лишь ботинки на красной подошве с надписью NORGE (Норвегия – авт.) на пятке были такими же, что отбирали у контрабандистов.

– Сгоняй, Коля, на другой конец участка! Не исключено, что кабан, которого мы заваляли, был подставкой!

На стыке участков двух застав Николай обнаружил следы нарушения границы. Шли след в след. Лишь в одном месте кто-то из нарушителей оступился и оставил отпечаток подошвы с надписью NORGE.

Берзинь поскакал на станцию давать шифровки в Сестрорецк и Питер о нарушении границы группой лиц. Описал он и ботинки лазутчиков. Однако было поздно. Как выяснилось четверо белых офицеров добрались до Петрограда и произвели взрыв в Доме политического просвещения. Итог – пятьсот убитых: пропагандистов, агитаторов, руководителей первичных партийных организаций. Бомба готовилась для председателя Петроградского обкома партии

Зиновьева. Но тот поленился ехать на встречу с партактивом и послал кого-то из небольших начальников.

Вся Петроградская ЧК была поднята на ноги. По ботинкам отыскивали и застрелили на набережной Фонтанки двух террористов. Согласно агентурным сведениям, двое других возвращались на станцию, откуда уехали в Питер. Остатки заставы подняли в ружье и отправили на железную дорогу. На вопрос Берзиня: «Кто будет охранять границу?» ответили:

– Старшина покараулит! Если обосрался – делай, что тебе говорят! С тобой, как беляков возьмем, отдельный разговор будет!

Пограничников Берзиня расположили за станционным павильоном. Прибыл поезд: паровоз и три вагона. У входа в павильон выстроились чекисты и пограничники, прибывшие из Сестрорецка.

– Граждане! Приготовьте пропуска на въезд в пограничную зону! – бубнил немолодой очкастый чекист в кожаной куртке.

Немногочисленные приезжие доставали бумажки, протягивали их патрульным. В конце очереди оказались два молодых осанистых мужчины. Они беспокойно заозирались по сторонам. Верно, не ждали проверки документов.

– Вот, мой пропуск, товарищ! – полез во внутренний карман молодой мужчина и, выдержав из него маузер, уложил очкастого чекиста.

Его спутник из маузера свалил стоявшего рядом сестрорецкого пограничника. Очередями мужчины выволокли из кустов и навсегда уложили нескольких красноармейцев. Убили и кого-то из пассажиров. В несколько прыжков террористы вскочили в деревянное здание вокзала. По нему сразу ударили три «максима», затрещали винтовочные выстрелы. Пули прошивали дощатое здание, срезали ветки над головами Берзиня и его бойцов, притаившихся за вокзалом. Нарушители отвечали очередями из маузеров, убив еще нескольких красноармейцев, неосмотрительно выглянувших из кустарника. Люди Берзиня, между тем совсем близко подползли к вокзалу.

– Товарищ командир, может, им гранату кинуть? – спросил Берзиня один из бойцов.

– Живыми брать велено, ответил тот.

– Уходим! – донеслось из здания.

Две фигуры возникли в окнах.

– Здорово! – сказал одной из них Николай и опрокинул выстрелом вглубь помещения.

Вторую фигуру опрокинули выстрелы других пограничников.

Потом настала тишина. Было лишь слышно, как переговариваются террористы.

– Меня, Алёша, в плечо зацепило...

– А меня, Серж, в живот. У меня один патрон остался...

– У меня тоже один...

– Тогда, на раз, два, три!

Два выстрела слились в один. Берзинь с командой ворвались в здание и наткнулись на два трупа с простреленными головами. Потом убитых опознавали чекисты, сличая с фотографиями еще с Германской войны.

– Этот – граф Остен-Сакен. А этот – князь Шихмтаов-Ширинский. У обоих руки по локоть в рабоче-крестьянской крови. Грузите их на дрезину! В Питер повезем. А ты, начальник заставы, готовься к большой проверке! – обернулся старший из чекистов к Берзиню. – До запятой спросим, как выполнялись Устав караульной службы и другие уставы.

Спросили до запятой. Признали действия пограничников правильными, полностью соответствующих требованиям уставов.

– Хорошо, что Зиновьев под взрыв не попал. Тогда бы нас, Коля, расстреляли бы без суда, – покачал головой вслед отъезжавшей комиссии Берзинь. – Хоть удалось вразумить, что

с такими силами госграницу не удержать. Обещали доложить наверх об увеличении численности погранзастав.

– Одной численностью вопрос не решить, – заметил Лебедев. – Сколько времени мы потеряли, пока добрались до телеграфа?

– Говорил и это. Спросили: «Может быть, тебе на заставу телефон провести, как ответственному работнику?» Думаю, со временем и телефоны будут, и даже радиосвязь. Пока от разрухи многое не можем себе позволить. Кстати, просил тебя отметить, Коля. Если бы не ты – ушли бы беляки за кордон безнаказанными. Опять спросили: «Может быть, его ко второму ордену представить?»

К ордену не представили, зато дали второй «кубик» в петлицу. Прислали пополнение. Вновь потекла относительно спокойная служба, сводившаяся к вылавливанию из болот контрабандистов. Стреляли лишь когда валили медведей и кабанов, били глухарей, тетеревов, рябчиков, уток, чтобы разнообразить рацион заставы. Отпусков начальству не давали.

– Вы здесь, как на курорте живете, – ответили как-то Берзиню, захотевшему подправить здоровье в санатории. – Госграницу кто будет охранять? Пушкин?

Колю грели письма из дома, особенно от Леночки. Она писала каждую неделю, рассказывая о своих небольших радостях, о том, что любит и ждет. Берзиню писать было некому. Все его близкие остались по другую сторону границы – в Латвии.

Грянул двадцать четвертый год и с ним смерть Ленина. Не бравший в рот ни капли спиртного Берзинь опрокинул кружку водки, утерев глаза рукавом, вздохнул:

– Как без Ильича жить будем? Он всему человечеству словно ясное солнце был...

– Думаю, народ еще крепче сплотится вокруг нашей большевистской партии, – проглотил комок в горле Николай, у которого глаза тоже были «на мокром месте».

Контрразведка

Подошел двадцать пятый год. На заставе уже была рация. По ней сообщили о присвоении Берзиню и Лебедеву очередных званий.

– Готовься принять заставу, Коля. В таком случае, как наш, командира забирают на новое место службы, – подытожил Берзинь.

Однако начальник ошибся. С заставы забрали Николая. Да не куда-нибудь, а в Москву. В недавно созданное на месте ВЧК Главное политическое управление. Радости родни не было предела. Больше всех была рада Леночка, терпеливо ждавшая любимого все эти годы.

– Теперь надо бы наши отношения официально зарегистрировать, – потянулся в постели Лебедев.

– Конечно же, Коленька! – прильнула к нему любимая.

Свадьбу сыграли тихо – своей семьей. Александр Федорович было потянулся к иконе, чтобы благословить молодых.

– Не надо! – в один голос сказали те.

Лебедев-старший ничего не ответил, лишь сокрушенно покачал головой.

Следующим утром Николай зашел к кадровикам, доложил, что теперь женатый человек.

– Где будешь жить? – спросили его.

– У жены...

– Иди в хозяйственный отдел, получи ордер! Мы в доме на Остоженке сейчас «уплотняем» бывших генералов и офицеров Генерального штаба. Есть большая комната в хорошей квартире. Туда и заселишься с супругой.

После был переезд. Много вещей у Леночки не было – лишь обстановка комнаты, где она жила, да носильное с книгами. Остальное еще в годы Гражданской войны разделили между собой въехавшие в особняк Князевых пролетарии. У Лебедева кроме чемодана с обмундированием и несколькими книжками ничего не было.

Не успели обжиться на новом месте, как грянула беда. Внезапно стало плохо Александру Федоровичу. Его отвезли в больницу, где врачи обнаружили запущенный, уже неоперабельный рак желудка – последствие ножевого ранения, полученного в семнадцатом году. Лебедев-старший велел вернуть его домой. Там и отошел в мир иной.

Николая определили в контрразведку. Дел оказалось много. Страна разделилась на два лагеря. Были рабочие, которым Советская власть дала восьмичасовой рабочий, оплачиваемые отпуска, комнаты в благоустроенных домах, где «уплотнили» прежних владельцев. Дети пролетариев и рабочая молодежь получила доступ к бесплатному образованию. Крестьяне получили возделанную помещичью землю, возможность торговать своей продукцией. Начали достойно платить интеллигенции. Но была и другая Россия. В-первую очередь, миллион людей, потерявших Родину, мечтавших вернуться домой победителями. Внутри страны оставались бывшие помещики и предприниматели, уцелевшие в годы Гражданской войны. У них тоже была своя Россия, совсем другая, нежели у рабочих. О своей России мечтал новый класс капиталистов-нэпманов. Они не нуждались в монархии, но не нуждались и в диктатуре пролетариата с его ограничениями частной инициативы. Заново сформировался еще один отряд буржуазии – сельские богатеи-кулаки. Те тоже не жаловали Советскую власть, не дававшую торговать «по вольным ценам», все время увеличивавшую продовольственный налог. Временами вспыхивали кулацкие восстания. Создавались подпольные антибольшевистские организации, занимавшиеся вредительством, налаживавшими связи с белым зарубежьем. С их помощью окопавшиеся в дипломатических миссиях западные разведчики собирали информацию о Красной Армии, промышленности. Поэтому вопрос: «Кто кого?» стоял не менее остро, чем в эпоху Гражданской войны.

В столицу нагнали чекистов из провинции и пограничников, потому что московские уже примелькались. «Контрики» их быстро вычисляли. Проявляли осторожность и «дипломаты», встречая «старых знакомых». Один только полковник польской разведки пан Ожельский чего стоил! Каждый вечер направлялся он на прогулку. Шел два километра. По пути заходил во все туалеты, а их было шесть. Однако, как выяснилось позже, оставлял он записки с инструкциями подпольщикам совсем в других местах. Контрразведчики тем временем безуспешно заглядывали в сливные бачки, перерывали мусор в урнах, простукивали стены в поисках тайников.

Однажды Лебедев предложил проследить за Ожельским после захода того в туалеты. Получив разрешение, он отправился за полковником. Тот резко оборачивался, останавливался у витрин магазинов, чтобы проследить в отражение их витрин: нет ли за ним слежки. На Тверском бульваре пан свернул в боковую аллею. Поставил ногу на лавочку, делая вид, что завязывает шнурок на ботинке. Затем быстро покинул бульвар. Коля присел на соседнюю лавочку, развернул газету. Довольно быстро на покинутую паном скамейку опустился рыхлый молодой человек в щегольском костюме. Он курил папиросу, скользя свободной рукой под сиденьем. Что-то вытащив из планок, молодой человек опустил находку в карман пиджака, не спеша поднялся. Николай в пару прыжков оказался рядом.

– Минутку, гражданин! – остановил он парня.

– В чем дело?

– Ваши документы!

– А ты кто такой? – отпихнул его парень, засовывая руку в нагрудный карман пиджака.

Николай перехватил руку противника, однако получил от него удар левой рукой в бок. Крякнув от боли, Коля вывернул руку парня, из которой выпал наган. Вывившего от боли соперника Николай швырнул через голову. Затем ударом кулака по затылку он уложил парня на красноватый песок. Лебедев защелкнул наручники и обыскал потерпевшего. Вытащил из бокового кармана пиджака поверженного маленькую капсулу. Не дожидаясь коллег, отвез парня с помощью милиционеров на Лубянку. Ну а Ожельского без объяснения причин через несколько дней выслали из СССР. Коля же получил звание лейтенанта госбезопасности и шпалу в петлицу.

В начале двадцать шестого года из Шанхая привезли коменданта советского консульства Леонида Арсеньевича Лебедева, догравшего от скоротечной чахотки.

– Ты, Коля, подальше от меня держись, – сказал он пришедшему навестить брату. – Заразили суки! Плюнули в пищу. Я этого гадёныша своими руками в реке Хуан-пу утопил, но поздно! Возьми пару моих костюмов. У лучших шанхайских портных шил. Ни разу не надел! Тебе подойдут. Ну а меня похоронить в кожаной куртке, в той, что всю Гражданскую носил! И орден Красного Знамени на грудь! Маузер мой возьми! На себя перерегистрируй!

Леонида похоронили весной на Новодевичьем кладбище, обрядив в черную, «комиссарскую» куртку. Правда, изготовленный из серебра орден забрали в казну, оставив вдове лишь удостоверение.

В сентябре того же года Леночка родила очаровательного сыночка Ваденьку. Николаю было не до ребенка. Он выслеживал, ловил, доставлял в следственный изолятор. Лишь в нечастые выходные любовался сыном, мечтая, чтобы Ваденька скорее подрос. Сколько интересного мог бы рассказать тогда отец! И читать, и писать, и считать бы научил. И в музеи-театры водил. Но – главное – дал бы сыночку отменную физическую подготовку. Чтобы рос достойным гражданином: сильным, умным, культурным, стойким в грядущих боях за счастье человечества. Мальчик рос крепким. Сначала гукал, потом стал говорить отдельные слова, а там – складывать их в предложения.

Беда подкралась незаметно. В двадцать девятом году началось массовое создание колхозов. Представители города и сельской бедноты загоняли в них крестьян. Послали и Леночку. Сани, в которых она переезжала реку, провалились под лед. Леночке и вознице удалось выплыть,

вытащить лошаденку. Однако, как не старалась Леночка согреться, простудилась. Лечиться было некогда и нечем. Простуда перешла в воспаление легких. Уже будучи тяжело больной, Леночка выступала перед крестьянами, убеждала в преимуществах колхозной жизни, столь же страстно, как говорила, поднимая бойцов в атаки в далекие годы Гражданской войны. Колхозы были созданы, но в Москву Леночка вернулась больной туберкулезом. Полгода врачи пытались спасти ее, но оказались бессильны. Николай сидел у изголовья больничной кровати, глади жену по волосам.

– Береги Ваденьку, Коленька! – еле слышно шептала Леночка. – Он – память обо мне! Анфий Павловне будет тяжело – у нее Катя с Костей на руках. Поэтому тебе лучше жениться. Только смотри, чтобы новая жена стала для Ваденьки доброй матерью!

Леночка закашлялась, потом вздохнула и умерла.

Ее кремировали на Донском кладбище. Так, решило руководство Народного комиссариата просвещения. Николай стоял у гроба. Он смотрел на искаженное смертью лицо любимой. Ему все не верилось, что Леночки уже нет. Думалось, что утопает в цветах какой-то другой человек, а Леночка уехала куда-то не очень надолго...

– Примите мои искренние соболезнования! – подошла к Коле Надежда Константиновна Крупская. – У нас с Владимиром Ильичом своих деток не было. Леночка нам дочкой стала. Уж, очень она любила вас, Николай! Все: Коленька, да Коленька...

На гражданской панихиде Крупская стала другой. Она говорила о партийном долге, о преданности делу коммунизма, что на смену Леночке придут новые борцы за светлое будущее. Тоже говорили другие начальники из Наркомпроса, редакторы газет «Известия», «Труд», «Гудок», куда Леночка писала статьи о воспитании подрастающего поколения. Все говорили о Лебедевой как о герое, но никто не сказал о ней, как о человеке: любившим, любимом, преданном. Потом гроб закрыли крышкой, и он уплыл вниз, в подвал, где его ждала печь с всепоглощающим пламенем.

– Товарищ Лебедев, распишитесь, пожалуйста! – протянули Коле какую-то бумагу и карандаш. – Наркомпрос взял все расходы на себя. Вы можете спуститься вниз и лично контролировать процесс кремации.

Николай подписал бумажку, смахнул слезу, глянул на место, где только что лежала его Леночка. Там уже стоял гроб с другим человеком.

Охранник Сталина

Через несколько дней в жизни Коли произошли изменения.

– Товарищ Сталин и другие члены Политбюро ходят пешком из Кремля на работу, на Старую площадь. Охраны у них никакой. Лишь впереди идет заведующий секретариатом. По оперативной информации с целью покушения на товарища Сталина в Москву прибыли четыре белогвардейских офицера. Возьмешь пятерку наших. Будете сопровождать членов Политбюро на работу и с работы. Ходить будете в штатском и не светитесь! Товарищ Сталин этого не любит! – дал команду Коле начальник.

Началось «топтанье» вокруг Сталина и «соратников». Вскоре на группу членов Политбюро из-за угла выскочил молодой мужчина. Столкнувшись «нос к носу» с вождем, он растерялся, засуетился, полез в нагрудный карман пальто. Коля оттеснил его к стене дома, перехватил руку, надавив на болевые точки, выудил из кармана мужчины наган. Подоспела еще пара чекистов, заломила незнакомцу руки, вытащила из кармана гранату-«лимонку», из заднего кармана брюк браунинг, из-за голенища сапога кинжал. Николай почувствовал упершийся в его спину взгляд. Оглянулся. Сталин одобрительно кивнул ему и пошел дальше, словно ничего не случилось.

Ближе к вечеру Лебедева вызвал начальник.

– Молодец, Николай! Лихо матерого врага взял! Допросили его как следует. Всех остальных выдал. Адреса, явки, пароли. Не тот беляк пошел, что в Гражданскую! Тогда, чтобы «расколоть», неделями возились. Сейчас они привыкли к хорошей жизни в своих Парижах с Берлинами. вконец разложились. Ну а тебе вторая «шпала» в петлицу! К сожалению, нам придется расстаться. Товарищ Сталин принял решение о создании Управления по охране членов Политбюро ЦК ВКП (б). Будешь заместителем начальника этого управления и начальником отделения по охране товарища Сталина. Это – тоже его решение.

В тот же вечер руководство управления представили Сталину. Иосиф Виссарионович поморщился, протягивая руку Коле. Позже выяснилось, низенький вождь не любит вокруг него людей высокого роста. Однако дав волю чувствам на несколько секунд, Сталин обратился к присутствующим:

– Сегодня, товарищи, Лебедев показал преданность партии и народу. Показал готовность грудью заслонить руководителя страны. С девятнадцати лет Лебедев – член большевистской партии. К слову сказать, я позже него в партию вступил. Он – активный участник Гражданской войны, кавалер ордена Красного Знамени. Товарищ Лебедев, подберите себе штат. Имеете право взять любого сотрудника органов. Непосредственным командиром моей охраны будет товарищ Власик. Вместе с ним займитесь укомплектованием штата. Надеюсь, сработаетесь. А не сработаетесь – обоих исключим из партии и выгоним из органов. Паукера, Лебедева, Власика попрошу остаться. Остальные свободны! У меня к вам несколько заданий, – сказал вождь, – когда руководители подразделений вновь созданного управления покинули кабинет. – Первое, надо найти хорошего цирюльника. У меня лицо изъедено оспой. Не могу как следует побриться. Хожу, словно бандит.

– Это, товарищ Сталин, – не проблема. Я – дипломированный парикмахер. Начинать еще до Империалистической войны. Даже в самом Будапеште поработал, князей с графами брил... – вытянулся в струнку начальник управления Паукер.

– Садитесь, товарищ Паукер! В ногах правды нет! Второе, сейчас я делю с женой и детьми дачу в Зубалово. Это неудобно. Нужна ближняя дача к Москве, где я мог бы не только отдыхать, но и работать. Принимать членов Политбюро, проводить с ними совещания. Кроме того, нужна дальняя дача для конфиденциальных встреч. Наконец, нужна дача на юге. Мне врачи рекомендовали морской воздух и мацестинские ванны.

– Сочи! – вырвалось у Николая, вспомнившего, как еще до революции туда ездил лечиться отец Леночки.

– Сочи – так Сочи! Но как туда доехать? Надо дать задание, чтобы изготовили несколько бронированных вагонов и специальный паровоз. Мне нужен салон-вагон с купе для сна, большим кабинетом для работы и столом для совещаний. Нужен вагон-ресторан, вагоны для охраны и obsługi. Дайте такое задание Коломенскому заводу! Срок исполнения – полгода. Третье, после сегодняшнего неудавшегося покушения враги не остановятся. Ходить пешком прекращаем. К тем авто, что закреплены за каждым членом Политбюро, надо заказать за границей бронированные машины. Цели поставлены, задачи ясны, за работу, товарищи!

Быстро нашли поместье в Кунцево. Затем дом с парком в Рублёво. Мебель осталась еще от дореволюционных владельцев. Провели в парки электричество, установили фонари на дорожках. Вождь приказал заменить их короткими, освещавшими только ноги и скрывавшими во тьме фигуры и лица гуляющих.

– Молодец, Лебедев! – похвалил Иосиф Виссарионович, которого с подачи Власика окружение дружно стало называть Хозяином. – Теперь поезжай в Сочи! А то мне через полгода в отпуск идти. Подбери там что-нибудь! Обустрой!

Николай поехал в приморский город. Нашел имение миллионера, бежавшего в двадцатом году с белыми. Дом отремонтировали, обставили, поскольку мебель растащили еще в Гражданскую, очистили заросший парк. Над отрезавшей выход к морю железной дорогой возвели мост. Подобрал Лебедев штат охраны и obsługi из проверенных, прошедших Гражданскую войну людей.

– Эти знают особенности местной природы, а вот на подмосковные дачи надо брать латышей. Берзиня, с его подачи других, – решил Лебедев. – Он многому сможет научить.

В день отъезда приехал председатель Совета Народных комиссаров Абхазии Нестор Лакоба. Его помощники забили половину двуспального купе международного вагона, в котором возвращался в Москву Николай, ящиками с хурмой, мандаринами, апельсинами, лимонами, виноградом.

– От трудящихся Абхазии товарищу Сталину. Он, наверно, уже вкус их забыл в Москве.

– Откуда вы узнали о моем отъезде? – спросил Коля.

– Плохим я бы был председателем правительства, если бы не знал: кто в соседней республике бывает и с какой целью. Вообще-то я обижен: в Абхазии такие места! Пицунда, озеро Рица, Сухуми! Зачем товарищ Сталин у нас отдыхать не хочет?

– Это – его решение, Нестор Аполлонович...

– Ничего, подберем ему достойное место! Ждать будем!

В Кремле Сталин долго тянул носом, вдыхая ароматы фруктов. Даже проглотил слюну.

– Скушай, Лебедев, хурму! – предложил он Николаю.

Тот съел приятно вяжущий рот плод.

– Теперь мандаринчиков отведай!

– Прекрасные мандарины, товарищ Сталин, – прожевал Лебедев пару крупных, оранжево-красных мандаринов.

– Апельсин попробуй!

– И апельсины отменные, товарищ Сталин.

– А как тебе виноград?

– Выше всяческих похвал!

Вождь внимательно посмотрел на Лебедева и принялся за фрукты. Николай же понял, что Хозяин использовал его, дабы определить: не отравлены ли подношения Лакобы.

– Как идет укомплектование штата сочинского объекта? – спросил Иосиф Виссарионович, полакомившись.

– Объект укомплектован кадрами, товарищ Сталин!

– Хорошо! А вот объекты в Кунцево и Рублёво пока не укомплектованы охраной. Что-то Паукер с Власиком закопались.

– Может быть, это к лучшему. Есть человек, который наладит охрану лесопарковой зоны объектов. Я у него службу на границе начинал. Отменный специалист.

– Вызывай в Москву. В звании повысим, всем, чем положено обеспечим. Сейчас поезжай домой, поспи с дороги! Ночью понадобится. Политбюро приняло решение о сносе Чудова и Вознесенского монастырей. Не место этим культовым сооружениям в Кремле. Поприсутствуешь при ликвидации монастырей со своими подчиненными. Еще сотрудники экономического отдела ОГПУ там будут. Иди, Лебедев. Отдыхай!

В ночь с 17 на 18 декабря 1929 года взрывали древние кремлевские святыни. Не поддавались динамиту здания, возведенные русскими мастерами. Все сильнее приходилось наращивать заряды. Наконец пошло. Разлетелась часть стены под натиском взрывчатки. Из нее вылетел ларец. Николай быстро оказался около него. Послышались торопливые шаги и незнакомые голоса:

– Сундучок в распыл пустим! Наверняка там золотишко.

– Припрятать надо для начала, чтобы краснопёрые не отняли.

Коля поставил ногу на ларец, направил фонарик в сторону говоривших. Высветил троицу работяг. Те даже присели от неожиданности.

– Быстро на рабочие места! – приказал им Лебедев, положив руку на кобуру.

– Может, договоримся, начальник? – спросили работяги, прикрывая лица рукавами.

– Я сказал: «Шагом марш на рабочие места!», – вытащил наган чекист.

Дождавшись, когда мародеры скроются, с трудом поднял ларец. Сгибаясь под тяжестью, отнес сотрудникам Экономического отдела. Те вскрыли замок и ахнули. Ларец был полон золотых монет. Следом прибежал бригадир рабочих. Притащил золотую чашу. Его поблагодарили, посулили премию. Дальше с каждым взрывом из стен вылетали то икона в драгоценном окладе, то Евангелие в серебряном переплете, то расшитая самоцветами и жемчугом митра, то золотые и серебряные чаши, напрестольные кресты, спрятанные в тайники в лихолетья. Во время подрыва храма Чуда Архистратига Михаила из стены из стены вылетела расшитая золотом риза. Работяги подбежали к ней чуть быстрее чекистов. Николай увидел, что из спины ризы был вырван крест. Заметил он и спешившего к выходу из Кремля рабочего. Припустил за ним, догнал.

– Давай крест! – протянул Коля руку.

– Какой такой крест? Да пошел ты! – попытался отпихнуть его работяга.

Лебедев сбил его на землю ударом по зубам, крутанул руку, обыскал. Вытащил из кармана бриллиантовый крест, оправленный рубинами и жемчугом.

– Дурак! Тебя на выходе бы обыскали. Крепко бы присел! Пошел вон отсюда! Еще раз в Кремле увижу – посажу! – брезгливо пнул ногой Коля воришку.

Отнес отобранное сотрудникам Экономического отдела.

– Этой вещице цены нет! Хоть сейчас в Оружейную палату! – поцокал языком эксперт и, укладывая крест в ящик, добавил. – Хотя видно будет: куда эту цацку: в музей или за рубеж на аукцион. На индустриализацию народного хозяйства средства нужны, а на этот крестик не один станок можно купить.

Ближе к полудню тщательно перерыли обломки, вывезли грузовиками. Словно и не было бесценных памятников русского зодчества. Правда, в Чудовом монастыре снесли только главный храм. На остальные строения не хватило динамита. Запыленный Николай зашел доложить Сталину. Того, только что вставшего, брил Паукер.

– Наслышан, как лихо ты боролся за народное достояние, – усмехнулся тот. – Да и при создании объектов в Кунцево, Рублёво, Сочи отличился. Товарищ Паукер, готовь документы на присвоение Лебедеву звания капитана государственной безопасности!

Так, Коля получил третью «шпалу» в петлицу. Ему выделили небольшие кабинеты на «местах работы»: в Кремле, на Лубянке, в Кунцево и Рублёво, а позже и в Сочи. Особенно нравилось ему в Кремле. Хозяин перестал ездить в здание ЦК партии на Старой площади. Теперь его главной резиденцией стал Кремль. Проводив Сталина из квартиры в кабинет, Лебедев мог бродить по Большому кремлевскому дворцу, наслаждаясь великолепием его залов и богато убранных покоев, видевших на своем веку не только царей, но и выдающихся людей Государства Российского. Видел он жизнь и быт вождей, проживавших в Кремле. Поначалу все жили скромно. У всех, включая Сталина, в кремлевских квартирах обстановка была собранная «с миру по нитке». Правда, на дачах мебель была богатая, как правило, доставшаяся от бывших владельцев. В загородных резиденциях Хозяина были хрусталь, кузнецовский фарфор, столовое серебро, коими Иосиф Виссарионович с удовольствием пользовался. Даже как-то попенял руководителям правительства:

– Кто такой был Кузнецов? Купчишка! А какую посуду делали его предприятия! Сейчас эти заводы увлеклись агитационным фарфором. Конечно, трудящимся нужны статуэтки революционных матросов, работниц, красноармейцев. Но трудящимся также нужна красивая посуда, из которой приятно есть.

После этого изготовление агитационного фарфора пошло на убыль. Зато возродились старые традиции создания столовой посуды чайных сервизов. Правда, стоили отнюдь не дешево и были по карману лишь начальникам, творческой элите, профессуре, военным в высших званиях. Остальные довольствовались фаянсовыми тарелками, жестяными кружками, гранеными стаканами, алюминиевыми ложками, прочим ширпотребом.

Одевался вождь, казалось бы, просто. Серая шинель, защитного цвета фуражка, весной-осенью плащ военного образца, френч и галифе цвета хаки, реже – серого или коричневого, летом – белые. Шили их, однако из самых дорогих материалов. Все это быстро стало амуницией партийных чиновников от мала до велика, хозяйственных руководителей и даже технической интеллигенции. Сапоги Иосифу Виссарионовичу тачали из мягчайшей козлиной кожи. Как-то Паукер посетовал, что Хозяин комплексует из-за своего малого роста. Николай вспомнил, как отец делал обувь со скрытыми в подошвах каблуками для господ и дам, желавших казаться выше. Отыскивали стариков-работников из мастерских Александра Федоровича. Те сшили несколько пробных пар. Вождю понравилось.

Поначалу Сталин питался скромно. К столу подавалось, что имелось в спецраспределителях и столовой ЦК партии. Позже вождю, перебравшемуся в кремлевский кабинет, стали приносить на рабочее место обеды и ужины. Там уже появились бутерброды с колбасой и сыром, осетриной и икрой. На обед подавали горячие блюда, которые готовили в столовой для работников администрации, посетителей, охраны. На дачах было несколько иначе. Готовили несколько изысканных блюд. Что оставалось от вождя – доедала обслуга и охрана. Когда же вождь приезжал с гостями – членами Политбюро, накрывали большой стол. Делалось несколько перемен блюд: закусок, первого, горячего второго. Поначалу Хозяин и остальные пили водку. Особенно любил Иосиф Виссарионович грузинский виноградный самогон – чачу. С годами перешел на коньяк, грузинские вина «Хванчкара», «Цинандали», «Гурджани». Лет до пятидесяти пяти пил крепко. Особенно выезжая на дачу в Сочи. Туда съезжались руководители Грузии и Абхазской Советской Автономной Республики. В их окружении вождь позволял себе расслабиться. Вот и в тот раз явились Берия с Лакобой. Отношения у них были натянутые. Лакоба требовал увеличения вложений в руководимую им республику. Говорил, что в Сухуми, Гудауте, Гаграх и других местах надо строить санатории, дома отдыха, гостиницы. Тогда Абхазия сможет зарабатывать не только на мандаринах и сторицей возвращать вложенное в бюджет страны. Берия считал, что в Грузии, в том числе и Абхазии надо развивать промышленность, и денег на курортное строительство давал мало. Напряженные деловые отношения переросли в личную неприязнь. Поэтому к Сталину всегда старались приехать

вместе, чтобы не дать одному пожаловаться на другого. Вождю предложили поехать на Холодную Речку, на «грузинский пикник». Следующим утром кортеж машин направился к Холодной Речке. Берия с Лакобой во главе стаи грузинских и абхазских наркомов ждали Хозяина со свитой. Пока готовился шашлык из форели – главного деликатеса тех мест – Сталин пошел размяться по берегу. Внезапно он застыл, указывая в воду. В омутке под ним стояла двухметровая рыбина. Начальник охраны Власик выстрелил ей в голову из нагана – угодил точно в глаз. Прямо в одежде бросился в реку грузинский нарком земледелия и пока все поздравляли Сталина с удачной находкой, вытащил рыбину из воды. Николай видел, что грузин отцепил рыбу с крючка, но вида не подал.

– Примите и мои поздравления, товарищ Сталин! – вытянулся он.

– Не меня – Власика поздравлять надо! Налейте ему стакан чачи! – велел Хозяин и обернулся к Лаврентию. – У нас ведь пикник по-грузински?

– Так, учитель! Коньяка и русской водки не брали. Будет только чача и наше вино. И все-таки никто эту рыбу не видел! Сколько народа ходило, а никто не видел! А вы приехали – и увидели. Так, и в жизни, товарищ Сталин – тысячи людей не увидят то, что увидит один гениальный человек.

Приспел шашлык из форели. Сталин, Берия, Ворошилов и Молотов сели на холмике. Ниже расположились наркомы и прочие чины. Пара наркомов руководством прислуживала четверке.

– За Кобу! (партийный псевдоним Сталина – авт.) – поднимал стаканчик Молотов.

– За Кобу! – подхватывал Ворошилов.

– За Кобу! – тут же поднимал стаканчик Берия.

– За Кобу! – тут же подхватывали Молотов и Ворошилов.

А Коба сидел пьяненький и самодовольно поглядывал по сторонам.

– Молодец, Лаврентий! В хорошее место привез – красивое! – наконец молвил он.

– Коба, а почему бы тебе не построить здесь дачу? – спросил Молотов, которому самому в это время строили особняк в Никольском.

– Конечно, Коба! Непременно надо построить! – поддержал Ворошилов, которому тоже только что построили дачу.

– Я не царь, чтобы иметь столько резиденций.

– Вы – вождь и учитель нашего народа! Вы – продолжатель дела великого Ленина! Вам должны быть созданы все условия для работы и отдыха, – сладко улыбнулся Берия.

Через несколько лет в этом месте была воздвигнута дача для Сталина. Ну а на следующей день после посещения Холодной Речки компания отправилась морем в Пицунду. Подали некогда принадлежавшие царю катера, специально перевезенные из Крыма. Поначалу дождало. Поэтому расположились в каюте. Выпили немного коньяка.

– Иди, Лебедев, посмотри, как погода! Дождь кончится – скажешь, – отослал Николая Сталин.

Через полчаса ветер утих, дождь кончился, о чем Коля доложил вождю.

– Пойдемте, подышим свежим воздухом! – распорядился он. – Врачи говорят, что морской воздух полезен для здоровья.

Первым выскочил из каюты Лакоба. Он был расстроен, став объектом издевательств и насмешек. Следом вышли, посмеиваясь, Сталин, Ворошилов и Молотов. Задержался в каюте Берия. Он прожег папиросой дырку в новом картузике Лакобы, хитро подмигнув при этом Николаю, затем тоже вышел наружу. Выпив стакан коньяка, и закусив парой ложек черной икры вывалился на палубу и Лебедев. Когда прибыли в Пицунду, Лакоба заметил дырку в середине картуза. Бросив гневный взгляд на Берия, он швырнул головной убор в воду. Обслуга быстро развела костер и расстелила скатерти под корнями реликтовой сосны.

– Кто разрешил жечь костер в заповеднике?! – вывалился откуда-то старик-грузин.

– Кто такой? – икнул уже принявший Хозяин.

– Я – объездчик заповедника. Нельзя посторонним здесь находиться! Предъявите документы!

– Покажите документы – налейте ему стакан! – велел вождь.

– Все равно нельзя посторонним в заповеднике находиться! – упорствовал старик, осушив стакан.

– Налейте ему еще стакан! – распорядился Сталин.

– Костры жечь нельзя! Слушай, а где я тебя видел? – обратился старик к Кобе.

– В газете ты меня видел. Налейте ему еще стакан!

После третьего стакана старик обмяк, сел на песок и, привалившись спиной к сосне, захрапел. Двое дюжих молодцов из охраны оттащили его за дюну.

– Вот так решают вопросы люди, знающие диалектику, – улыбнулся Сталин.

Снова начался разгул. Продлившийся до глубокой ночи. Обрато возвращались на автомобилях, приехавших за компанией по берегу.

– Молодцы! Хорошее место нашли – красивое и спокойное, – похвалил вождь.

– Придется тебе, Нестор, раскошелиться – построить дачу, за которую не было бы стыдно нашему народу, – обнял Лакобу Берия.

Прошло немного времени, и от Берии посыпались жалобы, что Лакоба саботирует строительство дачи в Пицунде. Каждый приезд в Москву Лаврентия сопровождался жалобами на своеволие Лакобы, на невозможность работать с ним. Так, длилось до 1936 года. В декабре Нестор Аполлонович приехал в Тбилиси по служебным делам. Когда вопросы развития республики были решены, Берия пригласил противника поужинать у себя дома, помириться, забыть старые ссоры. После ужина Лакоба скоропостижно скончался. Его тело перевезли в Сухуми, где с почестями похоронили. Ну а Николая вызвал Сталин.

– Съезди, Лебедев, в Абхазию! Надо изъять все архивы покойного и привезти мне! Берия уже посылал своих ребят, но охрана Нестора Аполлоновича послала их куда-подальше. Говорят: «Передадим все лишь по личному указанию товарища Сталина». Вот, записка за моей подписью о передаче архивов. Возьмешь кого-нибудь из моей охраны и контрразведки.

Архивов оказалось немного – несколько папок. Их Лебедев передал Хозяину. Через пару дней Иосиф Виссарионович вызвал Николая.

– Ты документы читал? – спросил он.

– Никак нет, товарищ Сталин. У меня был приказ изъять бумаги и доставить вам. Однако о чтении документов вы указаний не давали.

– Есть интересные предложения о развитии республики. А вот здесь, – вождь потряс пакетом, который Коля нашел в потайном сейфе на дачи покойного. – Серьезные обвинения в адрес Лаврентия Берии. Лакоба пишет, что Берия был агентом царской охранки, меньшевистского правительства Грузии и полиции мусаватистского Азербайджана. Какие-то бумажки в подтверждение этого прилагаются... Что скажешь?

– Не исключаю, что кто-то целью компрометации товарища Берии подкинул эти документы Лакобе. А тот не разобрался, принял дезинформацию за «чистую монету».

– Вот и я думаю – дезинформация, – усмехнулся Сталин и запер бумаги в сейфе.

Но это случилось позже. Тогда же Лебедеву пришлось заниматься сложным хозяйством. Дача вождя в Сочи быстро превратилась в комплекс построек. Метрах в ста от главного особняка построили дом для охраны и прислуги. Чуть ниже по склону горы возвели строение для «студентов» – узкого круга партийной знати, приезжавшей «учиться у Сталина». Первоначально планировалось, что гости не будут надолго приезжать к Хозяину: врачи предписали ему покой и мацестинские ванны. Чтобы вождь мог вести относительно подвижный образ жизни построили кегельбан и бильярдную. Там долго по вечерам стучали шары и кегли. Сначала Сталин играл сам с собой. Потом начал приглашать Лебедева с Власиком. Те все время под-

давались. Вскоре вождю, возомнившему себя первоклассным игроком, захотелось общепризнанного успеха.

– Дай шифровку Климу, чтобы приехал на недельку и кого-нибудь с собой прихватил! А то мне даже в бильярд сыграть не с кем, – бросил вождь Николаю как-то после игры.

Получив шифровку, прикатили Ворошилов с Калинином. Без приглашения приехал Берия, навез с собой кучу местных наркомов. Пару дней шли бильярдные баталии. Разумеется, чемпионом всегда был Иосиф Виссарионович. Второе место занимал Берия, который выигрывал у Хозяина лишь каждую десятую партию.

– Да, что Клим, у вас в Луганске при царизме в трактирах бильярдных не было? – укоризненно спросил как-то Хозяин Ворошилова.

– Коба, до революции я больше по тюрьмам... – стушевался тот.

– А у вас в Твери, Калиныч, совсем не было бильярдных? – повернулся вождь к Калинину.

– Да я больше в бильярдных большевистские прокламации по карманам игроков рассовывал, – забегал глазками под очками Михаил Иванович.

– А я слышал, что у тебя в Москве и на даче бильярдные столы имеются.

– Это для детей. Сам я не балуюсь... – еще больше забегал глазками под очками Калинин, бывший отменным игроком.

– Мироныча из Питера надо вызывать, – вздохнул Сталин. – Тот – достойный соперник. Приехал из Ленинграда Киров. Он проигрывал Хозяину каждую третью партию.

– Вот человек, который не поддается, играет в полную силу! – похвалил вождь и добавил. – Старею я, Мироныч! Нужен хороший помощник, надежный, верный, которому я со временем мог бы передать руководство партией и страной.

– Спасибо за доверие, Коба! Но мне из Питера лет десять нельзя уезжать! Городскую промышленность мы от послевоенной разрухи восстановили. Теперь ее реконструировать надо. Оснащать новыми станками, налаживать современные технологии. Сам город благоустраивать надо. Новые кварталы строить надо, поскольку население растет. На нэпманов наступать надо. Переходить от ограничения к полной их ликвидации как класса. Чистить город от бывших дворян, буржуев, жандармов с полицейскими надо... Словом, никак нельзя мне уезжать из Питера, пока эти задачи не будут решены.

– Молодец, Мироныч, что общественные интересы ставишь выше личных! Не рвешься к власти! Но сам понимаешь, как партия решит!

В начале весны 1930 года работников ОГПУ послали проводить коллективизацию в Московскую область.

– Не рвутся подмосковные крестьяне в колхоз. Предпочитают «по вольным ценам» снабжать столицу мясом, молоком, парниковыми огурцами да помидорами. А область столичная! Она должна быть впереди по всем показателям, в том числе и по созданию колхозов. Словом, сотрудники госбезопасности должны подключиться к этой созидательной работе. Думаю, от моей охраны надо послать Лебедева. Пусть завершит дело жены! – приказал Сталин председателю ОГПУ Менжинскому.

Автомобилями добрались до Коломны. Оттуда, взяв сотрудников местного отдела госбезопасности, на санях покатали по деревням и селам. Руководитель группы – член коллегии ОГПУ Миронов решил показать остальным, как надо проводить коллективизацию. Согнали крестьян на сход. Поставили стол, накрытый красным кумачом. Миронов положил на него наган.

– Все собрались? – задал он вопрос председателю сельского совета.

– Так точно, все! – по-военному ответил бывший красноармеец.

– Тогда начнем! Товарищи, крестьяне! Объявляю запись в колхоз! Предупреждаю: отказавшихся вступить в колхоз данными мне полномочиями объявляю врагами Советской власти! Со всеми вытекающими отсюда последствиями: раскулачиванием, ссылкой или высылкой!

– Да у нас год назад всех, кого могли, раскулачили! – загалдели мужики.

– Вот и хорошо! Значит некому мутить воду – контрреволюционной агитацией заниматься! Не стесняйтесь, товарищи, записывайтесь! – указал на стол Миронов.

– Да нам подумать, покумекать надобно, – проворчал пожилой крестьянин.

– Ты, что под раскулачивание захотел угодить? Под высылку в Сибирь? – поддал в бок ему коломенский чекист.

Мужики закряхтели, выстроились в очередь к столу, где стопкой лежали отпечатанные в типографии заявления, в которые вносились фамилии, имена, отчества и подписи будущих колхозников. Работу закончили быстро.

– Каковы результаты? – спросил Миронов.

– Девяносто девять процентов! – доложили ему.

– Оставшийся процент к вечеру собрать и отправить в Коломну! – распорядился тот. – Высылать будем! А пока в городскую тюрьму! Разъезжаем по деревням, товарищи!

Лебедеву досталась затерянная в лесах и худосочных полях деревня Колодкино. Глянув на неказистые избы, он подумал, что нельзя говорить с мужиками, вкалывавшими от зари до зари с позиций силы. Решил, что надо убеждать, рассказывать о преимуществах колхозной жизни, коллективного труда, справедливого распределения доходов. На площадь перед сельсоветом стекался народ.

– Ох, подружка дорогая, давай запишемся в колхоз. Наденем беленькие кофточка, пойдем на сенокос, – разливалась придуманная в тиши редакционных кабинетов частушка.

Ей забористо отвечали с другого, более зажиточного конца деревни:

– Нас в колхоз загнать хотели водяные щи хлебать. Отрубите руки, ноги – нам в колхозе не бывать!

Николай довольно долго и убедительно говорил. После спросил: имеются ли вопросы?

– Правда ли, что все мы будем спать под одним одеялом? – выкрикнули из толпы.

– Это, какое же надо одеяло, чтобы всех жителей деревни – тысячу человек – накрыть? – ответил Лебедев вопросом на вопрос. – И какой дом нужен, чтобы всех вас туда поселить? Нет, товарищ, все будете жить в своих домах и укрываться своими одеялами.

– А я слышал, что в колхозе все бабы будут общими! – крикнул еще кто-то.

– Такого никогда не будет! Вот, тягловый скот будет объединен. У кого две коровы – одну надо сдать на колхозную ферму. Мелкий скот и птица остаются в личной собственности членов артели. Посевной материал, только посевной материал, надо сдать в колхоз. Остальное остается в личном распоряжении колхозников.

– Ну если не запишемся – в Сибирь сошлете?

– Никто никуда никого ссылать не будет. Поживете, сравните коллективный труд и индивидуальный – сами на следующий год в колхоз записываться побежите. Да еще в очереди придется постоять.

Большинство крестьян записались в колхоз. Немало оказалось и сказавших:

– Зачем мне колхоз? За моими огурчиками-помидорчиками нэпманы из Коломны сами приезжают. За мясом – тоже. Мне и на рынке стоять не надо. Нет, подожду записываться!

– Может, этих подкулачников на сани, да в Коломну? – спросил местный чекист.

– Не надо! Они преступлений против Советской власти не совершали. Будем сажать только за разговоры – подорвем доверие всех крестьян к колхозам, – ответил Николай Александрович.

К вечеру вернулись в город. Миронов довольно потирал руки:

– Кампания по проведению коллективизации в Коломенском районе завершена. Минимальное число вступивших в колхозы – девяносто процентов! Что у тебя, Лебедев.

– У меня – шестьдесят девять процентов...

– С тобой в Москве разговор особый будет. Доложишь на партактиве, как ты умудрился сорвать коллективизацию. Думаю, партбилет положишь и из органов вылетишь! За Лебедевым проследите, чтобы не сбежал! Утром возвращаемся в Москву.

Утром по радио передали статью Сталина «Головокружение от успехов». В ней говорилось о нарушении принципа добровольности при вовлечении крестьян в колхозы, о необоснованных репрессиях по отношению к отказавшимся записаться в сельхозартели. Требовалось распустить «бумажные» коллективные хозяйства, освободить незаконно арестованных крестьян. Понеслись на конях в Коломну растерянные местные начальники. Они докладывали о крестьянских сходах, распустивших колхозы. Остались только те, кто действительно добровольно вступил в колхозы. В результате вместо девяноста-девяноста девяти процентов осталось девять-десять процентов. Там, где Миронов показывал, мастер-класс остался лишь один процент.

– Да, поставили в каждой деревне радиорепродукторы на свою голову! – проворчал Миронов.

– Что с арестованными делать?

– Придется отпустить по домам!

В Москве Миронова, его заместителя и Лебедева вызвал Сталин.

– Вам, Миронов, доверили особо важное партийно-правительственное задание. Думали: у вас накоплен позитивный опыт по проведению коллективизации в Средней Азии во время вашей работы там. А вы что натворили? Вы подорвали доверие крестьян к колхозному строительству и Советской власти! Не надо бросать на Лебедева прокурорские взгляды! Сведения о ваших художествах я получил не от него. У меня есть и другие источники информации. Идите, пока, работайте! А Лебедев – молодец. У него как были шестьдесят девять процентов, так и остались! Он правильно понял слова Ильича: «Лучше меньше, да лучше».

– Что же делать с колхозами в Коломенском районе, товарищ Сталин? – вырвалось у Николая, когда за Мироновым закрылась дверь.

– Черт с ними! Не вступили мужики в тридцатом году – вступят в тридцать первом. Только работать надо умнее: без наганов на алом кумаче!

Летом 1930 года стало известно о готовившемся покушении на Сталина. Было установлено место, где просочившиеся через госграницу белые офицеры кинут бомбу в машину с вождем. Это была улица Герцена (ныне Большая Никитская – авт.), по которой Хозяин частенько ездил на дачу. Николай попросил вождя задержаться с выездом на полчаса, а еще лучше одолжить на время машину Иосифа Виссарионовича и пару авто охраны. Коба поморщился, но разрешил, добавил:

– Ты, Лебедев, эту кашу заварил – ты и расхлебывай! Подключись к контрразведчикам и своих возьми! Лучше бы сделать это, не отрывая меня от отдыха...

– Товарищ Сталин, мы не знаем в лицо террористов, поэтому хотим поймать их на живца. Известно только, что один из них при приближении кортежа будет утирать лицо платком, давая знак сообщнику, чтобы тот подготовил взрывное устройство к действию. Знаем и место покушения – угол улиц Герцена и Огарёва (ныне Газетный переулок – авт.).

– Почему докладываешь об этом ты, а не Паукер?

– Товарищ Паукер вызван на доклад к председателю ОГПУ, – соврал Николай, коего начальник упросил доложить о покушении и попросить машины вместо него.

– Значит, Лебедев, кто-то из наших выдает врагу время и места моих передвижений?

– Думаю, они сами установили наблюдение и на основании его выбрали место для террористического акта.

– Ладно, действуй!

Угол Герцена и Огарёва наводнили переодетые в штатское чекисты. Они быстро выделили «болтавшегося без дела» крупного черноусого мужчину со связкой книг в руке. Второй, в белом летнем картузе прогуливался ближе к въезду на Герцена. Появился кортеж правительственных машин. Человек в картузе достал платок и принялся утирать лицо. Черноусый закопался в связке. Николай оказался рядом, крутанул руку террориста. Другой рукой подхватил книги. Вовремя успел прикрыться плечом диверсант ударил его правой рукой, добавил коленом. Четверка контрразведчиков повисла на черноусом скрутила его. Краем глаза Лебедев увидел, что человека в белом картузе тоже скрутили и тащат за угол, где стояли машины ОГПУ.

– Ну, вот и все, господин хороший! – сказал Коля, выживая из-под рубахи черноусого наган. – В машину его!

Он прибыл на место даже на несколько минут раньше, нежели ждал Хозяин.

– Товарищ Сталин, враги задержаны и отправлены на Лубянку! – доложил Коля.

– Молодец, Николай! – впервые назвал его по имени Иосиф Виссарионович, кивнул «вернувшемуся с доклада» Паукеру. – Готовь представление о присвоении Лебедеву звания майора госбезопасности.

Так Николай Александрович получил «ромб» в петлицу – звание, равное генерал-майорскому в царской армии.

В 1931 году судьба нанесла Сталину жестокий удар. Застрелилась его жена Надежда Сергеевна Аллилуева. Это случилось в кремлевской квартире вождя. Николай не был свидетелем трагедии. 7 ноября, как всегда случалось в этот день, у Лебедева было много работы. Перед началом парада надлежало проверить трибуну мавзолея: не заложена ли там взрывчатка. Далее пробежаться вдоль кремлевской стены: под ней мог прятаться террорист или группа террористов. Лишь после этого доложить Паукеру, ждавшему у Спасских ворот. Тот докладывал Хозяину, что все спокойно. После чего члены Политбюро, военачальники, ждавшие по ту сторону ворот, направлялись к мавзолею, занимали места на трибуне. Во время парада и демонстрации трудящихся тоже приходилось быть начеку. Надлежало быть готовым к выстрелу из толпы, попытке бросить гранату. Кроме того, нельзя было спускать глаз с расположившихся на гостевых трибунах, представителей партийного актива, передовиков производства, иностранных дипломатов и особенно журналистов. После демонстрации вождей сопровождали в Георгиевский зал Большого кремлевского дворца, где были накрыты столы для праздничного банкета. После банкета руководство партии и страны провожали в их кремлевские квартиры, а Калинина в особняк рядом с Кремлем. Проверив посты у жилищ вождей, выпивали по рюмке коньяка и разъезжались по домам. 8 ноября, в нерабочий день, сопровождали Сталина на прогулке по Кремлю. Затем «соратники» собирались на квартире у кого-то из них и праздновали до позднего вечера, а то и до глубокой ночи.

В тот вечер собрались у Ворошилова. Николаю Сталин предоставил выходной.

– Отдыхай, Лебедев! – сказал он. – Сегодня Паукер с Власиком управятся. Завтра, чтобы с утра был в Кремле!

Вечер Коля провел в кругу семьи. Собрались как всегда на Пресне. Анфия Павловна напекла столь любимых детьми пирогов. Николай Александрович привез получаемые в качестве пайка икру, осетрину, сыры с ветчинами и колбасами, а также выпивку. Веселились, как всегда много пели, шутили, вспоминали былое. Утром 9 ноября Лебедев был в Кремле. Проверил пост у квартиры вождя.

– Нет движения, – сообщил командир поста. – Сам товарищ Сталин уехал вчера с Ворошиловым на дачу. Надежда Сергеевна осталась в квартире. Когда принимал смену, сказали, что она словно не в себе была... Говорят, у нее с товарищем Сталиным какое-то недоразумение вышло.

После полудня вернулись Иосиф Виссарионович и Климент Ефремович. Сталин открыл входную дверь.

– Надя, Надя! – позвал он.

Ответом было молчание. Дверь в спальню оказалась запертой.

– Я вызову слесаря! – предложил Лебедев.

– Не нужно слесаря! – остановил его Хозяин. – Сам дверь взломать сможешь?

Николай ударил ногой по двери. Лязгнул сбитый засов, скрипнули доски, дверь распахнулась. Положив руку на кобуру, Николай Александрович вошел в спальню. Следом – Сталин. Ворошилов заходить не стал. Пожелтевшая Надежда Сергеевна безжизненно лежала на кровати. На полу валялся маленький никелированный пистолет. На тумбочке была стопка испитых листков. «Тирания... предательство интересов рабочего класса...» – успел прочитать Лебедев.

– Вах, какое горе! – вскрикнул вождь и выбежал из спальни. – Клим, Лебедев! Смотрите, какое горе!

Николай сгреб написанное Аллилуевой, вышел вслед за Хозяином. Тот, закрыв лицо руками, сидел на диване и мелко трясся от плача. Климент Ефремович выудил из буфета бутылку чаи. Выпил стакан, налил полстакана вождю.

– Выпей, Коба! Легче будет! – протянул он стакан вождю.

Выпив, Сталин немного успокоился.

– Товарищ Сталин! Надежда Сергеевна оставила предсмертное письмо, – протянул листки Лебедев.

– Читал? – подозрительно глянул на него вождь.

– Никак нет, товарищ Сталин.

– Хорошо! – сунул листки в карман френча Иосиф Виссарионович. – Как Надя меня подвела! Что делать?

– Товарищ Сталин, я вызову Паукера и Власика. Свяжусь с Лечсанупром (Лечебно-санитарное управление, ведавшее медицинским обслуживанием высшего руководства партии и государства – авт.), чтобы Надежду Сергеевну отвезли в морг, – сказал Лебедев.

– Сам с ними съезди. Проконтролируй, чтобы не копались! Получи справку и свидетельство о смерти. Договорись, чтобы все написали, как положено. У товарища Сталина не может быть жены-самоубийцы! – велел Хозяин.

Николай Александрович вместе с медиками доставил тело в морг. Приехал нарком здравоохранения Владимирский. Ему Лебедев сказал о требовании Хозяина. Вскрытие произвели быстро, быстро оформили надлежащие документы.

– Здесь все написано, как хочет товарищ Сталин, – протянул Николаю пакет нарком. – Реально же, у Надежды Сергеевны некогда была тяжелая травма головы. Кости черепа срослись неправильно и оказывали давление на мозг, сопровождавшиеся, не боюсь этого слова, страшными головными болями. В таких ситуациях немало людей кончают с собой.

На похоронах жены Хозяин плакал. Однако Лебедев видел, как сквозь слезы вождь наблюдает за поведением присутствовавших, отмечает: кто приехал выразить соболезнования, а кто – нет. После похорон он назвал Николаю фамилии руководителей, не явившихся на гражданскую панихиду и на кладбище. Тот подтвердил, что тоже не видел этих людей. Через несколько лет всех их расстреляли.

Прошел год. Над могилой возвели беломраморный памятник, увенчанный головкой Надежды Сергеевны. Рядом поставили мраморную скамейку. Вождь часто приезжал на могилу. Тогда выехавшая вперед охрана выставляла посетителей с этого участка. Обегала близлежащие захоронения, выискивая: не спрятался ли за надгробием террорист. А там подъезжал Иосиф Виссарионович, садился на скамейку, закуривал папиросу «Герцеговина-Флор». Нико-

лай стоял на соседней дорожке. За надгробиями рассредоточивались охранники. Сталин, как правило, проводил на могиле жены час. Потом говорил:

– Ну вот и все, Надя! Пора ехать государственными делами заниматься.

В тот год Хозяин стал постепенно переходить на трубку. Как-то Власик сфотографировал его и других членов Политбюро во время пленума ЦК ВКП (б). Вождю фотографии не понравились.

– Уж больно у меня несерьезный, я бы даже сказал легкомысленный, вид с папиросой...

– Трубка, товарищ Сталин! Вам пойдет трубка! – вырвалось у профессионального фотографа Власика.

Привезли трубки нескольких фасонов. Иосиф Виссарионович остановился на кривой. Сфотографировался с ней в губах.

– Это фото можно использовать даже как официальное! – с удовлетворением констатировал вождь.

Позже портреты «человека с трубкой» огромными тиражами разошлись по всей стране. Партийные и прочие руководители быстро привыкли видеть Иосифа Виссарионовича, посасывающего трубку во время заседаний. Правда, не на людях Хозяин продолжал курить папиросы.

В мае 1934 года тихо умер председатель Объединенного государственного политического управления Менжинский. В июле того же года Политбюро приняло решение о создании Наркомата внутренних дел СССР, в состав которого вошло ОГПУ.

– В последние годы товарищ Менжинский больше болел, чем работал. Всю работу тащил на себе его заместитель товарищ Ягода. Предлагаю назначить его комиссаром внутренних дел в ранге генерального комиссара государственной безопасности, – сделал предложение, от которого нельзя было отказаться, Сталин. – А у вас, товарищ Ягода, какие будут предложения?

Присутствовавший на заседании Генрих Григорьевич (подлинное имя, отчество – Енох Гершенович – авт.) Ягода четко высказал свои соображения по структуре аппарата нового ведомства, количеству своих будущих заместителей, главных управлений, предполагаемой численности сотрудников. Добавил, что считает целесообразным передать в НКВД главные управления лагерей и тюрем.

– В общем и целом, правильно мыслите, товарищ Ягода. Разумеется, жизнь внесет коррективы в наши планы. Но, как говорил Наполеон: «Главное ввязаться в драку, а там видно будет». И еще: подумайте о новой форме и знаках различия для вверенного вам ведомства! Например, генеральный комиссар государственной безопасности – новое воинское звание. Вашим заместителям и начальникам главных управлений будут присваиваться звания: комиссар госбезопасности первого, второго и третьего рангов. Сотрудники органов должны отличаться от других цветом мундиров, нашивками на рукавах. На полевой форме также должна быть символика наркомата. Словом, действуйте!

Ягода любил атрибутику и слыл щеголем. Поэтому он быстро ввел новое обмундирование для сотрудников органов. Они получили коверкотовые сиреневые гимнастерки и галифе в цвет им. Особенно красивой была летняя форма: белая тужурка с василькового цвета петлицами, васильковые брюки, носившиеся навыпуск и васильковый галстук. Однажды вечером нарком вызвал Лебедева. Открыв шкаф, в котором висел мундир с маршальскими петлицами, он сказал:

– Привезли модель новой формы. Мы с вами одинакового роста и одинакового телосложения. Наденьте! Я хочу посмотреть, как это выглядит со стороны.

Переодевшись в наркомовской комнате отдыха, Николай вошел в кабинет. Несколько раз пришлось ему пройти от двери до окна. Ягода остался доволен. Будучи любимцем и любителем женщин, Генрих Николаевич придавал своему внешнему виду огромное значение. А в тот период у него завязывался роман женой Макса Пешкова – сына Максима Горького. Новая

форма была принята, а Николай Александрович хоть и недолго, пощеголял в маршальском мундире.

– Тоже мне, маршал! – прокомментировал Сталин новый наряд наркома. – Давно ли у своего родственничка Мойши Свердлова инструменты и рубли воровал? И это звание он себе присвоил! Кто давал ему маршальские звезды? Никто! Ну, ладно – пусть поносит! Калинычу надо сказать, чтобы оформил присвоение этого звания, как положено. А там посмотрим – не тяжелы ли звезды будут? Ты, я слышал, тоже этот мундир одевал?

– Одевал, товарищ Сталин, по указанию Ягоды, – ответил Николай.

– Понравился мундирчик?

– Так точно!

– Может быть, со временем и ты такой оденешь. А пока носи свой – разница у вас с Ягодой только в петлицах и нашивках.

Нарком оказывал Лебедеву и другие знаки внимания. Его приглашали на охоту и рыбалку, в поездки на Беломор-Балтийский канал и на строительство канала Москва-Волга. Хозяин отпускал Николая с наркомом, ворча при этом:

– Совсем Ягода распустился! Ты ему, видишь ли, нужнее, чем мне! Ладно, поезжай! Но присмотри за ним! А то наш нарком в лагерях всех контрреволюционеров перее... Постарайся притереться к нему: скоро вам предстоит большая совместная работа.

1 декабря 1934 года исключенный из партии как троцкист Леонид Николаев убил Кирова выстрелом в затылок прямо в здании Ленинградского обкома партии. Сделав роковой выстрел, убийца сам упал в обморок рядом с трупом жертвы. Сталин лично выехал в Ленинград. На запасной путь Ленинградского вокзала подали спецпоезд, к которому был прицеплен бронированный вагон генсека. Салон-вагон состоял из купе проводников, двух купе охраны, спального купе вождя, кабинета с большим столом, за которым можно было проводить совещания, кухни, душа и туалета. В одном из купе охраны Лебедеву выделили полку. Ту ночь Сталин провел один, ни с кем не общаясь. Утром прибыли в Питер. Среди встречавших выделялся начальник Ленинградского управления ОГПУ Филипп Медведь. Из окружавших его чинов Медведь выделялся не только огромным ростом и количеством ромбов в петлицах, но и пепельно-серым цветом лица. Расселись по машинам. Ягода махнул Николаю, чтобы тот сел на заднее сиденье его авто. Сам же Генрих Григорьевич уселся рядом с водителем и всю дорогу насвистывал веселый мотивчик из оперетты.

Приехали в Смольный. Сталин, Ворошилов, Ягода и несколько высоких начальников ОГПУ прошли в кабинет Кирова.

– Вы допустили преступную халатность в обеспечении охраны Кирова! – обратился Сталин к Медведю, выслушав его доклад о подробностях убийства. – Из-за вашей небрежности в работе мы потеряли одного из лучших учеников великого Ленина. Что будем делать, товарищи?

– Под суд их надо: и Медведя и его зама Запорожца, – ввернул Ворошилов.

– Товарищ Сталин! Разрешите сказать! – чуть слышно выдавил из себя Медведь.

– Вы уже все сказали своей работой! Товарищ Ягода! Освободите нас от общества Медведя!

– Руки назад! – скомандовал Медведю начальник следственного отдела ОГПУ Молчанов и защелкнул на них наручники. С Медведя содрали петлицы и орден.

– Пусть посидит на Литейном! – распорядился Хозяин.

Увели Медведя. Ввели привезенного с Литейного Николаева. Ночью он пытался покончить с собой – бился головой о стену камеры. Его голова и руки были забинтованы. На некогда светлой рубашке запеклась кровь.

– Зачем вы убили такого хорошего человека? – ласково обратился Сталин к Николаеву.

– Я стрелял не в Кирова – я стрелял в партию! – ответил тот.

– Где вы взяли оружие?

– Спросите у него! – кивнул Николаев забинтованной головой в сторону Запорожца.

– Уведите его и подождите в приемной! – приказал Лебедву генсек.

– М...и! – услышал Николай голос Сталина, когда закрывал дверь. – Толкуете о политическом процессе?! Какой процесс над психопатом-одиночкой? Уж, лучше бы он навсегда замолчал!

Усадив Николаева на стул секретаря, Лебедев встал у окна, чтобы пресечь попытку выброситься из окна. На подоконнике лежал окровавленный картуз Кирова. На него тупо смотрел убийца. Вскоре вывели Запорожца, тоже без петлиц и нашивок. Затем поступил приказ вернуть Николаева в камеру на Литейном проспекте. Арестованного увезли. Молчанов с Николаем сидели в приемной. Вдруг зазвонил телефон. Лебедев поднял трубку. Докладывал сотрудник местного управления:

– Произошла авария! В машину, где везли Николаева врезался другой автомобиль. Николаев погиб.

Лебедев сообщил о происшествии Сталину.

– Ну и слава Богу! – с облегчением выдохнул Хозяин.

Потом Николай обеспечивал безопасность вождя, стоявшего в почетном карауле во время прощания с Кировым ленинградцев. После Мироныча везли в сталинском спецпоезде в Москву. Там обеспечение безопасности вождей во время прощания в Колонном зале Дома Союзов. После работа на Красной площади во время захоронения урны с прахом Кирова в кремлевской стене.

– Отдохни денек, Лебедев! Здесь Паукер с Власиком управятся! Кстати, товарищ Ягода, я думаю: Лебедев засиделся в майорах госбезопасности. Ваше мнение?

– Так точно, товарищ Сталин! Засиделся!

– Готовьте бумаги о присвоении Лебедеву звания старшего майора госбезопасности! Послезавтра приходи, Лебедев, на службу с двумя «ромбами» в петлице! – кивнул Хозяин Николаю.

Два «ромба» Лебедев носил недолго. По указанию Сталина Ягода провел массированные проверки краевых и областных управлений НКВД. По их итогам пятнадцать руководителей были освобождены от занимаемых должностей, исключены из партии, уволены из органов. Их «прибрали» в тридцать седьмом году.

– Молодец, Ягода! – удовлетворенно кивнул вождь, ознакомившись с приказом по наркомату. – Эти люди перестали работать, стали жить словно графы при прежнем режиме. Железной метлой таких надо гнать со службы! Но, скажи откровенно: не жалко своих – евреев?

– А я не еврей, товарищ Сталин! Я – большевик! – поежился нарком.

Позже присутствовавший при разговоре Николай понял, что Генрих Григорьевич «вычистил» тех, кто мог составить ему конкуренцию. Тогда же Хозяин продолжил:

– Готовь аттестацию всего состава наркомата! Твои подчиненные в орденах и «ромбах» щеголяют, а Мироныча не уберегли! Плохо пока работают! Сам останешься в звании генерального комиссара государственной безопасности. Заместители останутся в прежних званиях. Остальных на два звания понизить! Это ж какая экономия народных денег получится! И еще: инструкция по охране членов Политбюро, разработанная в двадцатых годах, устарела. Гибель Кирова – тому подтверждение. Готовь новую инструкцию в соответствии с духом времени!

Ягода поручил эту работу Паукеру и Лебедеву. Хотел было подключиться Власик, коего Сталин не велел понижать в звании. Однако нарком притормозил:

– У Николая Сидоровича грамотёшки маловато. Пусть занимается своей непосредственной работой – охраняет Хозяина.

Когда вышли из кабинета, Паукер сказал:

– Надо бы найти бывших жандармов, которые составляли инструкцию об охране царской семьи. Если они уцелели. Не стоит отказываться от опыта прежних лет.

Нашли бывшего заместителя министра внутренних дел, жандармского генерала Джунковского – составителя этой инструкции. Теперь он служил сторожем при церкви. В худом старике мало что осталось от дородного, представительного военного, коим Николай помнил Владимира Федоровича по дореволюционным фотографиям. Разговор был недолгим.

– В ваших архивах, наверняка, имеется инструкция по охране членов императорской фамилии. Лучше того, что мы тогда написали, вряд ли можно придумать. – сказал Джунковский. – А меня от этого рода деятельности увольте! Стар! Здоровье уже не то: пять лет отбыл в концлагере и до этого арестовывался ЧК. При всем, при том исправно получаю пенсию от Советов, как жертва царизма!

– Как так? – удивился Лебедев.

– В бытность мою товарищем (заместителем – авт.) министра внутренних дел я доложил императору о кутежах и загулах Григория Распутина. В тот же день был отставлен от должности и отправлен на фронт.

– Скажите откровенно: почему не эмигрировали?

– Я считаю себя русским, православным человеком. Мой крест – быть с моим народом. Мое теперешнее служение в храме – тоже мой крест!

После беседы с Джунковским Николай Александрович направился в архив. Инструкция об охране членов императорской фамилии нашлась. Правда, его предупредили, что Ягода один экземпляр приказал доставить ему.

– Товарищ нарком не спросил: сколько у нас экземпляров, а мы не сказали, – ухмыльнулся архивариус.

Лебедев засел за документ. Там, действительно, было все от сопровождения во время пеших прогулок до поездок на поезде. Николай переписывал инструкцию, перефразируя ее. Ягода каждый день требовал отчета. Он внимательно читал написанное Лебедевым и, не стесняясь, сравнивал его с текстом пожелтевшей от времени брошюры. Когда работа была завершена, похвалил, пообещал, что в скором времени будет ходатайствовать о возвращении Коле одного «ромба» и добавил:

– Но вы же знаете Хозяина, Николай. Захочет – вернет, не захочет – мы оба костей не соберем!

Пообещал вернуть «ромб» и Сталин, однако добавил:

– Ты же знаешь Ягodu! У него семь пятниц на неделе. А органы выше меня, и меня проверить могут. Имеют на то право!

Новая жена

Немного оставалось времени у Лебедева на себя. Однако удавалось отдыхать от службы. В те годы началась «дружба» работников искусств и сотрудников органов госбезопасности. Совместные банкеты чередовались с совместными выездами на природу. После них руководители органов разъезжались по квартирам актрис. Для начальников это было не только любовным приключением. Женщин вербовали в качестве осведомительниц. Они охотно доносили на коллег, особенно на соперниц по сцене и постелям высоких руководителей. Для артисток ублажение сильных мира сего ассоциировалось с получением главных ролей, присвоением почетных званий, получением орденов, множеством материальных благ, особенно доступом в спераспределители, где их ждали одежда, обувь, парфюмерия от лучших мировых фирм, деликатесы, покупаемые по смешным ценам. Если же кому-то удавалось затащить в ЗАГС большого начальника, то такая женщина становилась полноправным руководителем театра. Главный режиссер, директор, все прочие «плясали по ее дудку», выполняя любые капризы новоявленной примадонны. До поры, до времени Сталин, любивший бывать в театрах, поощрял такую «дружбу».

Посещал такие мероприятия и Николай Александрович. Статного, худощавого офицера и в то же время сплошную гору мускулов женщины привечали. Однако узнав, что у него есть малолетний сын, тут же охладевали. Оставляли «в резерве», переключаясь на пожилых, одуловатых от пьянства и болезней, зато имевших много «ромбов» в петлицах мужчин. Временами приглашали Лебедева домой, когда покровитель пребывал в командировке или отпуске. Льнули к Николаю и сотрудницы аппарата Сталина, девчата из obsługi Хозяина и других членов Политбюро. На одну такую запал Николай Александрович. Маруся была маленькой, юркой, быстрой, всегда румяной. Она работала заместителем заведующего Отделом писем товарищу Сталину. Поначалу небольшая интрижка, начавшаяся с флирта, переросла в бурный роман. Лебедев не знал, чем привязала его Маруся, однако все больше и больше увязал словно в трясине, перестав бегать по актрисам и пролетарским поэтессам. Точку в истории поставил Хозяин. Он вызвал к себе Лебедева.

– Думаю, что надо тебе жениться! Хватит по актёркам бегать! Все, с кого ты е... – еврейки! Ты – русский и тебе нужна русская жена! Я тебе такую нашел. Да ты, насколько мне известно, спишь с ней. Мало того, она от тебя беременна. Словом, надо зарегистрировать законный брак и давать фамилию ребенку! Ягода, я слышал, в приемной дожидается. Позови!

Вошел Генрих Григорьевич, щелкнул каблуками.

– Вот, что, товарищ генеральный комиссар госбезопасности, Лебедев надумал жениться. Невеста – человек проверенный, член партии с тысяча девятьсот восемнадцатого года. Служила в штабе Реввоенсовета Республики, позже – в секретариате Ильича, теперь у меня трудится. Думаю, перевести ее в Наркомат внутренних дел. Подбери ей достойную должность и со званием подумай!

– Аттестуем, с учетом опыта и заслуг капитаном госбезопасности, товарищ Сталин...

– У нас Лебедев – капитан. Хватит пока старшего лейтенанта! – прервал наркома вождь. – Ступай, Лебедев делай официальное предложение, а мы с товарищем Ягодой текущими делами по его ведомству займемся.

Свадьбу сыграли по-домашнему: Лебедевы всей семьей, сестра Маруси – Ольга с мужем Николаем Павловичем. Ненадолго заехал Ягода. Вручил конверт с деньгами «на обустройство хозяйства». Поздравил, выпил рюмку и, сославшись на государственные дела отбыл.

– Мы, Анфиса Павловна, найдем общий язык. Мой папа тоже коммерцией занимался, – разоткровенничалась Маруся, когда нарком уехал. – Правда, своего дела у него не было. Служил артельщиком. Покупал для купцов, фабрикантов лес, уголь, прочие материалы. Достав-

лял их в Питер. Работал хорошо. Всегда сумел сэкономить, купить дешевле, нежели предполагали наниматели. Те при окончательных расчетах, как правило, говорили: «Возьми оставшиеся деньги себе, Федор Иванович! Это – тебе гонорар за труды!» Так, что папА дал нам с Оленькой гимназическое образование. Хорошо жили. Если бы папА не был картежником, открыл бы свое заведение. Потом умерла маман. ПапА проигрался в пух. Пришлось на службу устраиваться. Я трудилась в Питере на телеграфе. В революцию была телефонисткой и телеграфисткой в Смольном. Рассылала по губерниям ленинские декреты «О мир» и «О земле», соединяла по телефону Владимира Ильича и других вождей революции с заводами, воинскими частями, моряками Балтийского флота. Во время Гражданской войны находилась в Кремле, передавала командующим фронтами ленинские директивы.

– Повезло тебе, Маруся, – сказал Николай. – Живого Ленина видела!

– Владимира Ильича я видела только один раз, в девятнадцатом году. Хотя его кабинет был «стенка в стенку» с нашей аппаратной. Порвались мои полусапожки, купленные еще при царизме. Управляющий делами Совнаркома Бонч-Бруевич дал мне записку в распределитель. Туда же приехали Ленин, Крупская и сестра Ильича – Ульянова-Елизарова. Покупали Ленину ботинки. Долго не могли подобрать. Когда подобрали, Ильич радовался, словно ребенок! Да и цена оказалась более, чем сходной: всего шестнадцать рублей!

– Шестнадцать рублей за ботинки в девятнадцатом году? – усомнился Николай.

– На черном рынке такие ботинки стоили шестнадцать миллионов рублей. Но в распределителях как сейчас, так и тогда, были совсем другие цены. Я в тот раз новые полусапожки за восемнадцать рублей купила. Стыдно стало, что более дорогую обувь, чем у Ильича приобрела. Однако это были самые дешевые полусапожки, все остальные оказались несколько дороже.

Маруся переехала в квартиру Лебедевых. Прежнего, старорежимного владельца «уплотнили» еще на одну комнату. Николай Александрович стеснялся брать ордер на дополнительную комнату.

– Ты не очень-то жалея деда! – ответили ему в Хозяйственном управлении. – Бабка его год назад умерла. Зачем ему одному две комнаты? Официально в Гражданскую он служил в штабе Реввоенсовета. А какие заговоры плел за спиной у Советской власти – пока неизвестно. Ну, ничего! Настанет время, мы со всеми этими осколками империи разберемся!

Марусю перевели работать на Лубянку. Оттуда она ушла в декретный отпуск и в декабре тридцать пятого года родила сына. Мальчика назвали Генрихом в честь Ягоды. Нарком вновь заехал, полюбовался малышом, подарил десертную серебряную ложку «на зубок».

Хозяйкой новая жена оказалась никакой. Как только кончила кормить грудью, умчалась на службу, оставив детей на попечение Анфий Павловны и младшей сестры Николая Александровича – Кати. Правда, теперь не надо было мотаться за покупками. Ежедневно на дом привозили паек – свежайшие и отборные продукты. Одной черной икры в доме было столько, что есть ее не хотелось – надоедала. Помогала по хозяйству присланная из НКВД домработница. Зато коммерсанткой Маруся оказалась хоть куда. Когда в 1935 году завершилось строительство дома для сотрудников Наркомата внутренних дел в Большом комсомольском переулке (ныне Большой Златоустинский переулок – авт.), она «пробила» в нем три комнаты. Комнаты были куда больше, чем на Остоженке. До службы пять минут пешком. Чуть больше до распределителя для работников НКВД, где Маруся была частой гостьей. Покупала для себя, сестры Оленьки, деток. Перепадало мужу, но тот больше ходил в форме или же одевался как все, чтобы «не светиться».

С началом Большого террора жильё стало освобождаться. Народ переселялся кто в лагерь, кто в безымянные могилы на полигоне «Коммунарка». Семьи репрессированных вышвыривались из квартир в подвалы, аварийные коммуналки. Пусто стало и в кооперативном Доме Почтовиков в Крестовоздвиженском переулке. Там в свое время купили комнату

в коммуналке Ольга Федоровна и Николай Павлович. Теперь они оказались вдвоем в четырехкомнатной квартире.

– Давай, Коля, купим на наши сбережения все комнаты.

– Зачем нам столько? – удивился Лебедев.

– Твоя сестра Катя – невеста на выданье. Брату Александру не все время в казармах для комсостава ютиться. Брат Геннадий бронетанковое училище окончил. Сегодня служит на периферии, завтра – в Управление бронетанковых войск или в Генштаб попадет. Десять минут пешком – он на работе. Твой брат Кирилл – отрезанный ломоть на Дальнем Востоке. Вдруг ему там надоест? Тогда и у него крыша в Москве будет. Брата Костю пристраивать надо. Анфия Павловна пока у нас поживет, но прописать ее тоже там не мешало бы. Да и мой младший братик Саша в Литературный институт поступил. Ему комната нужна, чтобы учебой и творчеством заниматься. На ваши хоромы на Пресне заводоуправление который год зубы точит. Не твое положение – давно бы всех куда-нибудь выселили.

Сказано – сделано. Объединились две семьи под одним кровом. Тесноты не чувствовали. Зато было весело! Стало традицией собираться всем в Крестовоздвиженском на праздники. С утра водитель отвозил Анфию Павловну с пайковой снедью. Под ее руководством Катя и Ольга Федоровна, в отличие от сестры оказавшаяся отменной хозяйкой, готовили и накрывали на стол. Однако свои фирменные пироги и оладьи Анфия Павловна не доверяла никому. Всегда старалась подгадать так, чтобы к общему сбору они были горячими. Из-за занятости Николая в первый день праздников собирались не первого мая, а второго, не седьмого ноября, а восьмого. Потом добавился День Конституции – 5 декабря. На него собирались лишь обитатели Крестовоздвиженки. Николай Александрович с женой в этот день отправлялись на кремлевский банкет, оставив детей на попечение бабушки. Пили умеренно, зато много шутили, вспоминали былое, пели. Все Лебедевы обладали прекрасным музыкальным слухом, играли, как минимум, на двух инструментах.

В свободное от службы время Николай возился с малышом Генрихом, занимался с Вадиком. Старался уделить им одинаковое количество внимания и любви. Правда, в отношении старшего сына бывал строгим. Как-то посмотрел дневник и сказал:

– Нехорошо! Я всегда был круглым отличником, а ты четверки из школы таскаешь! Твой отец – боевой командир, значит, его сын тоже должен быть круглым отличником! Нет предметов важных и предметов второстепенных. Помни: знания, все равно, что винтовка в бою.

С тех пор Вадик стал учиться только на пятерки.

На службе складывалось по-всякому. Благоволил Сталин, приближал к себе Ягода. Однако непосредственный начальник Паукер все с большей опаской поглядывал на Лебедева. Все больше приближал к себе Хозяин начальника охраны Власика. Тот все больше выходил из-под контроля начальства. Вождь между тем постоянно выказывал расположение к телохранителю. Все чаще отправлял Паукера с Лебедевым из Кремля или с дачи, говоря:

– Здесь Власик управится.

Все чаще Власик оказывался первым в списках представленных к наградам. Ну а Паукер вдруг пробил должность еще одного заместителя – первого. Им стал Борис Яковлевич Гулько. Николай промолчал. Иосиф Виссарионович сам прокомментировал ему ситуацию:

– Ты, Лебедев, – русский. Власик – белорус. Вот и пытается Паукер на своих – евреев опереться. Думает, если еврей, значит не подставит... Пусть пока Гулько работает. Посмотрим: до чего он доработается.

В стране между тем разворачивался очередной виток массовых репрессий. Они шли с 1917 года, то затухая, то разгораясь с новой силой. Сначала казнили или гноили в концлагерях и ссылках классовых врагов – капиталистов, помещиков, белогвардейцев, священнослужителей. Заодно «перепало» тем, для кого делалась революция – рабочим и крестьянам. После завершения Гражданской войны прокатилась волна расстрельных процессов над пар-

тийными, советскими, государственными работниками, уличенными во взяточничестве и казнокрадстве. На рубеже двадцатых-тридцатых годов репрессии обрушились на представителей «старой, буржуазной» интеллигенции. Ученых, инженеров, агрономов обвинили во вредительстве, саботаже заданий первой пятилетке. Затем «добрали» бывших дворян, полицейских, жандармов. За ними – нэпманов. Сначала массово высылали из крупных городов, позже расстреляли. Миллионы крестьян «раскулачили». Расстреляли десятки тысяч человек, остальных сослали в Сибирь. Хозяин заявил, что по мере успехов в строительстве социализма классовая борьба будет обостряться, а возглавят ее бывшие соратники, вставшие в оппозицию сталинскому курсу развития страны. Поначалу взялись за рядовых оппозиционеров: троцкистов, зиновьевцев и прочих. Кого-то расстреляли, кого-то отправили в лагерь, кого-то выслали в отдаленные районы. Венцом разгрома оппозиции, по мнению вождя, должны были стать судебные процессы над ее вождями.

В 1935 году Паукеру и Лебедеву приказали арестовать Каменева.

– Вас приглашает Генрих Григорьевич Ягода, – выдали чекисты уже ставшую традиционной фразу, ставшую синонимом ареста.

Затем четыре часа длился обыск. Каменев вел себя спокойно, курил в кабинете. Знал, что улики против него нет. Осмотрели все, перевернув каждую страницу в книгах. Настало время уезжать. Жена Каменева – Ольга Давидовна (сестра Троцкого) уложила белье и постельные принадлежности в маленький фибровый чемодан. Сверху она поместила портрет Ленина, читающего «Правду».

– Не положено! – сказали Каменеву во внутренней тюрьме на Лубянке и отобрали портрет.

Год провел Каменев в тюрьме. Затем его вывели главным обвиняемым по делу об организации антисоветского заговора. Привезли в Москву и бывшего первого секретаря Ленинградского обкома партии, соратника Ленина – Зиновьева и старого друга Каменева, уже не один год сидевшего в лагере. Поначалу друзья упорствовали. Однако путем физических и физиологических пыток их быстро сломали. Сталин пообещал сохранить жизнь обоим. Суд длился меньше недели. Хозяин велел Николаю Александровичу присутствовать на заседаниях и докладывать, как вели себя подсудимые, не отказываются ли они от данных на следствии показаний, все ли гладко в слушании дела, нет ли в нем каких-либо нестыковок. Пожелтевшие, похудевшие, отекавшие от избытка соленой пищи при полном отсутствии воды подсудимые покорно отвечали на вопросы прокурора и членов суда. Рядом с ними на скамье подсудимых сидели следователи, следившие, чтобы те отвечали четко, и не вздумали отказаться от данных на следствии показаний. Затем был приговор – расстрел. Вечером Николай доложил об итогах суда Сталину. Тот приказал присутствовать на казни Ягоде и Паукеру. Ночью осужденных отвезли к месту расстрела. Утром Ягода с Паукером прибыли с докладом к вождю. Там же находились Лебедев и Власик.

– Ну и как они встретили смерть? – спросил Хозяин.

– Каменев – спокойно. Как вел себя Зиновьев – покажет Паукер, – кивнул на подчиненного Генрих Григорьевич.

– Ах, нет! – заломив руки, закатил глаза Паукер. – Вызовите сюда, немедленно вызовите Иосифа Виссарионовича! Позвоните товарищу Сталину!

Ахая и завывая, Паукер, опустил на колени, принялся хватать за сапоги Лебедева и Власика. Раздался оглушительный хохот Хозяина, смеявшегося крайне редко. После Сталин неоднократно на банкетах и посиделках в узком кругу требовал от Паукера показать последние минуты жизни своего политического оппонента.

Затем последовал так называемый второй Московский, суд над маршалом Тухачевским и рядом военачальников – героев гражданской войны. Он шел по сценарию первого Московского процесса над Зиновьевым и Каменевым. С отрепетированными ответами на вопросы,

следователями рядом с каждым из подсудимых, газетами в руках последних, залами с публичной, требовавшей: «Заговорщиков и предателей расстрелять как бешеных собак!»

Николай Александрович знал всех подсудимых. Кого-то некогда охраняли его подчиненные, кого-то он видел на кремлевских банкетах, парадах, спортивных праздниках. Ну а теперь они сидели измученные пытками в стареньком красноармейском обмундировании. В отличии от штатских, фигурировавших на втором Московском процесс, военные отказались от данных на следствии показаний.

– Меня вынудили дать показания под пытками! – заявил Тухачевский.

– Из меня выбили показания! – выкрикнул подсудимый Якир.

– Подписал протоколы допросов после пыток, – добавил еще один герой Гражданской войны Уборевич.

– Ладно, разберемся! Продолжаем слушание дела! – оборвал их председатель трибунала маршал Блюхер.

Суд был недолгим, а приговор: расстрел, на котором присутствовал Паукер. Осужденных расстреляли в подвале военной коллегии, где выносили приговор. Наутро он был подавлен.

– Надо же! – вырвалось у него. – Перед казнью Тухачевский кричал: «Слава Красной Армии!», а Якир: «Да здравствует товарищ Сталин!»

Внезапно закачался пол под самим Паукером. Хозяин приказал найти лучшего парикмахера Москвы. После проверки биографии и всех связей, включая друзей детства, того аттестовали как офицера госбезопасности и приставили в качестве брадобрея к вождю. Паукер заметался, постарался выслужиться. Как-то в присутствии Гулько и еще нескольких сотрудников он вдруг заявил:

– А отец Лебедева при царизме использовал наемный труд! Я как узнал об этом – у меня яйца поседели!

Через несколько минут Николая пригласил Сталин.

– Правда, что Паукер про тебя говорит? – спросил он.

– Так точно, правда, товарищ Сталин. Я про свое происхождение написал в автобиографии и анкете. Указал, что по решению товарища Дзержинского отец восстановил его мастерские после пожара, производил в них продукцию для Красной Армии. Был до своей смерти в тысяча девятьсот двадцать пятом году директором этого предприятия. Вероятно, товарищ Паукер не дочитал до конца...

– Ну вот, а ты говорил: «Яйца поседели!» – кивнул Хозяин Паукеру. – Иди, Лебедев, работай пока!

Через пару дней состоялось партийное собрание, рассмотревшее персональное дело Паукера Карла Викторовича. Сталин на него Лебедева и Власика не пустил. Велел Гулько договориться с партийным руководством об их отсутствии.

– У вас обоих дел хватает по обеспечению моей охраны! – сказал он Николаю Александровичу. – На расстрелы тебе тоже не надо ездить. Я об этом предупредил Гулько.

На собрании Паукера обвинили во всех смертных грехах, массе ошибок, допущенных в охране членов Политбюро, связях с осужденными оппозиционерами, высказали подозрения в сотрудничестве Карла Викторовича с немецкой разведкой. Решением партсобрания Паукера исключили из партии и уволили из органов внутренних дел. Через три дня его арестовали и поместили во Внутреннюю тюрьму на Лубянке. Дело поручили вести Гулько. Это означало, что теперь он возглавит управление.

– Не жалей, Лебедев! Ты еще накомандуешься, – успокоил Хозяин. – Да и дело тебе вести не надо бы. Во всяком деле могут быть ошибки. Здесь ошибки могут стоить человеческой жизни, а расплачиваться за них придется своей!

Между тем, готовился третий Московский процесс над оппозиционерами. Ему предшествовал пленум ЦК ВКП (б). На пленуме кипели страсти. Сталин приказал Лебедеву и Гулько

не отлучаться из Кремля. Двери Ленинского зала Большого Кремлевского дворца иногда открывались, и Николай с начальником могли слышать полемику между членами ЦК.

– Вы хотели арестовать меня! – визжал, обращаясь к Ягоде, новый нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов.

– Сожалею, что не сделал этого! – отвечал его предшественник, перемещенный из НКВД в наркомы связи.

В перерывах между заседаниями Гулько вызвали в комнату отдыха членов президиума.

– Пойдем! – сказал он Лебедеву, вернувшись. – Хозяин приказал взять Бухарина.

Чекисты шли по анфиладам комнат, окружавших зал заседаний.

– Бухарина брать идут! – шушукались вышедшие покурить старые большевики, увидевшие сиреневые гимнастерки.

Бухарина нашли на улице. Он курил у подъезда.

– Нарком внутренних дел приглашает вас к себе, Николай Иванович! – отдал честь Гулько.

– Раз приглашает – значит, надо ехать, – вздрогнул тот.

Бухарина привезли на Лубянку и сдали под расписку дежурному.

Ягода слишком много знал. Поэтому Сталин вынашивал план замены его на посту наркома внутренних дел. На одном из пленумов ЦК Хозяин сказал:

– Я уже стар, много болею. Мне нужен молодой, энергичный помощник, который со временем заменит меня на посту генсека. Предлагаю избрать секретарем ЦК товарища Ежова. Он соответствует этим требованиям. Имеет опыт партийной работы, прекрасно знает наши партийные и хозяйственные кадры. Ему надо поручить курирование органов госбезопасности».

Ежова избрали секретарем ЦК. Вскоре у него начались трения с Ягодой, быстро переросшие во взаимную ненависть. Как человек маленького роста, Ежов безмерно жаждал власти. Он был угодлив к стоявшим выше его и презрительно-высокомерным по отношению к подчиненным. Эти качества проявились сразу же после его избрания. Принялся Николай Иванович навязывать свою волю и Ягоде, который терпел вмешательство в дела его ведомства только со стороны Хозяина. Имевшие огромный опыт интриганства оба руководителя стали настраивать друг против друга своих подчиненных. Один – аппарат ЦК, другой – аппарат НКВД. Неоднократно шли они с жалобами друг на друга и к Сталину. Наконец, Ягода предложил арестовать Ежова как троцкиста. Он принес вождю подборку выбитых против Ежова показаний.

– Пусть полежат до поры, до времени у меня в сейфе. А там видно будет! – довольно сказал генсек, запирая документы.

Потом настал час Ежова. Под следствием оказался уже сам Ягода. Хозяину надо было уничтожить последних учеников Ленина: Бухарина, Рыкова, Крестинского, Томского. На февральско-мартовском пленуме 1937 года было принято решение об отдаче их в руки суда и следствия. Незадолго до этого Ягода был освобожден от поста наркома внутренних дел. Его назначили наркомом связи СССР.

Сталин ввел порядок, согласно которому все партийные и государственные учреждения работали до тех пор, пока сам он не покидал кабинет. Работал же вождь до двух-трех часов ночи. Правда, если он вставал в одиннадцать-двенадцать часов дня, то все остальные были обязаны явиться на службу к восьми утра. Вернулся в наркомат и Ягода. Машины Гулько и Лебедева уже дежурили у входа в здание. На случай попытки скрыться за авто Ягоды, следовали от Кремля две машины НКВД с оперативниками. Переодетые в штатское чекисты находились и в приемной Ягоды.

– Сегодня приема не будет, товарищи! – тяжело вздохнул Генрих Григорьевич, войдя в приемную.

Лебедев с Гулько, следившие за приемной из кабинета первого заместителя наркома связи, прошли в кабинет Ягоды.

– Я же сказал, что сегодня приема не будет, – даже не оторвался от бумаг тот.

– А нам и не нужен прием! Нарком внутренних дел приглашает на прием вас, гражданин Ягода, – протянул Гулько ордер на арест.

– И вы здесь, Николай? – забежали глаза Генриха Григорьевича.

– Приказ Хозяина, – ответил Лебедев.

Мелко затряслись голова и руки бывшего наркома внутренних дел. По-стариковски суетясь, он одел шинель и тяжело дыша, направился в сопровождении Николая Александровича к выходу. Гулько остался проводить обыск на рабочем месте. Ни слова не проронил Ягода по пути на Лубянку, только вздыхал и тряс головой.

– Непорядочек, товарищ капитан госбезопасности! – встретил их наглый мордастый парень, принимавший арестованных на Лубянке. – Враг народа, а с наркомовскими петлицами, с орденом.

– Ты с кем разговариваешь? С дворником? – возмущенно спросил Лебедев парня, сдиравшего петлицы и орден с френча Ягоды.

– Все вы здесь временные! Сегодня – с ромбами и орденами, а завтра – враги народа! В наручниках через этот предбанник пойдете!

В тисках репрессий

С первых дней своего руководства Ежов приступил к реорганизации аппарата НКВД.

– Все вы разложены, избалованы высокими чинами, полученными не по заслугам, – заявил он на одном из совещаний. – У нас больше, чем в армии народа, имеющего генеральские звания. С этим будем кончать! Заодно посмотрим: все ли соответствуют имеющимся у них званиям. Враги проникли в органы. Поэтому упорядочивание званий будет производиться одновременно с поголовной проверкой всех наших сотрудников! Мы возьмем всех шпионов и диверсантов, окопавшихся в нашем аппарате!

Тем не менее, после этого совещания всем работникам органов вдвое были повышены должностные оклады. Одновременно шла проверка работников органов. Это было уничтожение всех неугодных Ежову. Сначала арестовали служивших в аппарате латышей – тех самых бывших латышских стрелков, что перешли на сторону революции. Среди них было немало членов партии с дореволюционным стажем. Латышей, охранявших дачи Сталина, Николаю удалось на время отстоять. Как ни уговаривали его дать согласие на их арест, он отвечал словами:

– А кто будет нести охрану товарища Сталина?

– Ты, что этих мужланов в Кремле держать хочешь, с их рожами белоглазыми? – спросил начальник контрразведки Молчанов.

– В Кремле они не работают. Охраняют дачи в Рублево и Кунцево. Там сплошные лесопарки. А лес латыши как никто другой знают. Кроме того, все они члены партии с дореволюционным стажем. Все прошли Гражданскую войну. Их всех убрать – сколько времени новых людей учить надо? Нет, Георгий Андреевич, не дам я согласия на арест латышей!

– Ладно, Хозяин решит, – мрачно произнес Молчанов. – Только смотри, Коля, как бы тебе самому кровью харкать не пришлось.

Через несколько дней Лебедев, Гулько и Власик сопровождали Иосифа Виссарионовича на прогулке в Кунцево.

– Что-то, Лебедев, я не вижу охраняющих меня латышей, – покрутил головой по сторонам вождь.

– Так, вы, товарищ Сталин, не любите, чтобы наши сотрудники «светились», – ответил Николай.

– Ну и где они? Спят? – недовольно повернулся к нему Хозяин.

Лебедев засвистел по-птичьему. Часть большого дерева отъехала в сторону. В огромном дупле стоял латыш-охранник. На полочках, сделанных в дупле были аккуратно разложены пара маузеров, гранаты. Там же стоял ручной пулемет.

– И так везде! Не то что каждый сантиметр, каждый миллиметр территории под контролем, – доложил Николай Александрович.

– А мне говорили, дескать, латыши не столько служат, сколько спят, – поморщился вождь и повернулся к Гулько. – Вступился за латышей только Лебедев. А ты, Гулько, почему промолчал, когда к тебе контрразведчики за их головами приходили.

– Я отвечаю за охрану всего Политбюро, Лебедеву лучше знать своих работников. – потупился Борис Яковлевич.

– А ты, Власик, почему молчал? Это – твои непосредственные подчиненные!

– Мой непосредственный начальник – Лебедев. Ему лучше знать, товарищ Сталин, – спрятал глаза тот.

– Ох, уж эти контрразведчики! Всюду им шпионы да заговорщики мерещатся! – усмехнулся в усы Хозяин. – Молчанов всегда много брака в работе допускал. Придется с ним разбираться. А латыши пусть работают пока.

Через некоторое время был арестован и расстрелян Молчанов, а вместе с ним ряд контрразведчиков.

Все сильнее раскручивалась пружина репрессий в органах. Вести дело арестованного начальника управления или отдела поручали его первому заместителю, которого назначали на освободившееся место. Разумеется, преемник делал все, чтобы добиться от бывшего начальника признания в преступлениях, караемых смертью. Через некоторое время арестовывали и этого руководителя, и уже его дело поручали вести его вчерашнему заму. Пять раз проходили такие изменения в органах накануне войны. Такая же система была введена в армии, промышленности, науке и культуре. Только там преемник не вел лично дело бывшего начальника, а курировал ход следствия. Одновременно с латышами репрессии обрушились на эстонцев, литовцев, поляков. Хотя наряду с ними бросались в тюрьмы представители других больших и малых народов, этих уничтожали поголовно.

– Если они не шпионы сейчас – станут шпионами в будущем! Зачем нам потенциальные враги? – ответил Хозяин на предложение Ежова установить процент арестов среди прибалтов и поляков. – Никаких процентов! Пока на их родине существуют буржуазные режимы, вся эта шантрапа должна находиться за Уралом!

Тем не менее, идея процентов Сталину понравилась. Начали устанавливаться планы по арестам: годовые, квартальные, месячные. Разрабатывались планы по арестам немецких, английских, японских и прочих шпионов, троцкистов, правых уклонистов, вредителей. Судам спускались сверху планы по вынесению смертных приговоров, двадцатилетних и прочих сроков заключения. Везло тем, кто попадал в суд в конце месяца. К этому времени план по расстрелам, как правило, был уже выполнен, и подсудимые приговаривались к заключению. Тоже самое происходило в Особых совещаниях – судебных органах с быстрой процедурой рассмотрения дел. Там дело рассматривалось без подсудимого, а подчас – и прокурора. Однако вскоре нашли лазейку для перевыполнения плана по расстрелам – начали осуждать на десять лет без права переписки. Эту категорию осужденных уничтожали или сразу же после вынесения приговоров, или же помещали в лагерь, где людей расстреливали или забивали насмерть, когда такое решение принимала администрация.

Закрутился в маховике репрессий Паукер. Его допрашивал сам Гулько. Будучи боксером, он приказывал подвесить жертву к потолку на подобие «груши» и отрабатывал на нем приемы. Теперь уже Карл Викторович, карикатурно показывавший последние минуты Зиновьева, сам умолял позвонить товарищу Сталину.

– Может быть, Хозяина прямо сюда привезти? Под твои ясные очи? – еще сильнее лупил его по почкам, печени, позвоночнику, сердцу Гулько.

Однажды Борис Яковлевич заглянул в кабинет Николая, будучи расстроенным.

– Вот, сволочь, сдох! Кто мог подумать, что у Паукера окажется такое слабое сердце? – проворчал он. – Что теперь делать?

– Хозяину докладывать нельзя, – ответил Лебедев. – Он не любит брака в работе. Доложить надо наркому. Чтобы как-то договорился с генеральным прокурором Вышинским и председателем военной коллегии Верховного суда Ульрихом.

Николай Иванович Ежов попенял Гулько, что подследственные должны давать показания, а не умирать во время допросов, но в конце концов промолвил:

– Х... с ним! Не велика потеря!

На протоколы допросов поставили факсимиле убитого. Затем в машине с надписью «Хлеб» перевезли с Лубянки в здание военной коллегии Верховного суда СССР. Там быстро состряпали протокол судебного заседания и приговор. Затем тело кинули в «воронок» с приговоренными в тот день к расстрелу. Вывезли на полигон «Коммунарка». Швырнули труп в заранее вырытую могилу. Через несколько минут на то, что некогда было Карлом Викторовичем

Паукером посыпались расстрелянные. Николай Александрович после этого свой собственный факсимиле сжег.

Грянул третий Московский процесс. Снова Лебедеву пришлось сидеть на судебных заседаниях, затем докладывать о ходе разбирательства Хозяину. Как и на других процессах измученные пытками люди давали нужные судьям показания, оговаривали себя, соратников по борьбе, друзей. Ягода даже «сознался» в отравлении пролетарского писателя Максима Горького и наркома тяжелой индустрии Куйбышева. Некогда стелившийся перед ним генеральный прокурор Вышинский теперь отыгрывался по полной, унижая при каждом удобном случае бывшего всесильного наркома.

– Что же вы чувствуете, представ перед советским судом, заговорщик и фашистский наймит Ягода? – задал вопрос незадолго до вынесения приговора Вышинский.

– Я очень сожалею... – пробормотал Генрих Григорьевич.

– О чем вы сожалеете, преступник Ягода? – не унимался прокурор.

– Я очень сожалею, что всех вас не расстрелял! – взвизгнул подсудимый.

– Конвой! Выведите его из зала заседаний! – приказал председатель суда Ульрих. – Нам его показания больше не понадобятся! Подсудимый Ягода сам разоблачил себя в контрреволюционно-троцкистской деятельности!

Разумеется, в своей заключительной речи Вышинский заявил:

– Вражеских шпионов и заговорщиков расстрелять как бешеных собак!

Утром к Николаю в кабинет заглянул возбужденный и слегка хмельной Гулько.

– Ягоду вчера казнили и некоторых его прихлебателей из органов, – сообщил он.

– Вероятно, расстреляли? – попробовал уточнить Лебедев.

– Нет, казнили! Железными прутьями насмерть забили! Ежов казнью лично руководил. Всю ночь убивали. Мы два ящика гамбургского пива выпили. Ну и потом нарком поднес из своих запасов коньяка. Ну, нарком – молодец! Я от него такой прыти не ожидал! – пахнул перегаром Борис Яковлевич. – У тебя опохмелиться не найдется?

Николай достал бутылку армянского коньяка. Начальник наполнил стакан до краев и осушил его.

– Теперь пойду спать. Завтра в час дня буду докладывать Хозяину.

К часу дня Николай и проспавшийся Гулько прибыли к Сталину. Борис Яковлевич доложил о казни Ягоды.

– Что с остальными? – спросил вождь.

– Остальных, товарищ Сталин, завтра ночью в «Коммунарке» расстреляют.

– Съезди, посмотри. А наш воробышек Ежов – прыткий! Далеко полетит, если не останить.

У Лебедева сложились странные отношения с новым наркомом. Он то приближал Николая, то отдалял его. Так во время выборов в Верховный Совет СССР Ежов сам предложил Лебедеву стать его доверенным лицом. Поехали в город Горький, где баллотировался нарком внутренних дел. Встреча с избирателями проходила в недавно построенном Дворце культуры работников автозавода. В соответствии с инструкцией, Николай Александрович вошел в здание первым. Войдя, он попытался придержать дверь, державшуюся на тугих пружинах. Рука в перчатке заскользила, дверь вырвалась и ударила по лбу наркома. «Ё... твою мать!» – заверещал полутораметровый Ежов, отброшенный на руки сопровождавших его лиц. Вышли на сцену. Зал, рассчитанный на несколько тысяч человек, встретил наркома овацией. Раскланиваясь с залом и аплодируя самому себе Ежов, цедил сквозь зубы нецензурщину в адрес сидевшего рядом Лебедева. Наконец, аплодисменты утихли. Николай зачитал биографию наркома и предоставил ему слово. Жуткую картину всеобщего заговора нарисовал тот в своем выступлении.

– Везде и всюду враги. Они есть на каждом заводе, в каждом колхозе, в каждом учреждении. Вы думаете врагов нет здесь? – спросил он, подойдя к краю сцены. – Есть! И их много! Но недолго им гулять по нашей родной советской земле! Всех возьмем!

С этими словами Ежов взметнул вверх свой крохотный кулачок. Овация была ему ответом.

– Да здравствует товарищ Ежов! Даешь ежовые рукавицы для врагов народа! – несло из зала.

В ту же ночь арестовали всех, кто присутствовал на встрече с наркомом. Николай же больше месяца не показывался на глаза начальнику.

Атмосфера страха охватывала страну. Безотказно работала машина подавления. Каждую ночь тысячи людей отправлялись за решетку. Каждый день тысячи людей пополняли лагерь. Каждый день сотни людей расстреливались или уничтожались другими способами. Главный удар наносился по старым членам партии. Они могли знать что-то компрометировавшее Хозяина и его приспешников. Они на правах старых товарищей протестовали против репрессий, против диктатуры. Поэтому в тот период Сталин выдвинул лозунг: «Кто не с нами – тот против нас!» В созданном Наркомате партийного контроля фабриковались материалы по исключениям из партии, за которыми следовали передачи дел в следственные органы. Нарком народного контроля Шкирятов, которого сразу же прозвали Малютой Шкирятовым по аналогии с подручным Ивана Грозного – Малютой Скуратовым, еженедельно ездил к Хозяину для утверждения списков исключенных из ВКП (б) – ветеранов партии, высших руководителей, военных. Казалось, не было такого коммуниста, под которого Наркомат партийного контроля не сумел бы подвести идеологическую базу для исключения из партии. В этой обстановке награждение, повышение в должности не приносило радости: все знали, что сразу за ним может последовать арест. Наряду с доносами, написанными по идейным соображениям, писались доносы из зависти и желания отомстить. Страх царил не только в народе – он царил даже в Кремле.

Разоткровенничавшийся однажды Ворошилов показал Николаю Александровичу, как перепланировали его кремлевскую квартиру.

– Хочешь знать, где моя спальня? Смотри! – с этими словами нарком нажал на одну из книг в большом стеллаже.

Стеллаж отъехал и сквозь проем нарком с гостем вошли в спальню.

– Но это – еще не все! Вот подарок балтийских моряков, – указал Ворошилов на веревочную лестницу, прикрепленную к подоконнику. – В случае чего можно спуститься на кремлевскую стену.

Боялся всего и Сталин. Он не верил даже своим приспешникам, не раз доказывавшим ему преданность. Почти все их родственники были арестованы и содержались в тюрьмах в качестве заложников.

Лебедев не участвовал в ведении следствий, в допросах «с пристрастием». Туда охотно направлялся Гулько. Все больше оттеснял Николая Александровича от контактов с Хозяином Власик. Правда, по приказу Сталина Николай по-прежнему проводил с ним три месяца на одной из южных дач, сопровождал в театры, на парады, спортивные мероприятия. Нередко отвозил на подмосковные дачи. Как-то «упали» на Лебедева ордена «Знак почета» – в тридцать шестом году и Красной Звезды – в тридцать седьмом. Хотя сам Николай Александрович не видел своих каких-то особых заслуг, достойных правительственных наград.

– Пока не могу тебе вернуть «ромб», вот и компенсирую орденами. За каждый орден положена ежемесячная выплата. Так, что только на наградах ты имеешь зарплату советского служащего. Предлагал повысить тебя в звании, но, сам знаешь, у Ежова семь пятниц на неделе.

Примерно тоже самое сказал Ежов, сославшись на упёртость Хозяина.

В отпуск 1938 года Иосиф Виссарионович поехал без Лебедева и Гулько.

– Власик управится! У него большой опыт организации моей охраны.

На три месяца вздохнули спокойно. Планировали мероприятия по охране других членов Политбюро, оставшихся в Москве. Затем еще раз просмотрели планы мероприятий по встрече Сталина, когда тот возвратится из отпуска. Отдельно – если поедет по железной дороге из Сочи в Москву, отдельно – если доедет поездом до Баку, а оттуда по Каспийскому морю и Волге в столицу. Еще раз начали вносить уточнения в планы мероприятий во время парада и демонстрации трудящихся 7 ноября и последующего за ними банкета в Георгиевском зале Большого кремлевского дворца. Словом, все шло как всегда и ничего не предвещало беды.

18 сентября 1938 года Гулько заглянул в кабинет Лебедева.

– Тебя вызывает нарком, – сказал он и быстро закрыл за собой дверь.

Николай Александрович вышел из кабинета. С двух сторон в его виски полетели удары. От одного увернулся, второй «поймал». Когда очнулся, почувствовал, что руки скованы за спиной наручниками. С его гимнастерки спарывали петлицы, затем сорвали с груди ордена и знак «Почетный работник ВЧК-ОГПУ». Подняли на ноги, сняли португепю, выудили из заднего кармана галифе браунинг. После этого «от души» двинули в челюсть.

– Где маузер? – спросил старший из группы захвата.

– В сейфе...

– Повели! Обыск на рабочем месте будем проводить!

– Не все нашел! – усмехнулся Лебедев. – В правом голенище посмотри!

Оттуда вытащили финский нож, отобранный много лет назад Николаем у контрабандиста. Лебедев всегда держал при себе это оружие на случай, если в экстремальной ситуации кончатся патроны в маузере и браунинге. В кабинете предъявили ордера на арест и обыск подписанные самим Вышинским, отперли отобранными у задержанного ключами сейф, изъяли маузер. Втерся Гулько.

– Не знал, Коля, что ты окажешься троцкистом, заговорщиком и фашистским агентом, – ударил он Лебедева в солнечное сплетение, промазал, нанес еще несколько ударов, от коих Николай увернулся. – Знал бы – собственной рукой тебя – паскуду бы «шлёпнул»!

– Борис Яковлевич, – обратился Лебедев к начальнику. – Здесь явное недоразумение! Ошибка! Надо бы доложить Хозяину...

– Контрразведка не ошибается! – нанес еще серию ударов Гулько. – Хозяин знает о твоём аресте! Доложили шифровкой. Говори, гнида, где прячешь изобличающие тебя документы?

– Ты, что, Борис Яковлевич, рехнулся? Кто же такие документы держит на рабочем месте?

– Дворник тебе Борис Яковлевич! Я для тебя, гнида, старший майор государственной безопасности, гражданин Гулько!

– Товарищ старший майор! Не отвлекайтесь! Нам бы провести обыск, да сдать эту нечисть во Внутреннюю тюрьму, – остановил Гулько старший из оперов.

Перевернули все вверх дном. Разумеется, ничего порочившего Лебедева, кроме бутылки армянского коньяка, не нашли.

– Совсем разложился! Пьянствовал на службе! – шипел Гулько, пытаясь завладеть бутылкой.

– Это, товарищ старший майор, вещественное доказательство, – остановил его старший группы и, заворачивая бутылку в газету, кивнул подчиненным. – Обыск на рабочем месте результатов не дал. Обыск по месту жительства уже проводит другая группа. Вы, товарищ Гулько, возьмите, что необходимо для работы. Остальное уборщица выбросит. Пошли!

На дверях кабинета уже прикручивали новую табличку.

«Старший майор госбезопасности Николай Сидорович Власик», – успел прочитать Лебедев.

Николая провели в другое крыло огромного здания, спустили в подвал, передали под расписку тюремщикам.

– Переодеть бы его... – сказал старший из оперов. – Не хорошо, что враг народа в нашей, чекистской форме...

– На полигоне в «Коммунарке» переоденут, когда расстреливать будут, – с хохотком ответили ему. – Нет сейчас бывшего в употреблении красноармейского обмундирования. Все разошлось по арестованным! Да и гимнастерку его вы повредили – ордена «с мясом» выдирали. Не представляет она никакой ценности.

Лебедева погнали в душ, выдали обмылок дегтярного мыла, мочалку, использованную не одним сидельцем. Осмотрел врач, которого в-первую очередь интересовало: не страдает задержанный туберкулезом и венерическими болезнями. Отвели в камеру-одиночку с привинченными к полу столу, стулу, железной кроватью с тощими тюфяком и подушкой. Не успел осмотреться, вызвали на допрос. В переоборудованной под кабинет камере Николая встретил молодой одутловатый от пьянства мужчина, пропахший мочой и перегаром.

– Я – Павел Яковлевич Мешик – следователь контрразведки, – представился он. – Ваши анкетные данные мне известны – взяты из вашего личного дела. Не будем терять времени на биографические подробности. С предъявленными вам обвинениями вы знакомы из ордеров на арест и обыск. Расскажите, Николай Александрович, а еще лучше чистосердечно напишите о своей контрреволюционно-троцкистской, заговорщической, шпионской деятельности. Как и при каких обстоятельствах в эту деятельность вас вовлек ныне разоблаченный и расстрелянный враг народа Ягода?

– На чью же разведку мы с Ягодой работали?

– Как на чью? На немецкую!

– Товарищ следователь! – сказал еще не привыкший к обращению «гражданин» Николай. – Вы газеты читаете? Знаете, что фашисты творят с евреями! Как мог еврей Ягода быть немецким шпионом?

– Тамбовский волк вам товарищ! Я для вас – гражданин следователь. Здесь, в показаниях вашего бывшего сотрудника, написано, что был...

Лебедев вспомнил, как месяц назад исчез один из старших лейтенантов госбезопасности. Правда, он не являлся непосредственным подчиненным Николая Александровича. Теперь Мешик перебирал страницы «дела».

– Арестованный показал, что вы вовлекли его в заговор, направленный на уничтожение социалистического строя и реставрацию капитализма в нашей стране. Согласно плану заговорщиков, вам надлежало арестовать товарища Сталина и других членов Политбюро. Он же должен был доставить арестованных на Лубянку. Понимаю, что одно дело быть вовлеченным в заговор, так сказать, оказаться жертвой. Другое дело – быть организатором заговора. Я даю вам шанс, хороший шанс. Вы не были противником Советской власти. Вас им сделал разоблаченный и расстрелянный враг народа Ягода. Валите все на него! Суд учтет ваше чистосердечное признание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.